82.3(2=632.1)-6
А 521

алтайские

сказки

398.5
А-52

алтайские сказки

Новосибирская Областная
БИБЛИОТЕКА
335886

1937
НОВОСИБИРСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

82.3(2=632.1)
А521

593081

Национальная
библиотека
Республики Алтай
им. М.В. Чевалкова

Художник
А. ЗАКОВРЯШИН

5-АС-37

СКАЗКИ АЛТАЙСКОГО НАРОДА

I.

О прошлом народа многое могут рассказать произведения устного народного творчества — былины, сказки, песни.

«Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества», — говорил Алексей Максимович Горький в докладе на первом всесоюзном с'езде советских писателей.

Об алтайцах, являющихся коренным населением Ойротии, мы находим в «Большой советской энциклопедии» следующие строки:

«Народная словесность на алтайских языках чрезвычайно богата, но письменности и алфавита у алтайских народностей до последнего времени не существовало; поэтому, миссионеры... пользовались для своих переводов на алтайский язык особым транскрипционным алфавитом на основе русского».

Мнение о том, что у алтайцев в прошлом совершен-

но не было своей письменности, укоренилось довольно крепко. Между тем, алтайские народные сказки позволяют не согласиться с этим. Отдельные герои из народных сказок Алтая пишут друг другу письма и записки. Нередко в сказках говорится и о книге. Могут сказать, что на алтайские сказки влиял древний фольклор Индии, что оттуда, через Тибет и Монголию, сказители пронесли на Алтай строки о книге. Но при этом народы Алтая с течением времени, вне сомнения, забыли бы о письменности, как о неизвестном им понятии, и тем самым вычеркнули бы слово «книга» из народных сказаний. Но этого не случилось. Наоборот, о книге в сказках всегда повествуется с любовью, как о хранилище мудрости. Часто книгу называют «похожей на Луну» или «лунообразной». Это сравнение также свидетельствует о том, что книга была любимой. Книга жила в мечтах народа.

«Грамота — второе солнце будто» — поют сейчас ойротские комсомольцы.

О письменности сказители вспоминали часто:

«Давным давно у народа нашего были большие книги, ясные, как солнце. Наш древний народ хранил их в кожаных сумах с золотыми замками. Однажды кочевали наши предки в широкую долину. В те дни прошли дожди, вздулись сердитые реки, пересекшие путь. Вода залилась на спины лошадей, наполнила сумы. Намокли книги, слиплись листы. Старики повесили хранилища мудрости на дерево, но прибежала белая корова и изжевала книги».

В прошлом у кочевых народов Алтая книг не было, но какая-то примитивная письменность, весьма возможно, существовала. Еще и сейчас от стариков алтайцев можно услышать о том, что когда-то их пред-

ки знали ойрот-бичик или буудак-бичик, как еще называют древнюю письменность. Говорят, что знаки этой письменности походили на крючки или на коряавые сучья деревьев, отсюда она и получила свое название: буудак — сук дерева. Эти знаки вырезывались на досках и палках.

Если эта древняя письменность существовала, то она имела очень узкое распространение и являлась достоянием феодалов, аристократов.

С переходом Алтая под власть России, что было явлением прогрессивным, так как кочевые народы вошли в повседневное соприкосновение с более культурным русским народом, русский алфавит был приспособлен к алтайскому языку.

Появились первые школы. Их было очень и очень мало, — царскому правительству было выгодно держать народ в темноте. Только одна из школ принадлежала министерству народного просвещения. Все остальные были «агитпунктами» алтайской духовной миссии.

Учителям ставилось в обязанность «не только учить грамоте, но и воздействовать на взрослое население в духе святой церкви».

Церквей на Алтае было в два раза больше, чем школ. На территории одного нынешнего Улаганского аймака стояла «чертова дюжина» церквей и только одна школа. К этому нужно добавить, что на территории теперешнего Кош-Агачского аймака до революции били в бубны и в жертву духам раздирали живых лошадей полторы сотни шаманов. Грамотных насчитывалось всего лишь около 6 проц. ко всему населению, а к числу алтайцев не было и двух процентов. Эти неполные два процента составлялись за счет баев и зайсанов, попов и других служителей культа.

До революции не могла возникнуть письменная художественная литература народов Алтая. Но стремление людей к искусству невозможно было вытравить.

Устное народное творчество алтайцам заменяло письменную художественную литературу.

Социалистическая революция зажгла над Алтаем солнце грамоты. Уже к 1933 г. в Улаганском аймаке цифры переменились местами: школ было 13, а церковь одна, и та «дышала на ладан». Теперь в области 239 школ, педтехникум, зооветтехникум, совпартшкола, рабфак и художественная школа. Учатся не только дети и молодые люди, учится весь народ. Сейчас 92 процента всего населения области грамотные. Из безграмотной и полудикой окраины большевики превратили Ойротию в область сплошной грамотности. Молодые алтайцы возвращаются в Ойротию с дипломами инженеров, агрономов, врачей. На родном языке алтайцев выходят несколько газет, издается много книг. Рождается своя советская художественная литература.

Колоссальный культурный рост позволил Ойротии, в процессе создания социалистической культуры, включиться в обмен художественными ценностями между народами СССР. На алтайский язык переведены избранные произведения: М. Горького, А. Пушкина, И. Крылова, В. Короленко, А. Фадеева, М. Шолохова и др. русских писателей. На русский язык переведены очерки и рассказы, стихи и поэмы молодых писателей Ойротии, а также и небольшая часть алтайского фольклора — сказок и песен.

II

Русский читатель мало знаком с алтайскими народными сказками. Весьма одностороннее, неверное пред-

ставление о сказках народов Алтая было даже у исследователей этой страны.

Сбор народных сказок тюркских племен, населяющих Алтай, был начат лет семьдесят пять тому назад известным исследователем, академиком В. Радловым. В 1866 г. он издал первый том «Образцов народной литературы тюркских племен». Книга академика В. Радлова, по словам Н. Дмитриева, является «основным материалом», откуда современные исследователи алтайского фольклора черпают свои «представления» об этом фольклоре. Такое признание не делает чести современным исследователям алтайского фольклора, не решающимся выйти из стен своих кабинетов. Записи В. Радлова были опубликованы в так называемой «академической транскрипции» и переведены собирателем на немецкий язык. Русского перевода по сие время не сделано.

Вслед за В. Радловым начал свою работу по сбору алтайских, монгольских и казахских сказок и преданий Г. Н. Потанин, посвятивший фольклору четвертый том «Очерков Северо-Западной Монголии» (1883 г.). Он записывал сказки «со слов русского переводчика» и, видимо, потому его записи были весьма конспективными. Сам Г. Потанин в примечаниях к четвертому тому очерков признал, что он, таким образом, получал лишь «краткое содержание сказаний». За время своих путешествий по Алтаю в 1876—79 гг. Г. Потанин слышал только одного сказителя-певца. Сказка-поэма, которую пел сказитель, была записана на алтайском языке спутником Потанина, но за отсутствием русского перевода в четвертый том очерков не вошла.

Записи Г. Потанина представляют интерес для ми-

фолога, но никак не для человека, желающего ознакомиться с устным поэтическим творчеством народов Алтая.

В. Вербицкий, автор книги «Алтайские инородцы», собирал и публиковал, главным образом, песни, пословицы, поверья и загадки, при записи же сказок ограничивался лишь пересказом их содержания.

Лучшей книгой алтайских сказок до революции считался труд учителя деревни Анос Н. Я. Никифорова — «Аносский сборник», изданный с предисловием и примечаниями Г. Потанина (1915 г.). Никифоров записывал сказки со слов алтайца Чолтоша, жившего в деревне Аскат, на левом берегу р. Катуни. Плохо зная русский литературный язык, Никифоров не решился переводить сказки без посторонней помощи. Он приходил к Потанину, который в то лето жил в Аносе, «передавал на русский язык смысл фраз», а Потанин «исправлял слог». Так они дали прозаический и довольно сокращенный перевод алтайских сказок-поэм. К тому же, Никифоров записывал сказки со слов старика, который, по свидетельству знатоков алтайских сказок, среди своего народа не пользовался репутацией сказителя. Рассказывают, что хорошие сказители пели сказку «Алтай-Бучий» в течение трех ночей и заканчивали с восходом солнца на четвертые сутки. В «Аносском сборнике» «Алтай-Бучий» занимает только 29 страниц. Это свидетельствует о том, насколько неполны записи Никифорова.

В 1923 г. в издательстве «Всемирная литература» вышел «Монголо-ойратский героический эпос» Б. Я. Владимирцева, который собирал сказки в Северо-Западной Монголии, у монгольских ойратов. В сказках, записан-

ных им, много общего с народными произведениями, бытующими в Ойротии. Так, богатырь Бум-Ердени совершает поступки, подобные поступкам Алтай-Бучия из сборника Никифорова, а конь Бум-Ердени очень напоминает коня, на котором ездит Алтай-Бучий. В большой и весьма содержательной вводной статье Б. Владимирцев сообщает, что «богатырские эпопеи ойратов в С.-З. Монголии», подобно сказкам алтайцев, обитающих в Ойротии, «никогда не рассказываются, — их всегда поют; поют под аккомпанемент музыкального инструмента, балалайки («топшура»)...»

Н. Дмитриев, останавливаясь на записях Б. Владимирцева, пишет, что из этой книги «не только фактический материал в его частностях, но и само введение автора в значительной степени применимо и к нашему тексту (к алтайским сказкам. А. К.). Только вместо монгольского, по преимуществу степного пейзажа, алтайская версия повествует больше о горах, покрытых лесом, и ущельях».

Записи Б. Владимирцева много полнее записей Никифорова, но и тут мы имеем дело всего лишь с сугубо прозаическим переводом.

Только в последние три года русский читатель имел возможность познакомиться с алтайскими народными сказками («Сибирские Огни» за 1935 и 36 гг.) по переводам, стоящим гораздо ближе к подлинникам, чем все ранее опубликованное в этой области. С опубликованием этих переводов русский читатель впервые увидел, насколько величественны, красочны и своеобразны сказки алтайцев.

Алексей Максимович Горький неустанно советовал молодым литераторам заниматься сбором фольклора:

«Я убежден, что знакомство со сказками и вообще

с неисчерпаемыми сокровищами устного народного творчества крайне полезно для молодых начинающих писателей».

«Особенно значительно и неоспоримо влияние устного творчества на литературу письменную, — писал он в предисловии к сказкам Шахразады. — Сказками и темами сказок издревле пользовались литераторы всех стран и всех эпох».

На первом всесоюзном с'езде советских писателей Алексей Максимович говорил:

«Начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего». «Необходимо начать взаимное и широкое ознакомление с культурами братских республик».

Теперь за сбор алтайского фольклора взялись не только молодые писатели Ойротии, но и секретари партийных комитетов, комсомольцы, учителя, студенты. Кроме сказок, записано большое количество народных песен.

Одновременно с настоящей книгой алтайских сказок, в издании Зап.-СибОГИЗ'а выходит сборник песен алтайского народа.

III

В обширном введении к своей книге «Монголо-ойратский героический эпос» Б. Я. Владимирцев утверждает, что «героические эпопеи» выражают дух аристократии, в них воспеваются «богатырские подвиги князей».

Такие буржуазные исследователи Алтая, как Вербицкий, пришли к заключению, что в сказках ойротского народа воспеваются богатые.

Сказки об аристократах, о богатых. Сказки о шаманах. В этом ученые, занимавшиеся исследованием Алтая до революции, видели начало и конец алтайского фольклора. Это глубоко неверно!

Творец прекрасных ойротских сказок — трудовой народ. Образы богатырей ойротских сказаний выявляют думы и чаяния народа, олицетворяют героическую борьбу народа, его вековечную мечту. Образы богатырей ойротского народа наделены мужеством, добротой, мудростью.

Слагая сказку, безымянные сказители из народа ставили своей целью не только и не столько развлечь слушателей, сколько сообщить им в своеобразной художественной форме что-то полезное, научить чему-то новому, разбудить мысль и подтолкнуть для работы и борьбы в определенном направлении.

В сказках выражено вековое неудержимое стремление народа освободиться от угнетателей-богачей и утвердить на земле свободную, счастливую жизнь. В противовес тем немногим сказителям, которые жили под покровительством богатых и старались сложить о них хвалебные сказания, народ в смелых и ярких сказках жестоко высмеивал своих поработителей. Всем известно, каким сарказмом русские сказители наполнили сказки о попах, помещиках и кулаках. Так же и в алтайских народных сказках, как в своеобразных зеркалах жизни, отразилось отношение батраков и бедняков к своим поработителям — баям-феодалам и зайсанам — родовым князькам.

Причину того, что русский читатель не знал сказок

о борьбе бедных с богатыми, надо искать в политических взглядах тех людей, которые до революции занимались сбором алтайского фольклора.

Академик В. Радлов, занимавшийся записью устного творчества Ойротии, придерживался такого мнения, что «чудные долины Алтая слишком хороши для номадов, которые не умеют поднять богатство края».[1] Зато алтайских баев и зайсанов, самых диких и самых зверских эксплоататоров, он изображал милыми праведниками, благотворителями народа.

Известны политические взгляды другого исследователя Алтая — Г. Н. Потанина. Отношение Потанина к народам Алтая было в высшей степени великодержавным. В своей статье «Областнические тенденции в Сибири» (Томск, 1907 г.) он называл нацменов Сибири дикарями.

Об отношении к алтайцам миссионера В. Вербицкого и говорить нечего. Отношение всех церковников к этому народу с предельным цинизмом выразил их «пастырь», епископ томский, а позднее митрополит московский — Макарий: «Алтай богат, народ глуп».

Разве могли «исследователи» с такими взглядами и с таким отношением к изучаемым ими народам увидеть, записать и опубликовать сказки, в которых была выражена вековая мечта трудящихся о свободной жизни без баев и зайсанов?

Буржуазные исследователи во время своих поездок по Алтаю останавливались не в бедных юртах пастухов, а в богатых стойбищах таких зайсанов, как Аргамай Кульджин. К баю или зайсану, хозяину стойбища,

---

[1] Цитирую по книге Л. Потапова — „Очерк истории Ойротии", Новосибирск, 1933 г., стр. 5.

владевшему не одной долиной, собиратель фольклора обращался с вопросом, где ему найти сказителя, и хозяин посылал за своим придворным певцом, исполнявшим обычно такие сказания, которые уже прошли байскую «цензуру». Содержания этих сказок и были сообщены исследователями русскому читателю. А те сказки, которые пелись охотниками у ночных костров, пастухами в своих шалашах, т. е. сказки трудового народа Алтая, до самого последнего времени русскому читателю не были известны.

По словам молодых алтайских поэтов, не менее половины сказок — такие, в которых рассказывается о борьбе бедных с богатыми или высмеиваются поработители — баи и зайсаны.

Так, в одной детской сказке повествуется о мальчике Расту, который ростом был с козленка, носил шапку из двух беличьих шкурок. Лицо его было как луна, — круглое и светлое. Он знал несколько сильных слов, с помощью которых победил злого Ак-Каана (белого хана), победил знаменитого шамана и посмеялся над ними. Хан перед ним «дрожал, как мышь, зажатая в кулак. Ханша стояла, как большая лягушка».

В сказке «Юскузек», которая предлагается вниманию читателя этого сборника, Юскузек, приобретя богатырскую силу, борется с самим Караты-Каном, воплощением злобы и бесчеловечности, и побеждает его. По совету своей умной жены, Юскузек трижды одурачивает хана.

В сказке «Аргачи и Кудюрчи», которую читатель также найдет в этом сборнике, бедняк Аргачи одурачивает того же Караты-Кана и богача Кудюрчи, а потом, зная жадность бая, заставляет его лечь на костер и сжигает.

В сказке «Башпарак» бедняк побеждает семиглавого «хозяина гор» людоеда Дельбегена и уничтожает его сыновей.

На Алтае бытовали и бытуют сказки, в которых повествуется о чудовище Алмысе. Вот краткое содержание одной из этих сказок:

«На Алтае жил людоед Алмыс. Однажды он проглотил бедняка и его жену. Остались три девушки-сиротки. Алмыс погнался за ними. После продолжительной погони и множества приключений, лисица помогла девушкам утопить Алмыса в море.

Позднее оказалось, что Алмыс выплыл и поселился в другом месте. Там он попрежнему поедал людей.

Но вот одна из девушек родила сына. Мальчик быстро вырос и стал богатырем. Он долго вел борьбу с Алмысом и, наконец, победил чудовище, — распорол людоеду живот. Из живота Алмыса вышел народ, поблагодарил богатыря и начал мирную, веселую жизнь».

В нашем сборнике печатается сказка «Боролдой-Мерген», в которой одним из действующих лиц является тот же Алмыс «с когтями шести четвертей и с клыками шестисаженными». Он — «страшный, огромный»—

«Усы перекинул за плечи, как вожжи.
До колен борода — черной тучи черней,
Дикой кровью глаза налилися»

Лисица называет его Большим Человеком. Так на Алтае называли зайсанов, т. е. родовых начальников, князьков.

Приведенный выше вариант сказки, а также слова лисицы из сказки «Боролдой-Мерген» дают основание считать Алмыса олицетворением феодализма.

Слово боролдой, как говорят алтайцы, является древним синонимом слова бедняк. Боролдой-мерген — удалый бедняк, бедняк-богатырь. Этот молодой богатырь встречается с Алмысом.

«Злого гада за пояс
подняв высоко,
О скалу ударяет сразмаху.
Долго бьет его, топчет и рвет на
куски.
В порошок истолок и развеял!..»

Люди в глубокой древности мечтали об уничтожении поработителей и эту мечту свою воплотили в образах своих сказочных богатырей. Любимым героем сказок является бедняк, становящийся богатырем и вступающий в борьбу с богатыми за благо для всех трудящихся. Торжеством по случаю его победы оканчиваются многие народные сказки.

«Весь народ почитает и славит того,
Кто убил кровопийцу Алмыса:
— «Слава, слава тебе,
наш родной богатырь —
Боролдой-Мерген!..
Нас от злодея
Ты навеки избавил.
Будь счастлив, здоров,
Пусть во всем тебе будет удача!..»
Так народ, воздавая хвалу храбрецу,
Жизнью светлой и радостной зажил».

IV.

Почти все алтайские сказки (чорчок) — изложены стихами. Только немногие, короткие детские сказки рассказываются в прозе.

Чорчокчи (сказители) поют сказки по ночам под собственный аккомпанемент топшура с двумя струнами из конского волоса. Поют обычно у очага, в аиле.

Есть такие длинные сказки, что самый искусный чорчокчи может «прокайларить» (спеть) одну сказку только в 3—4 ночи. Говорят, были сказки еще длиннее. Так, сказка «Алтай-Куучин» требовала семи ночей. Сейчас не могут найти сказителя, который знал бы эту сказку от начала до конца.

Прежде чем приступить к сказке, чорчокчи поет запевку, восхваляя свой топшур, отвечающий и за балалайку и за скрипку:

«Из могучего кедра,
От одного корня выросшего,
Сделан топшур мой.
Две тонкие струны,
Из конского волоса свитые,
На топшуре моем натянуты.
Из старого кедра,
Выросшего от двух корней,
Сделана скрипка моя.
Две тонкие струны,
Из конского волоса свитые,
На скрипке моей натянуты.
Под моими двумя пальцами
Струны твои, топшур мой,
Нежно звенят.
Многочисленный народ наш
Любит, скрипка моя,
Слушать тебя.
Под моими десятью пальцами
Ты весело звенишь,
Топшур мой.
Люди, сидящие здесь,
По тебе соскучились,
Топшур мой,
В двух руках моих
Будь многоголосым;
Слова, мною сказанные,
Звоном украшай.

Затем сказитель обращается к богатырю, главному действующему лицу сказки, которую он собирается исполнять:

Голосом своим
Я народ не сзывал.
Руками своими
Топшур не настраивал.
Не по своей доброй воле,
По просьбе народа настойчивого
Я топшур в руки взял.
Вас, богатырь (имя рек),
Вспомнить принужден.
Старые с посохами
Ко мне пришли.
Слепых поводыри
В аил привели.
Матери детей
В зыбках принесли.
Взрослые большой толпой
Сюда прикочевали.
Вокруг огня сидят,
Меня упрашивают.
Выпученными глазами
На меня жадно смотрят.
Отвисшими ушами
Сказку слушать
Хотят.
Все по своей воле
Сюда явились.
Одного меня
Неволить собрались.
Огорчать их не хочу,
О вас петь буду.
Если в сказке
Ваше имя упомяну,
Вы на меня не сердитесь.
Если ваши подвиги вспомню,
Вы на меня не обижайтесь.

59308/1

Национальная библиотека Республики Алтай им. М.З. Чевалкова
Новосибирская Областная Библиотека № 335886

Я вас беспокою.
Не по своей доброй воле,
По просьбе народа настойчивого
Сказку о вас
Начинаю».

Только после этого сказитель приступал к сказке. Он старался не пропустить ни одной строчки, ни одного слова.

Закончив сказку, чорчокчи пел такую концовку:

«Прославленный богатырь (имя рек),
На золотом Алтае своем
Мирно живите.
Народом своим
Справедливо управляйте,
Ночью мне, певцу,
Вы не снитесь.
Днем голову мою
Мыслями о вас не беспокойте.
Ничего плохого
Для меня, певца, не делайте.
Сказку, в народе слышанную,
Я людям пропел.
Прадедами нашими
Сказка сложена.
Если к жизни вашей
Что-нибудь прибавлено —
Это наши деды прибавили.
Я от себя ничего не прибавлял.
Если из сказки слова выпали —
В том отцы наши виноваты.
Я, певец,
Ни одного слова
Не выбросил.
Белый скот ваш,
От болезней охраняемый,
Пусть сытым стоит.
Народ ваш,
Голода не знающий,
Пусть спокойно живет».

V

Шаманы так напугали кочевников злым богом Эрликом, в жертву которому раздирали живых лошадей, что на Алтае до революции редкий человек осмеливался произнести имя черного духа, «пьющего человеческую кровь». Грозного Эрлика боялись, трепетали перед ним. Но народ породил таких смельчаков, которые смелость свою сумели воплотить в художественных сказочных образах. Они создали образы богатырей, вступивших в борьбу со злым богом и одержавших блестящую победу.

(Характерна в этом отношении сказка «Токумаш», которой открывается настоящий сборник).

Многие сказки — мечта народа о победе над силами природы. Русский Иван, которого в сказках называли дураком, но который оказывался умнее многих «умных», летал на орле, выкормленном им, и ездил на печи, явившейся примитивным, сказочным прообразом локомотива. Герой одной из сибирских сказок, Омеля Лелекоськой задолго до появления первых аэросаней сделал себе сани, которые «бежали сами». Он же ездил к царю на печи и помял два полка царского войска.

Один бедный московский мастер сделал деревянного орла и «в четверо суток по всему белу свету облетал и со всех местов планы снял».

Иван строил мосты и дворцы. Земля украшалась результатами его труда.

Богатырь ойротского эпоса Сартакпай прокладывал по Алтаю дороги. В одной из сказок о нем говорится следующее:

«Сартакпай снял с плеча свой железный лук, натянул тетиву и пустил литую из меди трехгранную стре-

лу. Гора Согонду-Ту надвое раскололась. Один кусок упал пониже Чемала, на нем тут же вырос сосновый бор Бешпек. Другая половина Согонду-Ту до сих пор стоит над Катунью. И до сих пор хвалят люди старика Сартакпая за то, что он провел стрелой дорогу — прямую, как след стрелы».

Сартакпай пытался осуществить мечту народа — построить мост через Катунь, но бурная река разметала камень его постройки. Эта мечта могла быть осуществленной только в наше советское время.

Тот же Сартакпай, чтобы ночь для него была светлой, поймал в тучах молнию и зажал ее в расщепленном стволе пихты. Это — древняя смутная мечта народа об овладении энергией, которую позднее люди назвали электричеством.

Народы Ойротии создали сказку о могучей птице Кан-Керэдэ, которая на своих крыльях выносит попавшего в беду человека из мрачного ущелья в широкую долину. Это — не что иное, как то же выражение мечты народа подняться на воздух и побеждать пространства.

В сказке «Юскузек» так воспевается птица Кан-Керэдэ, этот прообраз самолета. Он —

«...приподнял Юскузека
И на крыльях понес через горы,
хребты...
Сирота даже струсил немного.
Еле жив, — он боится на землю
взглянуть...
Путь, который пройти бы лишь в
месяц,
Он в полдня пролетел... Вдруг коснулся
земли,
Поглядел... В незнакомой долине

Он стоит на зеленой веселой траве,
И над ним — большекрылая птица.
Покружилась она и потом на восток
Через горы, хребты полетела».

В Куладе, Онгудайского аймака, один колхозник рассказывал нам о том, что он слышал сказку, в которой описывался разговор между двумя алтайцами, находившимися вдали друг от друга. Слова их летели по конскому волоску, протянутому через хребты и долины. Не есть ли это мечта о телефоне?..

Наконец, богатыри из алтайских сказок часто слышат голос человека на расстоянии месячного и даже годового пути. Мы живем в такое время, когда гений человека заставил невидимые волны нести голос не богатыря, а обыкновенного человека, нести вокруг всей земли.

Богатыри из алтайских сказок могли ступать на белоголовые вершины гор с вечными снегами, где, по шаманским увериниям, обитали грозные духи. Богатыри — победители сил природы, духов и богов.

Богатыри — трудовой народ, построивший социалистическое общество.

VI

В алтайских сказках все величественно. Они отличаются безграничным гиперболизмом.

Вот так обрисован образ Кан-Аюты, живущего в черной пещере:

«Против главного входа
На сорока коврах
Кан-Аюты сидел.
Между черных глаз его
Пятьдесят баранов
Лежать могли.
Между лопаток его

Пятьдесят табунов
Пастись могли.
Черные глаза его
Озера напоминали.
Пар изо рта его,
Как дым от костра, валил.
Синий дым от трубки его
Облаками поднимался».

В одной из сказок, еще полностью не переведенной на русский язык, так воспевается богатырь, стреляющий из лука:

«Бронзовый лук
С двенадцатью заплечиками
Славный богатырь
Из-за плечей своих
Быстро достал.
Ядовитую стрелу,
От которой уцелеть нельзя,
В руки взял.
Двенадцать заплечиков
Пересчитывая,
Тетиву бронзового лука
Натягивать стал.
За широкой спиной его
Лопатки вместе сошлись.
Толстые пальцы его
Железными стали.
Обе щеки его
Огнем запылали.
Тетиву бронзового лука
Утром натягивать начал —
Ядовитую стрелу
Вечером пустил.
Из-под больших пальцев его
Дым пошел.
От острия стрелы его
Искры посыпались.
Горы кругом
Затряслись.
Моря все
Забушевали.

Синее небо раскололось,
Громом загремело,
Молнией засверкало.
Железная гора
Рушиться начала.
По всему Алтаю
Гром прошел».

Когда Алтай-Бучий ехал с охоты, то одна собака его несла 200 маралов, другая — 300 маралов.

О гиперболизме в алтайском эпосе Н. Дмитриев пишет:

«С якутским эпосом нашу сказку (алтайскую — А. К.) роднит безудержная гипербола описаний, которая, как и у монголов, превосходит гиперболу... «Калевалы» и, конечно, знающую чувство меры гиперболу античных литературных шедевров».

VII

В алтайских сказках часто встречаются параллелизмы:

«Словами не рассказать
О его бедности.
Песнями не передать
О его нужде».

Или:

«Две чутких собаки,
Отроду нелаявшие,
У дверей золотого дворца
Всегда лежали.
Два пегих беркута
Никогда неклекощущие,
У черного дымохода
Всегда дремали».

Это облегчает рифмовку. Н. Дмитриев пишет:

«...при параллельном расположении двух фраз, связанных по мысли, на конце фраз неизбежно окажутся или два глагола с одинаковым окончанием, или два существительных в одинаковом падеже и т. д. По мнению Ковальского, в большинстве современных тюркских языков гораздо труднее избежать рифмы, чем подыскать ее».

«...в ойратских эпопеях рифмуется обычно по началу два стиха, образуя одно целое, строфу».

Строки в алтайской сказке не имеют одного какого-либо определенного размера. Н. Дмитриев пишет об алтайской сказке:

«Стихи в ней необычайно разнообразны по числу слогов: начиная от пяти и кончая тринадцатью и более. Чаще других, повидимому, встречается восьмисложный стих».

В сказке «Аргачи и Кудюрчи» следующий ритмический рисунок: первая строка одной из глав содержит двенадцать слогов, вторая—8, третья—8, четвертая — 6, пятая — 10, шестая — 9 и т. д. Встречаются строки и по пяти слогов. Никакой закономерности в повторении строк с тем или иным количеством слогов нет.

Возникает вопрос: как же переводить алтайскую сказку? Кое-кто из поэтов настаивает, чтобы в переводе все строки были равными, т. е. имели бы одинаковое число слогов. Это пытаются оправдать тем, что сказители не рассказывают сказок, а поют и при этом строку, содержащую пять слогов, могут «голосом переделать» в восемь или девять слогов. Такое оправдание вольных переводов нам кажется недостаточно серьезным. Мы считаем, что алтайские сказки

следует переводить ритмической строкой, соответствующей ритмическому рисунку оригинала.[1]

Переводы с алтайского сопряжены с большими трудностями. Нет переводчиков, которые в совершенстве владели бы как алтайским, так и русским литературным языком. Подстрочные переводы издательство вынуждено отдавать «на литературную обработку» людям, имеющим лишь некоторое представление об алтайском языке. Вне сомнения, такие переводы не передают полностью всех красок, присущих оригиналам алтайских сказок, очень декоративных, своеобразных и весьма красочных. Но переводчики сделали все, что им было посильно. Думается, что переводы, предлагаемые вниманию читателя, являются большим шагом вперед, по сравнению с теми записями и переводами, которые были сделаны до революции, и приближают читателя к оригиналу.

VIII

Сказка — богатейший исторический источник для познания прошлого народа. Она является выражением жизни и быта, чаяний и ожиданий народа на той или иной стадии его исторического развития. «Народные сказки выливаются из уст народа подобно тому, как цветы раскрываются на ветвях плодового дерева. Они имеют высокое историческое значение... При отсутствии других источников, по народным песням можно восстановить обычаи, чувства и мысли той безымянной толпы, о которой мало заботятся хроникеры и историки» (Лафарг «Очерки по истории культуры»).

[1] В этот сборник включены не только переводы, ритмический рисунок которых более или менее близок оригиналу, но и переводы, где все строки содержат одинаковое количество слогов. Рифмованных же переводов алтайских сказок по сие время нет.

Кроме того, народная сказка представляет и эстетически захватывающее чтение, ибо она является талантливым творением народной поэзии, замечательным сокровищем художественного творчества.

В алтайских сказках читатель найдет много ценного, волнующего, поучительного.

Друг, учитель и великий вождь народов товарищ Сталин в докладе на Восьмом Чрезвычайном Всесоюзном С'езде Советов говорил:

«Отсутствие эксплоататорских классов, являющихся основными организаторами международной драки; отсутствие эксплоатации, культивирующей взаимное недоверие и разжигающей националистические страсти; наличие у власти рабочего класса, являющегося врагом всякого порабощения и верным носителем идей интернационализма; фактическое осуществление взаимной помощи народов во всех областях хозяйственной и общественной жизни; наконец, расцвет национальной культуры народов СССР, национальной по форме, социалистической по содержанию, — все эти и подобные им факторы привели к тому, что изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства».

Обмен художественными ценностями, в том числе и устными народными произведениями, обогащает народы Советского Союза, способствует росту национальной по форме и социалистической по содержанию культуры и дальнейшему укреплению нерушимой дружбы между всеми национальностями нашей социалистической родины.

А. Коптелов.

TOKYMAШ

Жил на горном Алтае
Токумаш, хороший охотник.
От бедности и невзгод
Голова его серебрилась.
Редко глаза вверх
Поднимал Токумаш-охотник:
От бедности и невзгод
Чаще глядел он в землю.
Много детей имел
Токумаш, хороший охотник.
Чтобы семью прокормить,
День и ночь Токумаш трудился.
Имел для охоты он
Соловка — хорошую лошадь,
Для возки сена и дров
Имел Соловка похуже.
На быстром своем Соловке
Уезжал он далеко в горы,
Добывал в дремучих лесах
Много разного зверя.
Лучшим охотником был
Токумаш на Алтае горном,

Но досыта не ел он,
Голодные плакали дети.
Куда бы он ни пошел,
Куда бы он ни поехал, —
Страшные голоса
Его настигали всюду:
— Если не принесешь
Жертву могучему богу —
Хорошую лошадь возьму, —
Бог угрожает с неба.
— Если не принесешь
Сатане богатую жертву —
Соловка худого возьму, —
Сатана ему угрожает.
С неба могучий бог
Грозно требует дани,
Из-под земли сатана
Тоже требует доли.
А на земле зайсан
Так говорит Токумашу:
— Если налог не отдашь,
Аил у тебя отберу я.
Куда бы он ни пошел,
Куда бы он ни поехал, —
Всюду звенит в ушах
Эта угроза тройная.
Год от года нужда
Токумаша сжимала туже,
И ниоткуда нет
Помощи Токумашу.
Ьогу молился он —
Бог ему помощи не дал.

Также просьб бедняка
Сатана не хотел уважить.
Зайсану и демичи
Охотник кланялся низко,
Но не хотел зайсан
Видеть слез Токумаша...
Дожив до седых волос,
Бедняком Токумаш оставался.
В землю глаза опускал
Токумаш, хороший охотник.

☆ ☆ ☆

Выпал удачный год
Охотникам на Алтае;
Было в густых лесах
Зверя и птицы много.
Вот оседлал Соловка
Токумаш, хороший охотник.
И, попрощавшись с семьей,
Он на охоту поехал.
Горных зверей он бил
На неприступных скалах,
Бил он зверей лесных
В гуще темного леса.
Черных, как ночь, соболей
Много убил охотник,
Быстрых горных козлов
Также убил он много.
Лучшего Соловка
Он нагрузил доотказа
И возвращался домой
С этой добычей богатой.

Пока он дорогой лесной
К родному аилу ехал,
Весть далеко разнеслась
Об удачной его охоте.
Бог на небе узнал,
Сатана под землей услышал,
Выведал все зайсан,
Охотника поджидая.
В бедном аиле его
Дети голодные ждали,
Им хотелось хоть раз
Досыта мяса покушать.
Бог себе говорил,
Важно бороду гладя:
— Если удача была,
Охотник меня не забудет.
А сатана говорил,
Ляская жадной пастью:
— Если удача была,
Меня не забудет охотник.
Токумаш вернулся домой
С добычей своей богатой,
Стал он кормить детей
Жирным и вкусным мясом.
Бог, сатана и зайсан
Доли напрасно ждали;
Скушала все семья
Бедного Токумаша.
Голодавшая долго семья
Теперь досыта наелась,
У очага бедняка
Смех зазвучал впервые.

Нужно послать волков
К хитрому Токумашу,
Чтоб у него Соловка
Лучшего задавили».
Бог, демичи и зайсан
Этим советом довольны,
Кликнули семь волков
Самых голодных и жадных.
Им сказал сатана,
Чтобы нынешней ночью
Все они шли тайком
В бедный аил Токумаша
Чтобы они Соловка
Лучшего задавили,
Взяли в награду себе
Они Соловка худого.
Не знавшие радости волки
Радость теперь узнали,
Не улыбались волки —
Теперь они улыбнулись.
Все обещали исполнить
Серые злые волки
И побежали быстро
В бедный аил Токумаша.
Токумаш, хороший охотник,
Как-то узнал об этом,
И порешил обмануть он
Зайсана, сатану и бога.
Взял он лучшую лошадь,
Снял седло и уздечку,
Спрятал лучшую лошадь
В бедном своем аиле.

Бог не мог утерпеть,
С неба спустился на землю,
Чтоб наказать жестоко
Бедного Токумаша.
Из-под земли сатана
Тоже на землю вышел,
Чтобы послать беду
Бедному Токумашу.
А на земле зайсан
И демичи с ним вместе
Думали тоже о том,
Как наказать Токумаша.
Вместе они сошлись
В темном глухом ущелье,
Вместе решали они,
Что с охотником сделать.
Так сказал сатана,
Ляская жадно зубами:
— Всех одинаково нас
Этот охотник обидел.
Богу не дал ничего,
Мне — сатане — ни крошки,
И демичи, и зайсан
Также ни с чем остались.
Если сейчас простим
Мы Токумашу обиды,
Хитрый охотник тогда
Нас кормить перестанет.
Как тогда будем жить?
Что тогда будем делать?
Пищу сами себе
Мы добывать не умеем.

На Соловка худого
Надел седло и уздечку
И привязал снаружи
Рядом с бедным аилом.
Потом Токумаш охотник
Меткое взял ружье,
Спрятался хорошенько,
Злых волков поджидает.
Вот и приходят волки,
Видят, что конь оседлан,
Думали волки: это
Лучший конь Токумаша.
Волки коня худого
Тесным кольцом окружили,
Ляская жадно зубами,
Его задавить собрались.
Тогда Токумаш охотник
Поднял свою винтовку,
Меткою пулей своею
Враз шестерых убил он.

Волка седьмого поймал он,
Сильно бил его прутом

И говорил при этом
Серому злому волку:
— Вас сюда послали
Загрызть хорошую лошадь.
Как вы ослушаться смели,
Сатаны, зайсана и бога?
Вы задавить хотели
Лошадь мою плохую,
Ту, на которой дети
Возят дрова и сено.
Из семерых, — один
Волк убежал побитый,
А из шести волков
Сшил Токумаш одеяла.
Волк прибежал побитый
К сатане, зайсану и богу,
Все рассказал со слезами.
— «Плох был совет сатаны, —
Бог говорит сердито —
Лучше придумал я,
Как наказать Токумаша.
Живет за семью горами
И за семью морями,
С крыльями в девять сажен,
Орел — черная птица.
Орла — черную птицу —
Мы пошлем к Токумашу,
Пусть ему разобьет он
Голову острым клювом».
Демичи, сатана и зайсан
Божьим советом довольны,
Из-за морей и гор
Призвали большую птицу.

Бог повелел орлу,
Чтобы нынешней ночью
Он полетел незаметно
В бедный аил Токумаша.
Чтобы разбил он клювом
Голову Токумашу,
Проглотил бы в награду
Всех детей Токумаша.
Прежде орел не смеялся,
Теперь он улыбнулся,
Радости прежде не знавший,
Рад был этому очень.
Все обещал исполнить
Орел — черная птица.
И полетел неслышно
В бедный аил Токумаша.
Токумаш хороший охотник,
Как-то узнал об этом.
Снова решил обмануть он
Сатану, зайсана и бога.
Рядом с огнем в аиле
Бросил шкуру охотник
И на нее положил он
Длинную узкую кадку.
Кадку накрыл он шубой
И отошел, любуясь;
Стала похожа кадка
На спящего Токумаша.
За янартык охотник
Спрятал детей от птицы,
Сам он спрятался с ними,
Ружье захватив с собою.

Темная ночь наступила.
Вот орел прилетает,
В аил пробирается тихо,
Тихо к постели подходит.
Вот он собрался с силой,
Клювом большим ударил
Туда, где он думал, под шубой
Была голова Токумаша.
Кадку насквозь пробил он
Клювом своим огромным,
Вытащить клюв из кадки
Черный орел не может.
Тут Токумаш охотник
Пулей своею меткой
Злобной и хищной птице
Начисто клюв отстрелил.
Птицу с отстреленным клювом
Быстро поймал охотник;
Прутом орла стегал он,
Так говоря при этом:
— Тебя сюда посылали
Клювом разбить мне череп,
Как ты посмел не послушать
Сатану, зайсана и бога?
Клювом своим поганым
Ты расколол мне кадку,
Лучшую кадку, в которой
Хранил для детей молоко я.
Лети поскорей обратно
К сатане, зайсану и богу.
Все расскажи им подробно,
Мною за что ты наказан.

С плачем летит обратно,
Перья дорогой роняя,
Черный орел без клюва
К сатане, зайсану и богу.
Сатане и богу пришлось
Слушать совет зайсана,
Чтоб наказать жестоко
Бедного Токумаша.
— «Под белыми облаками,
Над синими облаками
Темир-бизе — сын неба —
Воин живет могучий.
Надо его позвать нам,
Послать его к Токумашу,
Пусть он огненной пикой
Убьет его с лошадью вместе».
Сатана, демичи и бог
Остались довольны советом,
Вызвали из-за туч
Темир-бизе на землю.
Так говорил зайсан
Грозному сыну неба:
— «Грозный Темир-бизе,
Быстро лети к Токумашу.
Вместе с конем убей ты
Хитрого Токумаша,
Возьми в награду за это
Все, что имеет охотник».
Темир-бизе могучий,
Не улыбавшийся прежде,
Эти слова услышав,
Он улыбнулся впервые.

— Сделаю все, — сказал он
Сатане, зайсану и богу.
И полетел стрелою
К бедному Токумашу.
Токумаш, хороший охотник,
Как-то узнал об этом.
Снова решил провести он
Сатану, зайсана и бога.
Быстрого Соловка
Оседлал Токумаш охотник
И поскакал на нем он
В самое сердце леса.
Там, где в дремучей чаще
Ничья нога не ступала,
Лежит посредине леса
Декпенек — большое болото.
Не мог по тому болоту
Никто ни пройти, ни проехать,
Но Токумаш охотник
Выехал на середину.
Взад и вперед по болоту
Ездит охотник смелый,
Темир-бизе ожидает:
Хочет он с ним сразиться.
Вдруг появилась туча
Над головой Токумаша;
От ужасного грома
Даже треснули скалы.
Даже реки на берег
Мутным хлынули валом.
Темир-бизе — сын неба
На черном коне появился.

Темир-бизе — сын неба
С огненной пикой мчится
С черной тучи на землю,
Прямо на Токумаша.
Быстрый конь Токумаша,
Соловко его верный,
Быстро в сторону прянул,
Отскочил от удара.
Промахнулся сын неба,
Он не попал в Токумаша,
И с размаха в болоте
Завяз по самые уши.
Тут Токумаш охотник
Вынул его из болота,
Стал стегать его прутом,
Так говоря при этом:

— Тебя сюда посылали
Убить меня — Токумаша.
Как ты смел не послушать
Сатану, зайсана и бога?
Зря сюда приходил ты,
Не исполнил приказа,

Как зелёная жаба,
Ты в болоте валялся.
Темир-бизе — сын неба,
Токумашем побитый,
Еле-еле добрался
К сатане, зайсану и богу.
Все рассказал подробно
Темир-бизе побитый,
Как и за что Токумашем
Он жестоко наказан.
Бог, сатана и зайсан
Прежде не знали страха.
Услышав этот рассказ,
Сильно они ужаснулись.
Бог, сатана и зайсан
Раньше не удивлялись.
Услышав этот рассказ,
Очень они удивились.
Снова стали они
Думать о страшной мести,
Стали думать они,
Как наказать Токумаша.
— Плохие советы давали
Сатана, зайсан и бог.
Нас обманул охотник, —
Говорит демичи сердитый. —
Больше мы к Токумашу
Никого посылать не станем,
Сюда мы его притащим,
Здесь судить его будем.
Будем до полусмерти
Палками бить Токумаша,

И лошадей обеих
Мы у него отнимем.
Без лошадей не сможет
Ездить он на охоту
И со своей семьею
Умрет от голодной смерти.
Бог, сатана и зайсан
Этот совет принимают,
И привести Токумаша
Слуг посылают послушных.
Токумаш, хороший охотник,
Как-то узнал об этом,
Лучшего Соловка
Он оседлал поспешно.
Вырубил он в лесу
Четыре кола сосновых,
Четыре охапки прутьев
Свежих и гибких взял он.
Слуг демичи послушных
Он не стал дожидаться,
Сам поехал охотник
К сатане, зайсану и богу.
Долго иль коротко ехал,
Наконец приехал к начальству.
— Зачем меня вызывали? —
Спросил, с коня не слезая.
Бог, сатана и зайсан,
И демичи сердитый
Сели в тесный кружок,
Стали судить Токумаша.
— Семь серых волков
Мы к тебе посылали,

Зачем ты убил шестерых? —
Сатана спросил Токумаша.
— Вы волков посылали
Загрызть мою лучшую лошадь,
А волки загрызть хотели
Лошадь мою худую.
Серых волков наказал я'
За это непослушанье, —
Сатане Токумаш ответил,
С коня своего не слезая.
— Мы к тебе посылали
Орла — черную птицу:
Зачем ему клюв оторвал ты? —
Бог спросил Токумаша.
— Вы орла посылали
Клювом разбить мне череп;
Он же клювом поганым
Кадку мою испортил.
Я наказал его крепко
За это непослушанье, —
Сказал Токумаш охотник,
С коня своего не слезая.
— Мы к тебе посылали
Темир-бизе — сына неба;
Зачем ты избил его палкой? —
Зайсан спросил Токумаша.
— Темир-бизе вы послали
Убить меня огненной пикой.
Он же, словно лягушка,
По уши влез в болото.
Я наказал его палкой
За это непослушанье, —

Токумаш ответил зайсану,
С коня своего не слезая.
— Дичи убил ты много, —
Сказал демичи Токумашу —
Почему даров не принес ты
Сатане, зайсану и богу?
Так Токумаш ответил:
— Я лучший охотник Алтая, —
Все же я бедно живу,
Нужда меня одолела.
Богу молился я,
Бог мне помощи не дал,
И сатана не хотел
Просьб бедняка уважить.
Зайсану, тебе, демичи,
Всегда я кланялся низко,
Но не хотели вы
Видеть слез моих горьких.
Вечно в бедности жить
Мне теперь надоело —
Так сказал Токумаш,
Быстро с коня слезая.
Он четыре кола
Крепко в землю вбивает,
Рядом с ними кладет
Свежих прутьев охапку.
Чтобы не мог улететь
Бог крылатый на небо —
Бога за ногу он
Вяжет к первому колу.
Чтобы не смог сатана
Под землею укрыться—

Привязал Токумаш
Крепко его за шею.
Чтобы зайсан не сбежал
От суда Токумаша, —
Крепко к третьему колу
Привязал он зайсана.
А к четвертому колу
Демичи привязал он.
Сел потом на коня
Токумаш — хороший охотник.
Прут он взял из охапки
Самый свежий и длинный
И к дрожащему богу
Токумаш под'езжает:
— Я принес тебе в жертву
Крепких прутьев охапку, —
Говорил Токумаш,
Бога прутом стегая.
— И тебе, сатана,
Я принес твою долю, —
Говорил сатане,
Длинным прутом стегая.
— Получите сполна
Все долги и налоги, —
Говорил Токумаш
Демичи и зайсану.
Так он ездил вокруг,
Не истратил покуда
Все четыре охапки
До последнего прута.
От крылатого бога
Остались голые кости,

От сатаны остались
Две голени только.
Демичи и зайсана
Так отжарил охотник,
Что от них лишь остались
Только уши да пятки.
Чтобы землю очистить
От оставшейся дряни,
На костер все остатки
Бросил смелый охотник.
После серую золу
Он развеял по ветру
И в аил свой поехал,
Сделав доброе дело.

Горных зверей он бил
На скалах неприступных,
Бил он зверей лесных
В гуще темного леса.
Черных, как ночь, соболей
Много стрелял охотник,

Быстрых горных козлов
Он убивал немало.
Возвращался домой
Он с добычей богатой,
Детский смех зазвенел
У очага Токумаша.
Больше смелый свой взор
Не опускал он в землю,
Начал счастливо жить
Токумаш — хороший охотник.

Литературный перевод *Евг. Березницкого*

БОРОЛДОЙ МЕРГЕН

На крутом берегу говорливой реки,
У горы востроглавой, высокой,
Не имеющий лошади, чтоб заседлать,
Не имеющий даже собаки,
Со старухой Байпак и тремя дочерьми
Жил бедняк Укючек поседелый.
Со старухой работал на баев-зверей,
Спину гнул на зайсанов свирепых.
Заработанным в поте и муках куском
Он кормил дочерей своих милых.
Вот однажды услышал старик Укючек,
Что в горах голубого Алтая
Появившийся злой ненасытный Алмыс
Бедняков пожирает несчастных.
На руках его — когти шести четвертей,
Он с клыками шестисаженными.
Гад уже недалеко; не больше трех дней
Он пройдет до худого аила
Укючека бедняги и с'ест всех живьем...
— «Что нам делать теперь?
Мы — не птицы,

Чтобы к ясному синему небу взлететь.
Словно черви, не скроемся в землю.
Видно, нам суждено умереть от когтей
Кровожадного зверя Алмыса»...
Так седой Укючек со старухой Байпак
Говорили, вздыхая и плача.
Свои слезы скрывают они от детей,
Те гуляют, не чуя напасти.
Промелькнуло три дня, только тут старики
Спохватились:
— «Детей надо спрятать!»
Говорит им отец: — «Вот что, дети мои!
Есть нам нечего стало. Пойдите,
Завтра утром на склоне высокой горы
Наберите смородины красной.
И пока не наполните ведра свои,
Возвращаться к аилу не смейте.
Собирайте, ходите, в ведерки на дно
Не глядите совсем. Не забудьте!»
Так отец говорит дочерям и дает
Им худые, дырявые ведра.
Только ясное солнце проснулось, — пошли
Три девицы к горе через речку.

Вот в кустарник зашли, стали ягоду брать,
А на дно своих ведер не смотрят.
Целый день собирали, до вечера, — всё ж
Ведра их остаются пустыми.
Тьма сгустилась, высокие звезды зажглись,
Холодком от реки потянуло.
А когда поднялась золотая луна, —
Три сестры пошагали к аилу.
Но, уставшие за день, они не смогли
До аила в тот вечер добраться.
Ночевали в пути... Только солнце взошло,
Снова сестры свой путь продолжают.
Вот приходят домой и в аиле родном
Мать с отцом не находят, бедняги.
Все кругом обыскали. И вот на следы
Злого зверя-Алмыса наткнулись.
Видят кровь, видят клочья от шуб и одук.
И заплакали дочери горько:
— «Наших милых родителей хищный Алмыс
С'ел, проклятый...
Ну, где же, ну, где же
Будем жить мы, сиротки?.. На этой земле
Мы одни, горемыки, остались»...
Горько плакали сестры. Не знают они —
Что им взять из аила на память:
Пуст аил прокопченный...
— «На память возьму
Я брусок этот желтый, отцовский.
Может, он пригодится мне»...—старшая дочь
Так сказала, брусок подбирая.
— «Я возьму себе ножницы острые» — так
Сестрам средняя дочь говорила.
— «Я на память возьму гребешок роговой,

Им любила мамаша чесаться», —
Так промолвила младшая и гребешок
Положила за пазуху... После,
Поглядев еще раз на аил свой родной,
Сестры шли на закат через горы.
Шли, не зная куда, шли, бедняги, искать
Счастье, радость и светлую долю.

☆☆☆

Шли три дня через горы, леса и луга, —
Вдруг услышали храп и сопенье.
Оглянулись назад. Видят: солнца лицо
Тусклым стало, закрытое тучей —
Серой, грязной... И поняли сестры тогда:
Это их догоняет свирепый
Гад Алмыс, что с когтями шести четвертей
И с клыками шестисаженными.
Вскоре голос услышали: — «Нет, не уйти,
Не уйти от меня вам! Не скрыться!
Догоню, догоню!.. Будет вкусный обед!..»
Так ревет этот зверь ненасытный,
Что леса зашатались и горы дрожат!..
Вот и сам он спускается на луг —
Запыхавшийся, страшный... Большие усы
Перекинул за плечи, как вожжи.
До колен борода — черной тучи черней,
Дикой кровью глаза налились...
Полы шубы — назад.
Страшным вихрем летит
Гад Алмыс, догоняя несчастных.
— «Ну, теперь нам конец. Не уйти от врага,
Не спасти нам голов своих юных.

Ах, прощай, белый свет,
Наш Алтай голубой!..»
Говорили так сестры, рыдая.
А бежать они больше не могут совсем,
Подкосились усталые ноги.
— «Ну-ка, сестры, не плачьте!
Мы выход найдем!» —
Так сказала вдруг старшая. Тут же
Достает она желтый отцовский брусок,
Что взяла из аила на память.
Шепчет заговор быстро,
И через плечо
Злому гаду навстречу бросает
Этот желтый отцовский брусок...
За спиной
В тот же миг у сестер вырастает
Непролазно-густая глухая тайга.
Сразу сестры полегче вздохнули,
Снова двинулись в путь.
А свирепый Алмыс
Из-за пояса вынул огромный,
Острый крепкий топор.
Стал деревья валить,
Сквозь тайгу прорубая дорогу.
День и ночь прорубал, весь топор затупил.
Наконец, прорубился и снова,
Словно дикий грозовый буран, полетел,
Догоняя сироток несчастных.
Те бегут через горы, леса и луга, —
Вдруг услышали храп и сопенье.
Оглянулись они... Видят: солнца лицо
Тусклым стало, закрытое тучей —
Серой, грязной.

И поняли сестры тогда:
Это их догоняет, несчастных,
Злой Алмыс, что с когтями шести четвертей
И с клыками шестисаженными.
Снова ругань послышалась: — «Нет, не уйти,
Не уйти от меня вам! Не скрыться!
Все равно догоню! Будет вкусный обед!..»
Так ревет этот зверь ненасытный,
Что леса закачались и горы дрожат.
Вот и сам он спускается на луг, —
Запыхавшийся, страшный... Большие усы
Перекинул за плечи, как вожжи.
До колен борода — черной тучи черней,
Дикой кровью глаза налились.
Полы шубы — назад.
Страшным вихрем летит
Злой Алмыс, догоняя несчастных.
— «Ну, теперь нам конец. Не уйти от врага,
Не спасти нам голов своих юных.
Ах, прощай, белый свет, наш Алтай голубой!..»
Говорили так сестры, рыдая.
А бежать они больше не могут совсем,
Подкосились усталые ноги.
— «Ну-ка, сестры, не плачьте!
Мы выход найдем!..»
Так сказала вдруг средняя. Тут же
Достает она ножницы — те, что взяла
Из аила родного на память.
Шепчет заговор быстро, и через плечо
Злому гаду навстречу бросает
Эти ножницы...
В этот же миг за спиной
У несчастных сестер

Вырастает
До высокого неба стальная гора...
Снова, бедные, легче вздохнули.
Быстро двинулись в путь. А свирепый Алмыс
Свой топор вынимает огромный.

И, ругаясь сердито, он рубит с плеча,
Прорубая дорогу сквозь гору.
День и ночь прорубал, весь топор зазубрил,
Много жиру сползло со злодея.
(Очень крепкой была та стальная гора!).
Наконец, прорубился и снова,
Словно дикий грозовый буран, полетел,
Догоняя сироток несчастных.
Те бегут через горы, леса и луга.
Вдруг услышали храп и сопенье.
Оглянулись они. Видят: солнца лицо
Тусклым стало, закрытое тучей —
Серой, грязной...
И поняли сестры тогда:
Это их догоняет свирепый

Гад Алмыс, что с когтями шести четвертей
И с клыками шестисаженными.
Снова ругань послышалась:
«Нет, не уйти,
Не уйти от меня вам! Не скрыться!
Все равно догоню! Будет вкусный обед!..»
Так ревет этот зверь ненасытный,
Что леса закачались и горы дрожат!
Вот и сам он спускается на луг, —
Запыхавшийся, страшный... Большие усы
Перекинул за плечи, как вожжи.
До колен борода — черной тучи черней,
Дикой кровью глаза налились.
Полы шубы — назад.
Страшным вихрем летит
Злой Алмыс, догоняя несчастных.
— «Ну, теперь нам конец. Не уйти от врага,
Не спасти нам голов своих юных.
Ах, прощай, белый свет.
Наш Алтай голубой!..»
Говорили так сестры, рыдая.
А бежать они больше не могут совсем,
Подкосились усталые ноги.
— «Ну-ка, сестры, не плачьте! Мы выход найдем!..»
Так промолвила младшая. Гребень,
Что взяла из аила на память она,
Из-за пазухи вдруг вынимает,
Шепчет заговор быстро, и через плечо
Злому гаду навстречу бросает
Гребень частый...
И в этот же миг за спиной
У несчастных сестер —
вырастает

Бор такой, что змея проползла бы с трудом!..
Снова сестры полегче вздохнули.
Быстро двинулись в путь. А свирепый Алмыс
Свой топор вынимает огромный,
Начинает мохнатые сосны валить,
Прорубает, проклятый, дорогу.
Прорубил и, как дикий буран, полетел,
Через горы, луга и долины.
Скрыться некуда сестрам. И лезут они
На вершину мохнатого дуба.
(Был железным и очень высоким тот дуб).
Вот сидят они там, чуть живые.
Подбегает Алмыс. Поглядел на сестер
И смеется, клыки свои скаля:
— «Далеко забрались. Как же мне вас достать?..
Не достану, ха-ха, не достану.
Живы будете»... —
Так говорит он, смеясь.
Свой топор из-за пояса вынул,
Дуб железный рубить начинает. Летят
Щепки крупные. Гулкое эхо
Отдается в могучих горах голубых.
Три сестры еле живы от страха.
Долго-долго рубил и присел отдохнуть
Злой Алмыс — запотевший, лохматый.
Вдруг он видит:
Лисица сбегает с горы —
Пышнохвостая, красная... Быстро
Подбегает к Алмысу и так говорит:
— «Вижу я, что вы очень устали.
Вам, Большой Человек, я хотела б помочь.
Дайте мне свой топор и ложитесь.
Отдыхайте в тени, — я за вас порублю.

Будет дерево падать, — проснетесь
И закусите сладко»...
Виляя хвостом,
Так лиса говорила Алмысу.
Тот подумал: — «Пусть рубит, а я полежу.
Будет дерево падать, — услышу»...
Отдает свой топор и ложится в тени,
А лисица рубить начинает.
Порубила немножко и видит: Алмыс
Крепко-крепко заснул, как убитый.
Тут лиса отбежала и вмиг наскребла
Серы с лиственниц, сосен. Умело
Залепила той серой злодею глаза,
А топор в озерке утопила.
— «Ну, слезайте теперь», —
шепчет сестрам лиса,
— «Да скорей убегайте отсюда.
Путь счастливый! Прощайте!..»
В густую тайгу
Убегает лиса золотая.
Сестры слезли с железного дуба и вновь
Побежали они без оглядки.
Кровожадный Алмыс трое суток проспал;
А когда пробудился, поганый, —
Глаз своих завидущих не может открыть,
Света ясного солнца не видит.
Кое-как разодрал он когтями глаза.
Видит: нет ни сестер, ни лисицы.
Стал топор свой искать и нигде не нашел,
Стал ругаться, грозя кулаками:
— «Ну, лисичка, постой! Попадешься ты мне!..
Разотру в порошок и по ветру
Я развею вонючее тело твое!»

Так злодей кровожадный ругался.
Захотел он попить, подошел к озерку,
Выпил все его враз, большепузый.
Там нашел свой топор.
Словно бешеный вихрь,
За сиротками снова погнался.
Те бегут через горы, леса и луга.
Вот услышали храп и сопенье.
А бежать они больше не могут. Опять
Подкосились усталые ноги.
Перед ними широкое море... Куда
От проклятого гада укрыться?
Вдруг опять подбегает к ним та же лиса:
— «Что вы плачете! Что приключилось?..»
— «Ах, лисичка родная! Спаси нас, спаси!
Тот злодей догоняет нас, — видишь.
Будем живы — во век не забудем тебя,
За добро твое тем же отплатим»...
Так вот, кланяясь в землю, лисе говорят
Три сиротки... Лиса рассмеялась,
Показала им зубы и просит потом:
— «А скажите-ка, девушки, честно, —
Каковы мои зубы? Хорошие, да?»
Сестры ей отвечают:
— «Чудесны!..
Мы зубов таких век не встречали нигде.
От родителей только слыхали,
Что на свете есть лев. Может быть, у него
Зубы могут сравниться с твоими.
А на нашем любимом Алтае зверей
Не найдется с такими зубами!»
Так ответили сестры. И снова лиса
Говорит им:

— «Теперь посмотрите —
Какова голова моя, лапы, хребет,
Хвост и уши...
Ладом разглядите
И скажите мне честно: хорошие, да?..»
Сестры ей отвечают:
— «Прекрасны!
Мех твоей головы, золотого хребта
Был бы годен красивой невесте
На богатую шубу. А лапы твои —
Жениху молодому на шапку»... —
Так ответили сестры. Довольна лиса!
Вмиг свела она девушек к лодке.
Усадила. И в лодке берестяной все
Через Черное море поплыли.
Как с друзьями, беседует с ними лиса,
Веселей стали бедные сестры.
Переплыли. Простились. Обратно лиса
Уплыла через Черное море.
Только на берег вышла, —
поганый Алмыс
Ей кричит:
— «Ну-ка, ты! Поскорее
Переплавь через море меня!..»
А лиса
Кажет зубы ему:
— «Поглядите, —
Каковы мои зубы, Большой Человек?
Не плохие ведь? А?.. Ну, скажите»...
— «А, какие там зубы!.. —
Орет ей Алмыс, —
Барахло!..
Ячменя не раскусят.

Нечем хвастаться...
Лодку давай поскорей!..
Переплавь через море. Потом уж с тобой
Расплачусь за проделку у дуба.
Не верти тут хвостом-то... Мне некогда ждать!..»
А лиса к нему снова с вопросом:
— «Какова голова моя, лапы, хребет,
Хвост и уши? Ладом разглядите
И скажите мне честно:
Неплохи ведь? А?..»
— «Ах, да чтоб ты подохла, собака!..
Вот нашла чем хвалиться —
дурацкой башкой,
Шкурой желтой, хвостишком вонючим!..»
Злой Алмыс заорал, выходя из себя,
И зубами огромными лязгнул.
— «Ах, простите, простите, Большой Человек!» —
Завертелась лиса.
— «Я сейчас же
Переплавлю вас за море. Сделаю плот
Из хорошего дерева, прочный.
(Лодка вас не поднимет).
А вы в свой одук
Больше галек с песком насыпайте,
Чтобы плот не качало от яростных волн,
Чтобы мы переплыли спокойно»...
Так сказала Алмысу лиса, а сама
Плот из дудок гнилых смастерила.
Лиходей этим временем гачи набил
Крупной галькой, песком доотказа.
Вот уселись. Поплыли тихонько...
Вдруг плот
Затрещал от волны набежавшей.

Злой Алмыс побелел:
— «Ой, лисичка, беда.
Затрещал что-то плот твой... Запомни:
Если что приключится, — убью наповал.
Растерзаю...
Плыви хорошенько...»
— «Ничего, ничего!..» —
Отвечает лиса,
Ухмыляясь лукаво.
— «Доедем.
Не случится беды. Вы поближе ко мне
Пересядьте. Не бойтесь... Доедем»...
Так сказала лиса.
Вот поганый Алмыс
Приподнялся. Хотел он поближе
Сесть к лисице...
Вдруг дудочный плот затрещал
И распался на части!..
Поганый
Стал барахтаться в море, но гачи с песком
Злого гада на дно утянули.
Захлебнулся...

На берег лиса приплыла
И сияет от радости-счастья.

☆☆☆

А несчастные сестры бегут и бегут
От свирепого гада Алмыса.
Много гор пробежали, лесов и полян,
И никто им в пути не встречался.
Сзади тоже не слышно погони.
Вольней
Три сиротки вздохнули. Потише
Шли теперь, отдыхая кой-где у ручья,
Под сосной от дождя укрываясь.
Долго, мало ли шли они так, — только раз
На охотничий стан набрели вдруг.
Вот под кедром могучим их пища, котлы,
А охотников где-то не видно.
Знать, ушли на охоту.
Несчастных сирот
Мучил голод жестокий и жажда.
Не стерпели бедняги.
Решились варить
Чай и суп, не дождавшись хозяев.
Быстро-быстро поели, на кедр забрались
И сидят на вершине высокой.
Скрылось красное солнце за черной горой, —
Возвратились охотники.
Видят:
Кто-то трогал посуду и пищу у них, —
Что за вор? И откуда он взялся?
Поглядели вокруг, — никого не видать,
И под кедром охотники сели.

Вот взглянули на кедр и заметили там
Трех сестер на вершине высокой.
Друг ко дружке прижались, трясутся они.
Тут охотники ружья схватили.
Стали целиться...
Сестры заплакали враз:
— «Люди добрые! Нас не губите.
Мы — сироты несчастные, может быть, вам
Пригодимся. Мы пищу вам сварим,
Мы починим одежду и обувь для вас.
Пожалейте сирот горемычных.
Нашу кровь не пролейте... Оставьте в живых»...
Так охотников сестры просили.
Те оставили ружья.
— «Вот с правой руки
Я кольцо вам бросаю, — ловите.
Кто поймает — тому я и стану женой», —
Так большая сестра говорила.
Вот бросает кольцо она с правой руки,
И поймал его старший охотник.
После средняя бросила, —
средний поймал.
Ну, а младшему брату досталось
Самой меньшей сестры дорогое кольцо.
С кедра мощного девушки слезли...
Так нежданно-негаданно в дальней тайге
Поженились охотники наши.
И, охоту оставив, скорее домой
Уезжают справлять они свадьбы.

☆☆☆

Старшим сестрам достались мужья-богачи.

Самым крепким вином угощая,
Самой вкусной едой угощая гостей,
Девять дней они свадьбы справляли.
Ну, а младшей сестренке достался в мужья
Парень бедный:
Конишка саврасый,
С шерстью вытертой шуба,
Дырявый аил,

Две руки молодых —
Все богатство.
Не имея на мясо скота, — угощал
Он гостей своих мясом марала,
Что в тайге подстрелил...
Свадьбу справил свою
В день один, без гулянья большого.
С той поры стали женами три сироты,
Стали жить и Алмыса забыли.
Сестры старшие жили богато, и вот
Перед младшей они возгордились.
И не то, что сестрой, человеком ее
Признавать не хотят. Заставляют
За несчастный кусочек курута на них

Днем и ночью работать.
Сестра же,
Хоть и бедной, но гордой и смелой была,
Перед сестрами спину не гнула.
Только муж ее робок с богатыми был,
За себя постоять не умел он.
Не взлюбили богачки родную сестру
За ее непокорность. Старались
Навредить ей, решили совсем извести
Две богатые ведьмы беднячку.
Как-то раз на охоту мужья собрались.
Жены им сухарей насушили,
Уложили в мешки.
— «Дорогая жена!
Чем меня ты обрадовать сможешь?
Что ты сделаешь здесь без меня, —
расскажи?»
Так жене своей старший охотник
Говорил, заседлав вороного коня.
Молодая жена отвечает:
— «Дай мне кожи немного — с наперсток всего;
И, пока ты охотиться будешь, —
Тридцать пар очень прочных, красивых сапог
Я сошью тебе, муж мой любимый,
Из клочка этой кожи...
Прощай, дорогой.
Путь счастливый! Удачи в охоте!..»
Вот и средний охотник, коня заседлав,
С молодою женою прощаясь,
Говорит ей:
— «Супруга родная моя,
Чем меня ты обрадовать сможешь?
Что ты сделаешь тут без меня, —

расскажи?»

Молодая жена отвечает:
— «Из единого зернышка девять мешков
Без тебя приготовлю толкана.
До свиданья, мой муж дорогой!
Не грусти.
Будь здоров и в охоте удачлив»...
Вот и младший охотник, прощаясь с женой,
Говорит ей:
— «Моя дорогая!
Что ты сделаешь тут без меня,—
расскажи!
Чем меня ты обрадовать сможешь?»
Так жене говорил он — охотник-бедняк.
Молодая жена отвечает:
— «Принесу тебе дочь с золотой головой
И серебряным телом, друг милый!..»
Пищи скудный запас привязав в торока,

Муж целует жену молодую.
И на тощем савраске трусит поскорей,
Догоняя охотников старших...

Целый месяц прошел.

Возвратились домой
Три охотника с крупной добычей.
Расседлав вороного большого коня,
Входит старший в аил свой и видит:
У стены на лежанке стоят сапоги —
Тридцать пар! Сапоги — загляденье!
Вот что сшила жена из клочка одного!..
Говорит ей охотник:
— «Спасибо!
Вижу, — слово свое ты сдержала, жена.
Молодец, молодец! Мастерица!
Всем соседям о чуде таком расскажу,
Весь Алтай пусть узнает об этом!..»
Расседлав друга верного — рыжку, в аил
Входит средний охотник и видит:
В девяти аккуратных мешочках толкан
Из единого зернышка сделан.
— «Вот спасибо, спасибо, жена. Молодец!
Вижу, — слово свое ты сдержала.
Все соседи и весь наш Алтай голубой
О такой мастерице узнает».
Входит младший охотник в свой бедный аил,
Видит: в кошму завернут ребенок.
Вот, счастливый, подходит он к этой кошме,
Развернул осторожно и видит:
Лопоухий, слепой и паршивый щенок
В эту кошму завернут...
Сердито
Закричал разобиженный муж на жену:
— «Тварь несчастная!
Как же ты смеешь
Насмехаться над мужем?
Я всем расскажу,

Опозорю тебя всенародно!
Вот как слово свое ты сдержала!..
Вовек
Я словам твоим верить не буду!..»
Хлопнув дверью сердито, охотник ушел,
А жена не поймет, — чем обижен
Муж любимый?..
Подходит к ребенку она,
Увидала — и падает на пол.
Вместо дочери милой — слепого щенка
В мягкой чистой кошме увидала.
И заплакала бедная:
— «Кто ж это, кто ж
Дочь мою ненаглядную выкрал?
Злые сестры, наверно, украли тебя,
Дочь родная...
Ах, горе мне, горе!..»

☆☆☆

Много, мало ли минуло времени, — вновь
Свояки собрались на охоту.
— «Ну, жена дорогая, а что же теперь
Без меня ты надумала сделать?
Чем теперь ты меня удивишь, —
расскажи?» —
Так жене своей старший охотник
Говорил, заседлав вороного коня.
Молодая жена отвечает:
— «Из овчины с ладонь —
шестьдесят крепких шуб
Я сошью тебе, муж мой любимый.
Верь, что слово свое я сдержу, мой родной.
Путь счастливый! Удачи в охоте!..»

Вот и средний охотник, прощаясь с женой,
Говорит ей:
— «Моя дорогая!
Что ты сделать надумала здесь без меня,
Чтоб меня удивить и соседей?»
— «Я из чашки одной молока — наварю
Араки шестьдесят ташауров, —
Будет крепкой она», —
Так жена говорит.
— «Будь здоров и удачлив в охоте!..»
Вот и младший охотник собрался. Жене
Говорит он:
— «Обманщица злая!
Может, в этот раз что-нибудь сделаешь ты,
Чтобы мог я похвастать народу,
Чтобы радостно сердце забилось мое?..»
Молодая жена отвечает:
— «Золотого я сына тебе нарожу,
Голова его будет серебряной...»

☆☆☆

Целый месяц прошел. Настреляв соболей,
Самых пышных лисиц, горностаев,
Шустрых белок, хорьков, глухарей, косачей, —
Под'езжают охотники к дому.
Говорят меж собой они:
— «Чем-то опять
Нас обрадуют жены сегодня?..»
Сняв пушнину и птицу, коня расседлав,
Входит старший в аил свой и видит:
Шестьдесят теплых шуб из овчины с ладонь
Молодая жена ему сшила!
Говорит ей охотник:

— «Спасибо, жена,
Мастерица моя золотая!
Всем соседям о чуде таком расскажу,
Весь Алтай пусть узнает про это!..»
Расседлав друга верного — рыжку, в аил
Входит средний охотник и видит:
Шестьдесят ташауров стоят с аракой!..
Вот что мужу жена молодая
Наварила из чашки одной молока!..
Говорит ей охотник:
— «Спасибо!
Все соседи и весь наш Алтай голубой
О такой мастерице узнают...»
Вот и младший охотник заходит в аил,
Видит: в кошму завернут ребенок.
И подходит счастливый охотник к кошме,
Развернув ее бережно, видит:
Серый, тощий и грязный котенок слепой
В эту кошму завернут...
Сердито
Закричал разобиженный муж на жену:
— «Тварь несчастная! Как же ты смеешь
Насмехаться над мужем,
позорить меня
Перед всем многогранным Алтаем?
Ты щенка народила слепого, — умрешь
Смертью гнусной, собачьей...
Котенка
Родила вместо сына, —
тебя задушу
Я, как старую грязную кошку!..»
Так ругаясь, хватает охотник жену,
Рвет ей волосы, топчет ногами.

Искалечил ей руки и ноги сломал,
Все лицо изуродовал. Выбил
Правый глаз...

Полумертвую бросил ее
На с'еденье зверям кровожадным.
Сам с друзьями счастливыми откочевал
Через горы на новое место.

☆☆☆

Вот лежит молодая жена на лугу,
Смерти ждет, — только смерть не приходит.
Встать не может:
поломаны ноги ее.
Плохо видит единственным глазом.
Изувечены руки, —
не может ползти,
Чтоб травы нащипать себе в пищу.
И лежит, обливаясь слезами, она,
Смерть зовет, как последнюю радость.
— «Дочь родную мою с золотой головой
Кто же выкрал? Любимого сына
Золотого с серебряной головой
Кто же с'ел мне на горе и гибель?

Неужели же сестры родные меня
Так обидеть могли? Неужели?..»
Так рыдает несчастная в поле глухом,
Слышит — сердце ее замирает.
Вдруг от боли ужасной очнулась она,
Свой единственный глаз открывает.
Видит: серая мышь ее ногу грызет.
И опять сирота зарыдала:
— «Даже мышь меня может обидеть теперь...
Грызла б мертвую...»
Левой рукою,
Изловчившись, хватает проворную мышь
И ломает ей заднюю лапку.
Из руки ее вырвавшись, серая мышь
Отбежала, хромая. Проворно
Стала грызть она сочную травку одну
И нога ее вмиг излечилась.
Как ни в чем не бывало, бежит эта мышь
В дом свой, в темную норку под кочкой.
Видя это, несчастная наша ползком
Добралась до чудесной травинки.
С'ела тоненький стебель — и вот чудеса:
Ноги стали здоровыми сразу!
Но итти она все же не может: болят
Руки, тело избитое ноет.
Правый выбитый глаз ее очень болит.
И упала она на поляне.
Долго так в забытье полежала она, —
Вдруг от боли ужасной очнулась.
Видит бедная:
— руку больную грызет
Мышь поганая...
— «Горе мне бедной!

Даже мышь меня может обидеть теперь.
Грызла б мертвую...» Левой рукою,
Изловчившись, хватает поганую мышь,
Ей переднюю лапку ломает,
Правый глаз выбивает и так говорит:
— «Вот теперь ты меня погрызи-ка!»
Отпустила и зорко за нею следит.
Мышь бежит, спотыкаясь, хромает.
Отбежала немножко и грызть начала
Травку сочную, нежную... Сразу
Залечилась и лапка и выбитый глаз.
Как ни в чем не бывало, проворно
Мышка в теплую норку под кочку бежит.
Видя это, несчастная наша
Поднялась, до чудесной травинки дошла,
С'ела тоненький стебель... И сразу
Стали крепкими ловкие руки ее,
Зрячим сделался глаз ее черный.
И решила она побродить по горам,
Чтоб детей разыскать непременно.

☆☆☆

Так, питаясь кореньями дикой травы,
По горам она бродит, бедняга.
Нет нигде ее милых детей.
Не видать
Мужа злого; сестер не находит.
День и ночь она бродит вся в горьких слезах,
Так худа, даже ветром качает.
Вот в долине зеленой встречается ей
Дед морщинистый, сгорбленный, старый.
Борода его — белого зайца белей,
А в руках его — палка большая.

— «Что ты, дочь моя, слезы горючие льешь,
Днем и ночью печальная бродишь?
Будишь громкими стонами лес на горах,
Твердый камень на скалах тревожишь?
Расскажи обо всем, ничего не таи...»
Отвечает несчастная деду:
— «Милый дед седовласый! Брожу по горам,
Чтоб сестер разыскать своих где-то.
Двух детей своих милых и мужа ищу.
Сирота я, забытая всеми.
Вот с чего я и слезы горючие лью...» —
Деду женщина так отвечает.
Встретив чуткую душу живую, она
Все обиды ей высказать рада.
Весь рассказ ее выслушав, дед говорит:
— «Дочь моя! Не кручинься. Не надо.
Не потеряны радость и счастье твое,
Ты вернешь их, родная... Запомни:
Двух детей твоих выкрали сестры твои,
В Белом озере их утопили.
За шестью голубыми горами живут
Муж и сестры в зеленой долине.
На луга не вмещается скот их. Добро
В их аилы большие не входит.
Ты на Белое озеро быстро ступай,
Там детей своих милых разыщешь...»
Так вот сгорбленный старец бедняжке сказал,
Та хотела пожать ему руку,
Но его вдруг не стало. Растаял, как дым...

☆☆☆

Вот на Белое озеро быстро пришла
Сирота горемычная. Бродит
По нарядным, зеленым его берегам,

Смотрит — где ж ее милые дети?
Долго, мало ль бродила, —
вдруг видит она:
Ранним солнечным утром выходят
Два прекрасных ребенка из белой воды.
Вот на травке зеленой резвятся.
Не успела несчастная мать подбежать, —
Снова в озеро дети спустились.
Долго плакала мать, а потом на траве
Белый, чистый шардек постелила.
Молока надоила из белой груди,
На шардек тот поставила в чашке.
За кустом притаилась, лежит не дыша.
Вот румяное солнце проснулось.
Озарило высокие горы, леса,
Золотые долины и воды.
И выходят из белой воды на лужок
Дети дивные. Долго резвятся.
Вдруг заметили белый шардек и на нем
Молоко материнское в чашке.
Жадно выпив его, прилегли на шардек,
Сном младенческим крепким заснули.
Мать подкралась, схватила шардек и бегом
Побежала с детьми дорогими.
Долго, мало ль бежала, — проснулись они,
Испугались, заплакали громко:
— «Мама — озеро Белое!.. Что же ты нас
Отдала лиходею Алмысу?
Отними нас, мамаша родная! Спаси!» —
Так кричат они жалобно в голос.
А счастливая женщина быстро бежит,
Крепко держит детей ненаглядных.
Вот услышало Белое озеро крик,

Всколыхнулось, плеснуло волною.
Догнала белопенная злая волна
И бегущую мать захлеснула
До колен...
Та детей прижимает сильней.
Вот другая волна набегает,
Затопила до пояса бедную мать.
Та скорей убегает.
И третья
Набежала высокая злая волна,
Но свалить она мать не сумела,
Только вырвала сзади у шубы клочок
И обратно ни с чем возвратилась.
(С той поры все алтайки и шьют чегедек
Непременно чтоб с прорезью сзади!..)
Так бежит наша женщина. Милых детей
К сердцу крепче она прижимает.
Те рыдают:
— «Оставь нас живыми, оставь,
Не губи наши детские души!..
К маме — Белому озеру — нас отпусти...»
Мать родную они не узнали.
И заплакала та:
— «Золотые мои!
В животе вас под сердцем носила.
Вас баюкала в люльке и грудью своей
Я кормила вас, милые дети.
Ваша мама — я...»
Дети тогда говорят:
— «Если ты наша мама, то сделай,
Чтоб твое молоко из груди протекло
Сквозь кошму. А ее мы положим
В шестьдесят шесть рядов...

Протечет, — ну, тогда
Мы поверим, что ты — наша мама».
Вот кошму положили, свернули ее
В шестьдесят шесть рядов.
Поцедила
Мать из правой груди молоко свое, — враз
Промочило кошму оно...
Что же
В белом свете сильнее любви матерей
И сильнее их нежности что же?!
Видя все это, дети поверили тут,
Что родимая мать перед ними...
Дружно жить они стали.
Пошли по горам,
Чтоб найти свое счастье и долю.
Мать ребятам подросшим о жизни своей,
О несчастьях своих рассказала.

☆☆☆

Долго, мало ль бродили они по горам,
По лесам и долинам зеленым, —
Видят как-то: на тощем саврасом коне
В старом бедном седле-деревяшке
Проезжает ойрот... Сыну с дочерью мать
Говорит:
— «Поглядите, родные,
Вот он, — ноги ломавший и руки мои
Искалечивший,
Глаз мой коловший, —
Ваш жестокий отец на саврасом коне
Вот...»
Но дети не слушают дальше.
Догоняют проезжего, сшибли с коня,

С хрустом руки и ноги ломают.
Привязали савраске за хвост, и коня,
Разогнав, по долине пустили.
Долго бегал савраска. От злого отца
Не осталось ни кожи, ни мяса.
Оторвался скелет его где-то в кустах,
А савраска за горы умчался.
Рассчитавшись с жестоким отцом, пристают
Дети к матери:
— «Ну-ка, скажи нам, —
Где живут кровожадные сестры твои,
Что бросали нас в озеро? С ними
Рассчитаться хотели бы мы поскорей!
Где же, где они?..»
Мать отвечает:
— «За шестью голубыми горами они
На урочище лучшем, просторном.
На луга не вмещается скот их. Добро
В их аилы большие не входит...»
Услыхав это, дети скорее пошли
Через горы, — искать тех злодеек.

☆☆☆

Днем и ночью идут по горам и лесам,
По зеленым лугам и долинам.
Сколько видят чудеснейших трав и цветов,
Птиц, зверей, водопадов и речек!
Вот и горы высокие все перешли,
Шесть урочищ подростки проходят.
Видят:
в тучной долине аилы стоят,
Бродит тучами скот по долинам.
Брат сестре говорит:

— «Вот они где живут, —
Наши тетки лихие. Давай-ка,
Как голодные нищие, к ним подойдем
И попросим кусочек курута...»
Вот к большому аилу подходят они,
Видят, — тетки сидят там, судача.
И запели подростки:
— «Голодных детей
Накормите, родные... Подайте
Хоть по крошке курута.
Голодные мы...»
Отвечают им тетки сердито:
— «Ничего не имеем, чтоб даром давать
Разным нищим и вшивым бродягам.
А сходите-ка в лес, нарубите нам дров, —
Вот тогда и курут поедите!..»
Так ответили тетки. Не жаль им детей.
Те берут топоры и уходят
На лесистую гору.
Тут брат говорит:
— «Я заметил — ружья нет в аиле.
Их мужья — на охоте, наверно. Давай,
Поскорей уничтожим злодеек...»
Быстро ловят они молодых лошадей,
Под'езжают обратно к аилу.
Смело входят в богатый просторный аил,
Видят, — тетки сидят там, судача.
— «Что-то мало работали», — тетки ворчат,
А подросток им так отвечает:
— «Мы сейчас, дорогие, работать начнем!..
Ну-ка, вспомните, милые тети,
Как бросали вы в Белое озеро нас,
Беззащитных малюток несчастных.

Мы — племянники ваши — явились сюда,
Чтоб сказать вам спасибо большое!..»
Тетки сразу становятся снега белей,
Задрожали... А волосы — дыбом.
Даже крикнуть не могут.
На улицу их
Волокут из аила подростки.
Привязали к хвостам молодых лошадей,
Настегав, отпускают их на луг.
Вихрем лошади мчатся, таща за собой,
Жирных баб — лиходеек поганых.
Долго рыскали лошади лугом, пока
Ничего не осталось от теток.
Видя это, обратно подростки пошли
Через горы, леса и долины.

☆☆☆

Долго, мало ли шли по горам и лугам,
Только видят: в таежном болоте
Жеребенок красивый чубарый завяз,
Ржет он жалобно, бьется бедняга.
И сказала сестра:
— «Милый братец, спасем
Жеребенка, и нам, безлошадным,
Может, лошадью доброй он станет потом,
Станет другом любимым и верным...»
Долго, долго в болоте копались они, —
Все ж спасли жеребенка!.. С собою
Повели через горы, луга и леса
В ту долину, где мать их родная.
Вот доходят до стана и видят они:
Умерла их любимая мать.
Горько плакали бедные брат и сестра,

Похудели от горя такого.
Нарядили покойницу.
Сделали гроб
Из железного дуба.
Цветами
Всю осыпали мать дорогую свою,
Схоронили в горе Темир-Тау.
А потом через две голубые горы
Две сиротки на новое место
Перешли.
У холма над веселым ручьем
Стали жить они в бедном аиле.
По долине гуляя, Чубарка растет,
С каждым днем подрастают и сами.
И теперь нам пора уж назвать имена
Наших бедных героев.
Запомним:
Боодой-Кокшин —
Так называлась сестра.
Боролдой-Мерген —
Брат назывался.

☆☆☆

Много, мало ли времени минуло, — раз
На охоту братишка собрался.
Наказал он сестре:
— «Золотая моя,
Никогда без меня не вари ты
Из осердия суп.
Не играй без меня
В бабки, пешки.
Еще — не ходи ты
На зеленый тот холм...»

Так сестре наказал
Брат, когда уходил на охоту.
Долго не было брата. Скучает одна
Боодой-Кокшин в дымном аиле.
Вдруг припомнила:
— «Стой?!. Почему это брат
Наказал мне не ставить осердье
На огонь?
Не велел почему-то играть
В бабки, пешки.
Еще не велел он
На зеленый тот холм выходить...
Почему?
Ну-ка, что будет, если поставлю
Из осердия суп на огонь, а потом
Поиграю я в бабки и пешки?..»
Вот нарезала быстро осердья она,
На огонь его ставит вариться.
А потом расстелила кошму и на ней
Поиграла и в бабки и пешки.
Что-то быстро устала, на белой кошме
Прикорнула и крепко заснула.
Долго, мало ль спала —
не упомнит она,
А проснулась и видит:
с осердьем
Всплыл навар и потушен огонь в очаге...
Испугалась бедняжка!
— «Что делать?
Где огонь добывать?»
Погрустив без огня,
Вдруг решила:
— «А ну-ка, схожу я

На зеленый тот холм.
Почему это брат
Мне ходить не велел туда?..»
Быстро
Забежала на холм невысокий она.
За кустами у речки веселой
Видит черный аил.
Над аилом — дымок.
Боодой-Кокшин сразу решает:
— «Вот откуда огонь я домой принесу»...
И бежит она к речке веселой.
Подбегает к аилу, заходит в него,
Видит: баба сидит посредине.
Груди — до полу, —
Трубка в зубах.
Чегедек
Весь засален, расстегнут...
В аиле
Больше нет ни души.
Робкой гостье она
Говорит, эта баба:
— «Откуда
Заглянула ты к нам?
Проходи-ка, приляг
На колени мои. Поищу я
В голове у тебя»...
Голос нежный такой,
Хоть сама на кормёса похожа.
Вот прошла Боодой и головку свою
Положила она на колени
Бабы страшной...
И в этот же миг
Крепким сном засыпает бедняжка.

А была эта хитрая баба женой
Кровожадного, злого Алмыса.
В платье девушки бедной продела она
Нитку тонкую черную... Вскоре
Разбудила девчонку, дала ей огня,
Та пошла поскорее к аилу.

☆☆☆

В Черном море тонувший, поганый Алмыс
На Алтае опять появился.
До колен борода — черной тучи черней,
Дикой кровью глаза налились.
В свой аил он заходит.
С любимой женой
Тридцать лет не встречались.
Та — рада.
Мужу лучшую шубу она достает,
Приготовила лучшую пищу.
— «Дорогой муженек!
Где же ты пропадал
Тридцать лет?
Что ты видел и слышал?
Я одна извелась тут с печали-тоски», —
Так жена говорила Алмысу.
А злодей вдруг как вскочит, да как зарычит:
—«Почему это в нашем аиле
Человеком воняет?!
Откуда, когда
Заходил он сюда?
Почему ты
Мне об этом не скажешь?
Скорей отвечай!».
Так Алмыс закричал

и зубами
Ляскнул громко.
Жена говорит:
— «Не сердись,
Не бранись понапрасну.
Возьми-ка
Эту черную нитку.
На свой коготок
Собирать, не спеша, ее будешь.
Приведет эта тонкая нитка тебя
К человечине свежей и вкусной...»
Так сказала старуха.
Поганый Алмыс
Нитку взял и, мотая на коготь,
Он идет за кусты, через холм небольшой
И к аилу сироток подходит
Этот чорт кровожадный...

Большие усы
Перекинул за плечи, как вожжи.
До колен борода — черной тучи черней,
Дикой кровью глаза налились.
Боодой-Кокшин, злого врага увидав,
Обмерла...

И схватив ее тело,
Выпил кровь из него кровожадный Алмыс,
Человеческой крови не пивший
Тридцать лет...
Уходил он счастливый домой,
Гладя пузо и жирно рыгая.

☆☆☆

Пролетело два месяца.
Едет домой
Боролдой-Мерген с разной добычей.
Много пышных лисиц, соболей дорогих,
Горностаев и белок везет он.
Под'езжает к аилу. Не видит сестры,
Выходящей навстречу...
Заходит
В свой аил он и видит:
Огонь в очаге
Не пылает приветно...
Остыли
Угли, кучка золы...
Дорогая сестра
Трупом синим лежит средь аила.
— «Не послушала, видно, наказов моих, —
Вот лежишь теперь мертвой!..» —
Рыдает
Боролдой-Мерген.
Тело любимой сестры
Он в кошму завернув, переносит
Под крутую скалу за проворным ручьем.
И скалу поднебесную просит:
— «Расступись ты, крутая скала! Приюти
Дорогую сестру!..»

Расступилась
Поднебесная эта скала, приняла
Боодой-Кокшин легкое тело.
Схоронив дорогую сестру, загрустил
Боролдой-Мерген:
— «Что ж мне делать?
Ни отца и ни матери нет у меня,
Ни сестры...
Одинок, как былинка.
Лишь один ты остался, товарищ и друг,
Конь ретивый...
А ну-ка, Чубарка,
Повези ты меня через горы туда,
Где царь Ай проживает великий.
Три чудесные дочери есть у царя.
Поглядим на них.
Может, женою
Сироте горемычному станет одна,
Та, которая по сердцу будет.

☆☆☆

Через горы, луга,
днем и ночью глухой
Вихрем буйным несется Чубарый.
Промелькнули высокие горы, леса,
Промелькнули долины и реки.
Вот в долине просторной — дворец золотой,
Здесь царь Ай проживает великий.
И красавицы-дочери в этом дворце, —
Только как поглядеть их — не знает
Наш жених.
Заходить во дворец золотой

Он робеет.
Сидит опечален.
Вдруг он видит:
Идет по долине к нему
Дед морщинистый, сгорбленный, старый.
Борода его — белого зайца белей,
А в руках его — палка большая.
Говорит он:
— «Чем ты опечален, мой сын?»
Боролдой-Мерген все без утайки
Рассказал старику...
— «Вот что, сын мой родной.
Дам тебе я рожок стоголосый.
На чугунную гору зайди поскорей,
Там в рожок заиграй.
Как услышат
Три красавицы пенье рожка, —
из дворца
На долину просторную выйдут.
Тут любуйся на них, выбирай для себя
Ту, которая по сердцу будет...»
Так сказал этот дед
и рожок золотой
Жениху подает...
— «Вот, спасибо!»
Говорит сирота, хочет руку пожать,
Но старик вдруг исчез, как растаял.
На чугунную гору забравшись, жених
Дунул в рог золотой... Зазвенела
Песня дивная, нежная...
Смолкли в кустах
Птицы певчие, слушая пенье
Золотого рожка,

Даже ветер затих,
Балагуры-ручьи замолчали.
Из дворца золотого выходят они —
Три красавицы...
Нет человека,
Чтоб словами сумел о красе их сказать!
Замолчал наш жених, заглядевшись.
Долго-долго глядел он.
И младшая дочь
Всех милее ему показалась.
Так глядел, что рожок золотой позабыл
На чугунной горе...
Лишь дорогой,
Под'езжая к долине родной,
о рожке
Боролдой-Мерген вспомнил.
Решил он
Побывать у могилы сестры дорогой
И к скале поднебесной под'ехал.
Тут коня расседлал, на долину пустил,
Сам прилег на кошму под скалою.
Долго, мало ли спал, —
Только мимо скалы
Злой Алмыс проходил...
Увидал он
Человека живого,
упал на него,
Выпил кровь молодую до капли!..
И остался на белой кошме под скалой
Труп холодный...
Но горе нередко
Рядом с радостью ходит...
В могучей скале,

Где лежала в могиле сестрица,
Ручеек протекал.
Ручеек не простой,
А с живою водою...
Упала
Только капля одна на покойницу, —
вмиг
Та очнулась!..
Скала расступилась.
И пошла сирота на зеленый лужок,
Будто только проснулась.
Вдруг видит:
На кошме под скалой —
брат любимый ее —
Мертвый!..
Падает наземь сестрица,
Слезы горькие льет:
— «Мой братишка родной,
Что с тобой приключилось? С чего ты
Этот свет покидаешь таким молодым,
И красивым, и сильным?..»
Рыдала
День и ночь над любимым братишкой она.
Утром конь подошел к ней, Чубарый,
Говорит:
— «Не разбудишь, хоть сколько рыдай.
Оживишь ли слезами?
Садись-ка
На меня поскорей,
Мы поедем туда,
Где царь Ай проживает могучий.
Там узнаем, как можно его оживить —
Дорогого хозяина, друга»...

Быстро платье любимого брата надев,
Сирота на Чубарку садится.
Днем и ночью глухой,
сквозь туманы, дожди
Вихрем буйным несется Чубарый.
Промелькнули высокие горы, леса,
Промелькнули долины и реки.
Вот в чудесной долине — дворец золотой...
Сироту поучает Чубарый:
— «На чугунную гору, мой друг, заходи
И рожок золотой поищи там.
Брат его здесь оставил.
Найдешь, — заиграй
На чудесном рожкé стоголосом.
Из дворца золотого, заслышав рожок,
Три красавицы выйдут и сядут
На ретивых коней. И поедут они
На чугунную гору... Проворно
Ты ко мне подбежишь.
И потом, не спеша,
Мы поедем в долину родную.
Ты играй на рожке.
Обо всем позабыв,
Три красавицы следом за нами
Будут ехать. И мы приведем их туда,
Где лежит мой покойный хозяин.
Игрока на чудесном рожке —
оживить
Три красавицы смогут, наверно»...
Так и сделала все сирота.
На горе
Заиграла в рожок стоголосый.
И сейчас же замолкли в зеленых кустах

Птицы певчие, слушая пенье
Золотого рожка.
Даже ветер затих,
Замолчали ручьи-балагуры.
Из дворца золотого, заслышав рожок,
Три чудесных красавицы вышли.
Вот садятся они на коней дорогих
И на гору чугунную едут.
Сирота же проворно сбегает с горы,
На Чубарку садится, и снова
Заиграла она. А сама, не спеша,
От'езжает все дальше и дальше...
От дворца золотого за тем игроком
Три красавицы едут. И скоро
Игрока догоняют,
и нежно ему
Говорят:
«Подожди! Не спеши ты!
Покажи нам чудесный рожок,
а потом
Во дворец наш богатый поедем.
В дорогие одежды оденем тебя,
С нами жить будешь —
счастлив и весел»...
Но игрок все молчит.
А чубарый конек
Все трусит и трусит полегоньку.
Долго, мало ли ехали так, —
сирота
Видит:
Близко долина родная.
Конь помчался быстрее, и вскоре сестра
Под'езжает к скале поднебесной.

Привязала Чубарку.
Одежду сняла,
На покойного брата надела.
Возле трупа рожок золотой положив,
Боодой-Кокшин скрылась проворно.
Под'езжают красавицы.
Видят они:
Ржет на выстойке конь под скалою
И лежит на кошме музыкант молодой —
Мертвым!..
Рядом — рожок стоголосый.
Соскочили красавицы с быстрых коней,
Не поймут они —
что же случилось
С музыкантом чудесным?
И как же теперь
Оживить его?..
Долго сидели, —
Сокрушались и думали.
Видят они, —
Дед подходит к ним —
сгорбленный, старый.
Борода его — белого зайца белей,
А в руках его — палка большая.
— «Что кручинитесь, дочери?» —
дед говорит.
Отвечают красавицы:
— «Умер
Музыкант молодой и чудесный.
Его
Оживить бы хотели мы очень.
Только как это сделать, — не знаем.
Скажи,

Дед хороший!»... —
красавицы просят.
Отвечает им дед:
— «Оживить нелегко.
Вот что надо, любезные, сделать:
Пусть одна из вас — старшая —
едет быстрей,
Разных трав соберет на могиле
Дорогой его матери.
Средняя пусть
Из тайги привезет можжевельник.
Ну, а младшая пусть добывает воды
Из молочного озера... Если
Все достанете, — будет живым музыкант», —
Сестрам дед говорит.
И дорогу
Мудрый дед показал: как проехать, куда
Повернуть...
А потом рассказал он,
Как покойника надобно им оживлять.
Говорят они деду: — «Спасибо!
Все исполним!.. »
Хотят ему руку пожать,
А его уже нет — как растаял.

☆☆☆

Вот раз'ехались сестры,
и скоро они
Возвратились к скале поднебесной.
Все проделали так, как старик научил,
Все достали, о чем говорил он.
Трав могильных в воде настояли —
и в рот

Музыканту настой этот влили.
Обмывали молочной водой, а потом
Окурили его можжевелем.
И встает молодец:
— «Ах, как долго я спал!» —
Говорит он, зевая.
И видят
Три красавицы:
Стал молодой музыкант
И статнее, и выше, и краше.
Богатырь, хоть куда!..
Блеск веселый в глазах.
Брови — радуги. Щеки пылают
Ярким свежим румянцем...
Красавицам он
Подает свою правую руку.
— «Ах, как рад я, что здесь вы!
О встрече такой
Я давно уже думал»...
— «Мы тоже
Рады встрече такой.
Приглашаем тебя
В наш дворец золотой»...
В это время

Боодой-Кокшин вышла. Ее обнимать
Брат бежит, запыхавшись:
— «Родная!..
Ты — жива? Что за чудо?
Вот радостный день!..
Ну, сейчас отправляемся в гости
В царство Ай,
в золотой и богатый дворец!»... —
Боролдой-Мерген так восклицает.
Вдруг он видит:
Алмыс кровожадный бежит
По долине к скале поднебесной —
Запыхавшийся, мокрый...
Большие усы
Перекинул за плечи, как вожжи.
До колен борода — черной тучи черней,
Дикой кровью глаза налились.
Испугались девицы:
— «Что будет сейчас!..
Всех сожрет окаянный!!»...
— «Не бойтесь»,
Говорит богатырь.
— «Чую я, что теперь
Мне не страшен злодей кровожадный!..»
Так сказав, Боролдой-Мерген вышел вперед
Лиходею-Алмысу навстречу.
И опешил тот сразу. Он видит: идет
Богатырь молодой без боязни.
Крепкоплечий, могучий...
Поганый Алмыс
Повернул, чтоб уйти восвояси.
— «Нет, собака! Постой! Не уйдешь!!» —
закричал

Богатырь молодой.
И хватает
Злого гада за пояс. Подняв высоко,
О скалу ударяет сразмаху.
Долго бьет его, топчет и рвет на куски,
В порошок истолок и развеял!..

☆☆☆

Уничтожив врага, богатырь молодой
Поженился и счастливо зажил.
Весь народ почитает и славит того,
Кто убил кровопийцу — Алмыса:
— «Слава, слава тебе, наш родной богатырь —
Боролдой-Мерген!
Ты от злодея
Нас навеки избавил.
Будь счастлив, здоров,
Пусть во всем тебе будет удача!..»
Так народ, воздавая хвалу храбрецу,
Жизнью светлой и радостной зажил
На долинах просторных, в горах голубых,
На любимом могучем Алтае!

Литературный перевод *В. Непомнящих*

Хоть глаза его слабеют,
Но еще хватает силы
И охотничьей сноровки,
Чтобы рябчика поймать.

Он ходил в тайгу и ставил
На зверей и птиц ловушки,
В Балыкту-реке на рыбу
Ставил из талины снасть.

Сыргачи, совсем малютка,
От отца не отставала,
Целый день она трудилась,
То в аиле, то в тайге.

Черную козу свою доила,
И, в архытах замесая,
Был всегда чегень приятный
И сушилась аарчи.

Сыргачи в тайгу ходила.
Взявши туес берестяный,
На плечо озык свой вскинув,
Шла, тихонько напевая.

На горах кандык копала,
Рыла сладкую сарану,
Горный лук рвала на скалах
Любовалась на цветы.

Загрустив, печально пела
О своей сиротской жизни;
Вспомнив мать свою, малютка
Заливалася слезами.

Голосок ее печальный,
Как ручей, звенел по склону,
Сыргачи-малютка пела
Песню детскую свою:

— Когда моя мама жива была, —
Счастливые были дни,
Когда меня мама кормила —
Радостно было мне.

Когда мы с мамой ходили
В горы копать кандык, —
Радостно было резвиться,
Синие рвать цветы...

Когда моя мама славная
Ласкала меня под вечер,
Я грудью ее играла,
Ее молоком насытясь...

Когда на руке моей мамы
Сладко я засыпала, —
Под самой плохой одеждой
Было теплей, чем в шубе...

Так малютка Сыргачи
Пела о покойной маме.
Слезы падали росою
На душистые цветы.

С каждым днем росла малютка,
Забывая свое горе,
Доставляя радость в жизни
Старому Каамдучи.

Как цветок, цвела малютка;
Красоте ее и росту
И уму ее дивился
Радостный Каамдучи.

Любовался милой дочкой:
Так мала — а все хозяйство,
Будто у хозяйки зрелой,
В маленьких ее руках...

С каждым днем седел и старился
И о жизни чаще думал,
И однажды дочке славной,
Так сказал Каамдучи:

— Золотое мое семя,
Как свои глаза, берег я,
Словно кровь свою, хранил я
После матери тебя.

Если смерть меня повалит, —
Есть кому похоронить меня;
Если уж совсем состарюсь, —
Есть кому меня кормить.

Кости мои старые ослабли,
И в руках все меньше силы.
Надо мне поторопиться —
Средь народа побывать.

В гости я хочу поехать,
Повстречать друзей старинных,
Стариков, своих ровесников,
Напоследок повидать...

Сыргачи, малютка умная,
Слов отца не испугалась;
Все, как взрослая, обдумав,
Старику сказала так:

— Незачем, отец мой милый,
У меня, у малолетней,
Старому просить совета,
Раз надумал — поезжай!..

Стал Каамдучи в дорогу
Понемногу собираться,
Починил узду ременную
И седло кошмой подшил.

Из талины гибкой сделав
Стремена, к седлу приладил.
Из коры таловой тонкой
Плетку добрую он сплел...

Заседлал кобылу рыжую,
Плетку на руку надел он,
Попрощался с дочкой милой
И поехал по горам.

☆☆☆

День за днем Каамдучи все дальше
По горам, лесам, долинам,
Едет. Сам уж притомился,
Кобылицу притомил...

Через речку переправясь,
Переваливая горы
На закате лишь увидел
Дым жилья Каамдучи.

Много звезд зажглось на небе,
И росой трава покрылась, —
До селенья еле-еле
Добрался Каамдучи.

Возле крайнего аила
Привязал свою кобылу
И скорее, чтоб согреться,
Поспешил в аил войти.

У огня сидит старуха,
В многолетнем чегедеке,
Гостя будто не заметив,
Трубкою дымя, сидит...

К очагу Каамдучи уселся,
Трубку табаком набил он,
Не спеша спросил о жизни,
О здоровье расспросил...

— У оленя быстроногого
Шкура и рога ветвистые от роду.

У любого человека
Имя есть, от роду данное,

Где река, вода которой
Утоляет твою жажду,
Где урочище, в котором
Твой аил стоит, скажи мне,
Как твое, скажи мне, имя?

Так старуха говорила,
Не повертываясь к гостю.
Трубку выкурив, подумав,
Говорит, Каамдучи:

— Балыкту-река, в которой
Воду пил я от рожденья,
Орнолу мое урочище,
Там и мой аил стоит;
Имя же мое — Каамдучи...

Еду я к друзьям старинным,
Побывать среди народа.
А твое, скажи мне, имя,
В чьем аиле я, — скажи!..
Трубку выкурив, подумав,
Отвечает так старуха:

— Девяносто табунов отборных,
Девять шуб, покрытых шелком,
Много разного богатства
Здесь имел зайсан Тойбон.

Две зимы уже минуло,
Как Тойбон богатый умер.

И хозяйкой я осталась.
Денильдей — меня зовут.

☆☆☆

Рано утром, на восходе,
Встали женщины в аилах
И коров доить уселись.
К табунам ушли мужчины.

Сладко выспавшийся ночью,
Встал Каамдучи с постели
И взглянуть на кобылицу
Поспешил скорей на двор.

И глазам своим не верит:
Возле рыжей кобылицы,
К вымени прильнув губами,
Жеребенок пегенький стоит.

«Сыргачи сказала правду,
Привезу ей жеребенка» —

Так Каамдучи подумал
И от радости смеется:

— «Вот, когда наступит время
Сыргачи просватать замуж —
Чтоб в приданое отдать ей —
Выращу я пегого коня...»

Так Каамдучи веселый
Говорил, кобылу гладя,
Маленького жеребенка
Обласкал рукою старой.

Кобылицу обратал уздою,
Привязал неподалеку,
И в аил спешит, чтоб радостью
Поделиться с Денильдей.

К очагу Каамдучи садится,
Речь издалека заводит:

— Сны у человека старого
Вещими всегда бывают,
Что сегодня видела во сне ты —
Добрые — не добрые ль приметы?!

— Доброго как будто не видала
И плохого ничего не чую! —

Отвечает Денильдей сердито.
Радостный Каамдучи ей говорит:

— Мне приснилось прошлой ночью,
Будто рыжая моя кобыла
Жеребенка пегенького родила —
Оказался сон-то правдой!..

Денильдей, услышав это,
Бросив трубку, привскочила,
И на улицу, как ветер,
Из аила понеслась...

И, увидев жеребенка,
Заплевалася от злобы;
На Каамдучи накинулась
С руганью такой старуха:

— Видно, чтобы постыдиться,
Глаз ты, старый, не имеешь,
Чтобы покраснеть-смутиться, —
Нет лица, разбойник, у тебя!..

Не видал ты, лгун паршивый, —
Что не рыжая кобыла,
А моя агаш-сокы
Жеребенка принесла!..

— Где же это так бывало,
Чтобы ступа деревянная
Жеребенка родила?
Говорит Каамдучи старухе.

Денильдей же, свирепея,
Почернела вся от злобы,
Распустив седые космы,
Рукавами в землю бьет:

— Плут несчастный ты, разбойник, —
Раз чужим добром прельстился!
Что ж, давай-ка, мы проверим,
Кто у жеребенка мать...

В поводу веди кобылу
По дороге, вниз по склону,
Я ж свою агаш-сокы
Поведу по склону вверх...

Жеребенок мать узнает.
Коль пойдет за кобылицей,
Значит, счастье мне изменит, —
Забирай его себе!

Если от агаш-сокы
Жеребенок не отстанет, —
Убирайся со своею клячей —
Жеребенок будет мой...

Видя, что добром не сладить
С этой бешеной старухой, —
Был Каамдучи согласен
По-старухиному поступить:

—«Пусть старуха злая тащит
В гору ступу двухпудовую, —
Разве от сосцов кобыльих
Жеребенок отойдет?»

Обуздал Каамдучи кобылу,
В поводу повел по склону,
Жеребенок, отставая,
Оторвался от сосцов.

Денильдей же, незаметно,
Горсть муки пред ним рассыпав,
Обвязав веревкой ступу,
За собой поволокла...

Жеребенок слабый, глупый,
Свет впервые увидавший,
На ногах качаясь тонких,
Стал мучную пыль лизать.
И по запаху мучному, —

Будто мать свою почуяв,
Слыша грохот ступы старой,
Будто стук копыт кобыльих, —
За старухой потянулся

И, закрыв глаза от солнца,
Побежал за старой ступой...

Денильдей развеселилась —
Подхватила жеребенка...
И подальше от кобылы
Утащила за аил...

Горько тут Каамдучи заплакал,
Жалобно так говорил:

— Где же это так бывало,
Чтобы ступы деревянные
Жеребят живых рожали,
Как живые кобылицы?..
Кто в такой обман поверит,
Кто такое чудо видел?
Этой Денильдей-старухе
Я до смерти не поверю, —
Обойду народ алтайский,
К хану мудрому дойду я, —
Пусть наш спор и он услышит —
И по-ханski разберет!

Заседлав кобылу рыжую,
От аила прочь поехал,
Горько плача от обиды,
Старичок Каамдучи.

☆☆☆

К хану Телекпею он приехал;
Поклонившись хану в ноги,

Рассказал ему всю правду,
Со слезами говорил:

— Хан великий, хан могучий,
Заступись за бедняка ты...
Выростил единственную я кобылу,
Каждый год приплода ждал.

И дождался — кобылица
Принесла мне жеребенка.
Лгунья Денильдей обманом
Жеребенка отняла.

Слушал хан, глазами хлопая,
Телекпей-придурковатый,
И, созвав богатырей, велел им
Привезти скорей старуху.
Помчались быстрее пули,
Вскачь неслись с наказом хана,
К Денильдей-старухе мчались
Ханские богатыри.
И к аилу подскакали,
Заорали хором шумным:

«Пуля камня не боится —
Мы, богатыри могучие,
Слуги хана Телекпея,

Вот вам первая загадка:
Что всего жирней на свете,
Что всего сытней на свете?
Пораскиньте вы умом!

Вот вторая вам загадка:
Кто на свете всех быстрее
Обежит кругом все земли?
Попытайтесь отгадать!

Вот и третья вам загадка:
Что всего на свете слаще
Из еды ли, из питья ли?
Буду ждать ответов ваших!

Сел Каамдучи на кобылицу
И от хана потащился.
Денильдей на иноходце
В свой аил спешит скорей.

С горькой думою Каамдучи
Едет, к гриве наклоняясь,
Старый ум его не в силах
Одолеть загадки хана.

☆☆☆

Сыргачи отца встречает —
Видит: плачет он слезами,
Тяжело Каамдучи вздыхает,
Как больной, протяжно стонет...

Сыргачи отца спросила:
— Наша старая кобыла,

Из пути вернулась сытой,
Ты, отец, в аил вернулся
Тоже целым, невредимым.
Что ж тебя, отец, печалит,
Кто обидел старичка?

Рассказал Каамдучи малютке,
Как лишился жеребенка,
И, от горя плача горько,
Ей загадки передал...

Сыргачи смеялась звонко,
Хана глупым называя,
И на первую загадку
Сразу же ответ дает:

— Кто зверей и птиц питает?
Кто народам всего света
Голод, жажду утоляет?
Кто взрастил леса и горы,
Вывел реки и моря? —
Всякий скажет, что — земля!

И жирней земли на свете
Ничего другого нету!

Что быстрей стрелы пронзает
Лес густой, крутые горы?..
Кто быстрее, чем глазами,
Землю всю окинет взором?

Кто взлетает птицы выше?
Кто быстрей, чем уши, слышит?
Всякий скажет—человечья мысль!

В миг она пройдет весь свет —
В быстроте ей равных нет!
Человека перед смертью
Что живит и освежает?
Молодым росткам для роста,
Для обильных урожаев,
Что всего нужней всегда?..
Всякий скажет, что — вода!

Слаще вод студеных, светлых,
Ничего на свете нету!

Сыргачи, малютка мудрая
Старого Каамдучи утешила,
И своим ответом умным
Осушила его слезы.

☆☆☆

Денильдей, домой приехав,
Долго думать не желая,
Старого Каамдучи ругая,
За разгадки принялась.

В табуне коней с конями,
Во стадах быков с быками,
И овец в отарах многих
Всех между собой сравнила.

И нашла быка такого,
Что жирнее не отыщешь!
— Нет его жирней на свете, —
Денильдей решила сразу,

И, довольная разгадкой,
За вторую принялась.

В бег коней своих пустила,
Сто быков гоняла долго,
Сто баранов перепуганных
По долине погнала.

От слепней спасаясь, в реку,
Всех быстрей бычок примчался.
— В беге с ним кому ж сравниться? —
Денильдей решила сразу.
И не стала больше думать,
Над второй загадкой хана.

Чтобы разгадать и третью,
Стала есть, что ни попало:
Мясо, травы и коренья,
Напилась всего, что даже
Люди многие не знают,

Три архыта выпила чегеня,
С'ела три мешка толкана,
И решила, что на свете
Нету слаще этой пищи!

Сев на иноходца вороного,
К Телекпею понеслась...

☆☆☆

Оба в срок явились к хану:
Денильдей на иноходце,
И на старой кобылице
Старичок Каамдучи.

Денильдей поклоны била,
Рукавами в землю хлопала,
Рот раскрыв, спешила первой,
Телекпею дать ответ.

Хан спросить хотел обоих:
Что всего жирней на свете?
Не давая рта раскрыть ему,
Закричала Денильдей:

— Нету никого на свете
Моего быка жирнее!..

Не спеша Каамдучи ответил,
Что земля — всего жирней.

Телекпей спросить их хочет:
Кто быстрее всех на свете?
Не успел сказать и слова —
Денильдей опять кричит:

— Нету никого на свете
Моего быка быстрее!..

Старичок Каамдучи, подумав,
Человечью мысль назвал.

Рукавами бьет о землю,
Денильдей, разинув глотку,
И, не дожидаясь хана,
Диким голосом визжит:

— Нет на свете слаще пищи,
Как толкан с чегенем жирным.

А Каамдучи спокойно —
Как учила дочь-малютка —
Хану передал ответ.

Телекпей, ответы выслушав,
Говорит на обе стороны:

— Видно, надо суд продолжить,
Раз вы оба разгадали,
Видно, чтоб увидеть правду,
Долгий надо суд вести.
Денильдей домой пусть едет,
Пусть Каамдучи останется —
С ним хочу поговорить!..

У порога юрты ханской
Долго ждал Каамдучи.
Хан же с'ел обед богатый,
Выспался на шелковой постели,
И позвал Каамдучи:

— Видно, ты, старик, не глупый,
Раз на все ответил верно,
Только сам ли ты, лукавый,
Все загадки разгадал?
Не помог ли кто в народе,
Не с народом ли надумал,
Говори скорей всю правду;
За неправду — жди грозы.
Голову твою седую
Отсеку, к ногам приставлю,
Ноги старые отрежу
И на плечи прилеплю!..

Видит тут Каамдучи, —
Хан сгубить его задумал,
Старый ум его в затменьи, —
Ноги старика трясутся:

«Коль скажу ему неправду,
Сам погибну и сироткой
Дочку милую оставлю,
Если правду всю открою —
Дочку, бедную малютку,
Гневу ханскому подвергну —
Никому не сдобровать»...

Что Каамдучи ответить?
Плачет горькими слезами,
Хану кланяется в землю
И, надумав, говорит:

— Хан могучий, хан великий,
Старика не мучь напрасно,
Много я на свете прожил,
Своего ума хватило,
Все своим умом решил...

Телекпей, от злобы красный,
Поднялся с ковров богатых,
Тучей грозовою грянул,
Как железо, загремел.

Плеть из девяти ремней саженных
Приказал сплести сейчас же,
Рукоять из таволги приделать,
В руки ханские подать.

И, схватив Каамдучи-беднягу,
По спине ударил плетью —
Шуба в клочья разлетелась,
Кровь разбрызнулась кругом...

Стоны старого бедняги
По горам летят, как эхо.
Хан играет плетью гибкой
На спине Каамдучи,

Муки выдержать не в силах,
Слезы выплакав, взмолился,
Ноги ханские целуя,
Чуть живой Каамдучи:

— Хан великий, хан могучий,
Буду я рабом покорным
Возле твоего порога,
Во дворе твоем собакой
Я до смерти верной буду.
Дай мне век дожить недолгий,
Кровь мою не проливай, ты,
Правду всю скажу тебе я,
Ничего не утаю.

Хан, досыта насладившись,
Руки утомив от плети,
Старика к порогу бросил,
Правду говорить велел.

— Хан великий, хан могучий,
Говорю тебе всю правду,

У меня в аиле бедном,
Дочка, маленькая сирота,

Сыргачи — зовут малютку. —
Не сыскать ее умнее,
Все твои загадки дочка
Разгадала за меня...

Телекпей придурковатый
Сказанному удивился,
На Каамдучи накинулся,
За обман избить хотел.

Но решив, что он успеет
Старика загнать в могилу,
Чтоб умом своим похвастать,
Старику наказ дает:

— Зря свою девчонку хвалишь,
Где же ей со мной тягаться.
Загадаю ей загадку —
Десять лет не разгадать.
Пусть-ка сразу мне ответит:
Больше ль в небе звезд светящих,
Или кочек на земле?

Оседлав скорей кобылу,
Без оглядки в путь пустился,
С ханских глаз спеша убраться
Чуть живой Каамдучи.

Как в свое ущелье в'ехал,
Из седла упал на землю;

И с земли малютку видя,
Ханский передал наказ.

Рассердилась Сыргачи-малютка,
Хана глупым называя,
И на ханскую загадку
Сразу же дала ответ:

— Видно, хан глупей ребенка,
Если глупые загадки,
Не имеющие смысла,
Малолетним задает.
Я ему отвечу: кочек
Больше, чем на небе звезд!
Если ж, глупый, не поверит,
Пусть их сам пересчитает!..

Дав передохнуть кобыле,
Сам передохнув немного,
Вновь Каамдучи поехал,
Хану передал ответ.

Телекпей придурковатый
Ничего сказать не может.
Трубок пять в раздумьи выкурил,
Слугам приказал нарвать ему
Колосков ячменных сорок.

— Если уж такою умной
Дочь твоя себя считает,
Пусть из этих сорока колосьев
Приготовит мне толкану
Трехпудовое корыто,
И ко мне пришлет его,

Да скажи, чтоб торопилась; —
Как взойдет луна за полночь,
Чтобы был толкан готов!
Пусть загадку разгадает:
— Больше ли в воде текущей
Рыб, плывущих по теченью,
Иль на дне камней лежащих? —
Пусть дает ответ быстрей.

Хан, умом своим довольный,
Дал наказ такой малютке...

В свой аил Каамдучи приехал,
Дочке передал наказ.
Сыргачи смеялась звонко
И отцу сказала так:

— Видно, добрым хан быть хочет,
Коль послал мне угощенье.
За ячмень скажи спасибо,
На загадку так ответь:
— Рыб в воде текущей больше,
Чем на дне камней лежащих,
Если ж верить не захочет,
Пусть в реке их сам сочтет...

Сыргачи ячмень изжарив,
Старика им угостила,
Горсткою сама насытясь,
Собрала отца в дорогу.

Старичок, приехав к хану,
В ноги пал, боясь разгневать,
И ответ малютки умной
Телекпею передал:

— Дочка шлет тебе спасибо
За ячменные колосья,
За твою большую милость,
Кланяясь, благодарит.

На загадку ж так ответила:
Рыб в воде текущей больше,
Чем на дне камней лежащих.
Коль не веришь — посчитай!..

Телекпей, от роду глупый,
Ничего сказать не в силах,
Десять выкурил он трубок,
Чтобы выдумать ответ.

И, надумав, посылает
Слуг обшарить гнезда птичьи
И достать скорее пару
Незасиженных яиц.

Два яйца Каамдучи вручая,
Он дает такой наказ:

— Увези девчонке гордой
Яйца птицы неизвестной.
Пусть-ка выпарит мне пару
Певчих, луннокрылых птиц.

Да скажи, чтоб торопилась:
Как взойдет поутру солнце,
Чтобы птицы прилетели
На порог моего аила!

Пусть загадку разгадает:

Больше ли мужчин на свете,
Или женщин на земле живет!

Едет прочь Каамдучи печальный,
И в дороге горько плачет:
«Ханским шуткам нет предела,
Горю моему конца не будет.
Видно, загубить надумал
Дочку славную мою»...

Сыргачи его встречает
И, наказ услышав ханский,
Хана дурнем называя,
Утешает старика:

— Видно, хан стает добрее —
Посылает нам на ужин
Яйца птицы неизвестной.
Будем их варить и есть...

Сыргачи сварила яйца,
Старику одно скормила,
А сама другим насытясь,
Собрала отца в дорогу:

— Хану передай спасибо,
Что прислал яиц на ужин,
А на глупую загадку
Отвечай, что женщин больше,
Чем мужчин на белом свете.

Вновь Каамдучи приехал к хану
И сказал, как дочь учила.
Телекпей, мрачнее тучи,
Загремел на старика:

— Пусть сама ко мне приедет
Эта глупая девчонка.
Пусть-ка мне она поможет
Рассудить вас со старухой...
Посмотрю — умна ль она!..

К дочери Каамдучи вернулся,
Передал угрозы хана.
Не сердившаяся сроду
Рассердилась Сыргачи,
И глаза ее, как звезды,
Загорелися от гнева.

Старика утешив ласково,
Хану передать велит:

— Хан совсем ума лишился!
Глупому ответ дай глупый —
Ты скажи ему, что щука
Из воды на берег вылезла,
И на поле жрет ячмень.
Хлеб мне надо караулить,
Отлучиться не могу я, —
Так ответишь хану глупому —
Все равно — не разберет!..

Телекпей, ответ услышав,
Привскочил чернее тучи,
Загремел грознее грома,
Как железо зазвенел:

— Видно, дочь твоя забылась,
Ханских слов моих ослушалась.

Пусть ко мне скорей приедет,
А не то — пошлю за ней.
Голову ей оторву, негодной,
И приделаю к ногам,
Ноги вырву злой девчонке,
Брошу возле головы!..

Поскакал Каамдучи испуганный...
Ехал день и ночь без устали
И, завидев дочку славную,
Все, что слышал — рассказал.

Сыргачи, малютка добрая,
Рассердилася на хана,
Задрожала вся от гнева,
Звездами глаза зажглись.

И пойти решила к хану.
Собралась в дорогу быстро,
Старика Каамдучи утешив,
На прощанье обласкала.

И, заткнув за пояс полы,
Шапку до бровей надвинув,
Выбрав пару круглых камешков,
Спрятала их на груди

И в далекий путь пустилась.
День и ночь идет малютка,
Над травой не возвышаясь,
Еле видная в лесу.

Хану слуги доложили,
Что малютка недалеко,
К устью той реки подходит,
Где на острове зеленом
Юрта ханская стоит...

Телекпей смеялся громко,
Сыргачи готовя встречу.
И с цепей спустил свирепых
Двух собак — Тангылов злых:

— Пусть ее Тангылы встретят —
Разорвут ее на клочья,
Будет для меня потеха,
А для псов моих еда!..

Вмиг до Сыргачи малютки
С лаем донеслись Тангылы
И вцепились в полы шубы,
На две стороны рванув.

Сыргачи не испугалась,
Из-за пазухи два камня
Быстро выхватив, разбила
Злым Тангылам черепа.

К хану Сыргачи явилась,
Смело в юрту ханскую шагнула
И, не поклонившись Телекпею,
Так она его спросила:

— Сыргачи зачем позвал ты?
Я еще мала летами,

Верным псам моим Тангылам
Камнем головы расшибла!

Над моим умом смеялась,
Называя хана бабой, —
Казнь какую ей придумать?
Как достойно наказать?

В деревянную колодку
Шею тонкую ее зажмите,
Чтоб она не задохнулась
И дышать бы не могла...
Тело тонкое в корзину
Из таловых прутьев суньте,
Чтоб в корзине не подохла
И не выросла б ни на вершок!..

Чтоб ее не грело солнце,
Чтобы свет луны не видела,
Яму глубиною в семьдесят
Саженей в долине выройте
И туда девчонку сбросьте,
Пусть-ка там живет она!..

Сыргачи, малютка добрая,
Зла не знавшая от роду,
Задрожала вся от гнева,
Звездами зажглись глаза.
Ростом хану по колено,
Как цветок на стебле тонком,
Перед ханом поднялась:

— Видно, мало конской крови,
Толстобрюхий, ты напился,

Видно, мало, ненасытный,
Погубил чужих ты жизней,
Видно, мало тебе, жадный,
Табунов и стад на пастбищах,
Если бедного лишаешь
Долгожданного коня...
Видно, мало, жадный, выпил
Слез людей, ни в чем невинных,
Если видеть муки хочут
Жадные твои глаза!

Маленькие мои руки,
Видно, крепче богатырских
Показались тебе, трусу!
Камешок, величиной с орешек,
У меня в руках, у маленькой,
Глыбой трусу показался.
Видно, чтобы постыдиться,
Нет у тебя лица, поганый!
Чтобы злость свою увидеть,
У тебя не стало глаз!..

Так сказала хану звонко
Сыргачи, малютка смелая,
Прозвенел, как колокольчик,
Гневный голосок ее.

Как цветок на тонком стебле,
Поднялася на носочки
Сыргачи, дрожа, как листик,
Хану плюнула в глаза!

Слуги хана Телекпея,
Силачи отменной силы,

Как пушинку подымая,
Потащили Сыргачи...

В деревянную колодку
Шею тоненькую сжали,
В прутья гибкие запутали
Тело тонкое ее.
На коней могучих сели,
Окружив стеной малютку,
На веревку привязали
И погнали впереди.

☆☆☆

Денильдей оделась в шубу
Лисью, черным шелком крытую,
Иноходца заседлала
В золоченое седло.

И, мешки набив подарками,
К хану гостевать поехала.
Вышли Денильдей навстречу
Шестьдесят богатырей,

В поводу вели коня ее,
Стремена в руках держали,
Из седла старуху сняли
К хану на руках внесли...

Ташаур вина поставив,
До земли поклон отвесив,
Сладким голосом сказала
Телекпею Денильдей:

— Хан великий, хан могучий,
Сладкого вина отведай,
Сыру сладкого попробуй,
От меня прими подарки...
Посылал гонца за мною,
Чтоб взяла я жеребенка.
За решенье справедливое
Я приехала благодарить...

Телекпей, собой довольный,
И лукавая старуха
Пир устроили богатый.
Пили сладкое вино,
Жеребенком любовались,
Старого Каамдучи ругали.
Много дней в юрте у хана
Пьяный хохот не стихал.

***

Слуги ханские неторопливо
Сыргачи ведут в долину,
Где трава мертва, деревья
Осыпают мертвый лист.

Сыргачи кругом взглянула:
Много мертвых тел в долине;
Черепа белеют всюду,
Кости белые лежат.

Кости ранее убитых,
Словно золото, желтеют.
Неистлевшие тела убитых
Птицы черные клюют.

Сыргачи идет и видит:
Конь, красавец пышногривый,
Серебристо-серой масти,
Не привязанный стоит.

Голову к земле склоняя,
Ржет печально конь могучий,
И копытом землю роет,
Гривой пышною трясет...

Рядом с ним его хозяин —
Богатырь, убитый ханом,
На земле лежит, и птицы
Выклевать глаза спешат...

— Сколько хан сгубил невинных,
Сколько чистой пролил крови!

Сыргачи сказала звонко,
Обратясь к богатырям:

— Вам, богатыри могучие,
Силачи отменной силы,
Не позор ли силой хвастать
Предо мною, малолетней?
Если есть средь вас мужчины —
Есть, где силою похвастать!
Если есть средь вас герои —
Есть, где меткость показать,
Есть недалеко долина,
Где маралы златорогие,
Как покорные ягнята,
Ждут таких богатырей!..

А в горах, совсем недальних,
Много птиц сереброкрылых,
Там и лук совсем не нужен:
Камнем птиц набьешь, сколь надо!..
Вот бы вам, богатыри, поехать
На охоте потягаться!
Вот бы вам, стрелки лихие,
Свою меткость показать!..

Слуги ханские, услышав,
Что сказала им малютка,
Меж собой переглянулись
И друг другу говорят:

— Если правду говорит девчонка —
Счастье попытать не худо б
И добычею богатой
Похвалиться перед ханом!..
В яму сбросить мы успеем
Эту дерзкую девчонку,
А маралов златорогих,
Соколов сереброкрылых
Нам недолго наловить...
Если ж Сыргачи обманет,
Быстро все сюда вернемся,
Разорвем ее на части,
Раскидаем по горам...

Сговорились меж собою
Слуги ханские и, бросив
Сыргачи среди долины,
Разделились пополам.

Словно вихрь, летят в долине
На своих конях горячих,
А другие, словно ветер,
Поскакали по горам...

Сыргачи, распутав прутья
И найдя траву зеленую,
Нарвала ее охапку,
К серому коню пошла.

Ржет печально конь могучий
Серебристо-серой масти,
Сыргачи к нему подходит —
Кормит сочною травой.

Сыргачи коня ласкала,
К кочке подведя, вскочила
И в седло большое села,
Слугам ханским вслед крича:

— Телекпею вы скажите:
Кровь, пролитую невинно,
Никогда он с рук не смоет,
Скоро сам злодей погибнет.

Слуги, крик ее услышав,
Враз коней оборотили.
Серый конь быстрее ветра
Вдоль долины поскакал...

Сколько стрел во след пустили,
Всех коней своих загнали
Слуги ханские, напрасно —
Не могли догнать малютку.

Сыргачи домой приехала
И Каамдучи печальный,
Дочку славную увидев,
Чуть от радости не умер.

Быстро свой аил сломали,
В глубь тайги откочевали
Сыргачи с отцом, подальше
От свирепых ханских глаз.

Как цветок, росла малютка
Под алтайским ясным солнцем,
Как цветок, расцветший летом
Расцвела ее краса.

О ее красе и силе —
Пели песни молодые,
О ее уме великом —
Старики сложили песни.

Литературный перевод *Александра Смердова.*

ЮСКУЗЕК

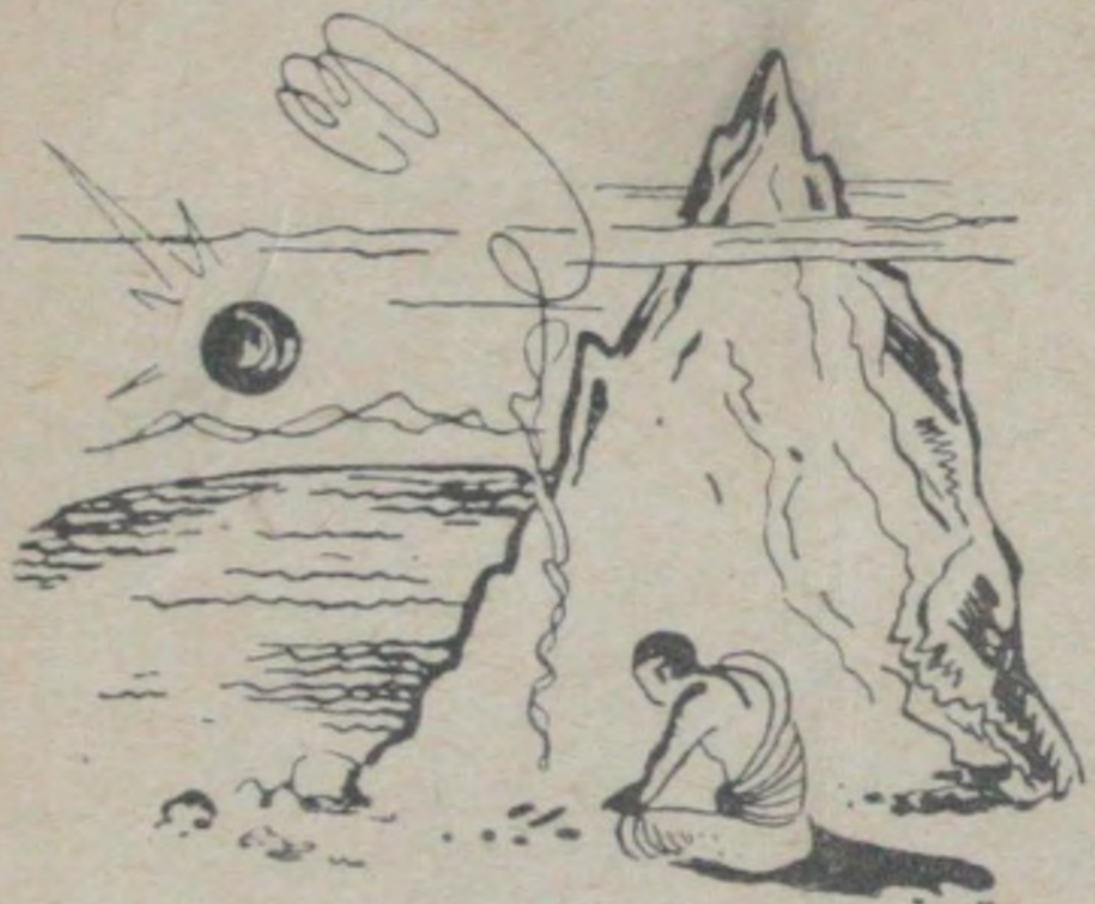

У подножия Белой высокой горы,
На поляне у Белого моря,
Не имея родного кормильца-отца,
И без матери, грудью вскормившей,
С чернобурой коровой и желтой козой,
С рыжим старым конем кривоногим,
С топором, у которого сломан носок,
В прокопченном дырявом аиле
Человек молодой — сирота-Юскузек
Жил в нужде оборванцем голодным.

— «Дорогой мой отец! Почему ты меня
Сиротой горемычным оставил?
Ты, вскормившая грудью, любимая мать,
Почему меня ласки лишила?
Рваной шубы два вытертые рукава
Мне подушку всегда заменяют[1].
Старой шубы две голых дырявых полы
Одеялом мне, бедному, служат.

Вот ощупал себя, — кроме пары ушей,
Ничего на себе не найду я.
Обернувшись, взглянул, — кроме тени своей
Ничего за собой не увидел.
Ах, когда же теперь я увижу людей,
Отца с матерью встречу ль теперь я?..»

Так нередко сидел у огня Юскузек,
На судьбу свою жалуясь горько.
И из черных — чернее смородины — глаз
Слезы крупные падали в пепел.

Как-то в утро туманное наш Юскузек
Из аила на улицу вышел.
Посмотрел на лужайку, на склоны горы,
Но коня своего не заметил.
Осмотрел всю долину, кусты и лога, —
Не нашел он любимого рыжки.
Сколько гор обошел, — нет лошадки нигде,
И усталый бредет Юскузек обратно.

Но у Белой горы, за веселым ручьем
Волчий след он заметил в траве высокой.
Было семь их—волков. Тут же рядом в траве
Виден след и любимого рыжки.
И сказал Юскузек:
— «Конь мой, верный мой конь,
Заменявший мне быстрые крылья!
Видно, хищные волки сожрали тебя,
И теперь, сирота бесталанный,
По горам я пешком буду шляться вовек,—
Где найду я такого же друга?»

Как-то вечером видит опять Юскузек —
Нету дома любимой буренки.
По горам и долинам бродил Юскузек,
Но нигде не нашел он коровы.
Шесть урочищ прошел, девять дней проискал, —
Не находит любимой буренки.
На десятый день видит: с высокой горы
Семь волков на долину спускались.

Вот они, на высокой траве их следы, —
Вот кто с'ел Юскузека буренку!..
И сказал Юскузек:
— «Если в птичьем гнезде
Остается яичко под осень, —
Все равно из него не дождешься птенца, —
Что за толк из меня-одиночки?
Все равно умирать!..»
И по волчьим следам
Юскузек-горемыка решился пойти.
Но на пик белоснежной высокой горы
Не сумел горемыка забраться.
И, имеющий сердце ребенка, назад
Он усталый в аил возвратился.
Изможденный упал к очагу и заснул
Долгим сном — одинокий и тощий.

Сколько спал Юскузек, — он не помнил, и вот
Посмотреть свою козу выходит,
Но козы не видать. И сказал Юскузек:
— «Знать, проклятые с'ели и козу!
Все равно — умереть ли от волчьих клыков.
Или смертью голодной погибнуть.
У меня ни отца и ни матери нет,
Ни козы, ни коня, ни коровы.
Кто оплачет меня? Кроме пары ушей,
Ничего на себе не найду я,
Обернувшись назад, кроме тени моей,
Ничего за собой не увижу...
Весь в слезах Юскузек взял широкий топор,
У которого сломан носок. За пояс

Он заткнул его. Бедный аил свой закрыв,
Прошептал, отправляясь в дорогу:
— «Ну, пока не найду я заклятых врагов,
Не разрушу жилищ их поганых, —
Не вернусь до тех пор!..»
Так сказал Юскузек.
И пошел на высокие горы.

Больше месяца шел Юскузек. Наконец,
На одну из вершин он забрался.
Но жилища волков не видать. Ослеплен
Щедрым солнцем на радостном небе,
Ярким блеском вершин снеговых, — Юскузек
Закрывает глаза и шагнуть не в силах.
Руки, ноги дрожат, но, чтоб сесть отдохнуть
Юскузек даже думать не хочет.
—«Нет! Пока не настигну коварных врагов,
Не просите об отдыхе, ноги!»
Вот идет он все выше... А путь все трудней.
И упал Юскузек, обессилев.
И очнувшись, он видит: лежит на камнях,
В страшной пропасти — темной, холодной.
И, уставив в далекое небо свой взор,
Тень родных призывает несчастный:
— «На руках меня в ласке вскормивший отец,
Почему не приходишь на помощь?
Ты, вскормившая грудью, любимая мать,
Почему не протянешь мне руку?
Я в бездонную пропасть свалился теперь,
Кто поможет мне выйти отсюда ?..»
Так стонал Юскузек, а над пропастью той

Птица Кан-Керэдэ пролетала.
И услышала вещая птица мольбу
Юскузека, лежащего в бездне.
Сердце круглое птицы-богатыря
От стенаний несчастного сжалось.

— «Чье бы ни было это дитя — все равно —
Кровь-то красная в нем, как и наша.
От мучительной смерти его я спасу,
Может, будет и мне он полезен...»
И, сложив богатырские крылья, с небес
В пропасть Кан-Керэдэ опустилась.

Отдышавшись, увидел бедняк Юскузек,
Что лежит на горе поднебесной,
Возле каменной глыбы, что мхом обросла,
Близ жилища волков кровожадных.
Волки скалят клыки, а в горящих глазах
Кровожадная хищность и ярость.

Свой топор с иззубренным носком Юскузек
Из-за пояса вынуть боится.
Он стоит неподвижен и думает так:
— «Будь семь братьев у бедного Юскузека
Или семь закадычных друзей, — мы тогда
Победили б волков кровожадных,
Что же сделаю я — одинокий?..»
Вот так
Думал наш Юскузек и не знал он,
Как спастись от волков: побеги — разорвут,
И на месте стоять — будешь с'еден.
— «Будь, что будет. Пойду в наступленье... Кому
Пожалеть сироту-Юскузека?
У меня ни отца и ни матери нет,
Ни сестер и ни братьев отважных,
Кто оплачет меня?»
И широкий топор
Юскузек из-за пояса вынул.
Засучив рукава, обезумевший, он
На волков кровожадных бросается.

Вот опомнился наш Юскузек. Поглядел.
И понять ничего он не может.
Волки что-то хлопочут над ним. Повели
Его под руки — бережно, нежно.
Вот заводят в жилище свое и постель
Расстилают из белого шелка.
Ставят разные блюда на стол золотой...
Сколько разной еды — загляденье!..
— «Кушай, гость дорогой! Угощайся любым
Нашим кушаньем сладким... А после

Отдыхай на постели. Не бойся...»
Вот так
Семь волков говорят Юскузеку,
Суетятся, не сядут на место...
Бедняк
Не поймет — наяву это все, во сне ли?
Вот голодный, усталый, он робко берет
Пищу вкусную с блюд драгоценных.
И, наевшись, ложится в постель Юскузек,
Еле дышит от пищи обильной.
Тут подходят хозяева-волки к нему,
Говорят дружелюбно: — «Пришедший
Отомстить нам, на нас не сердись, Юскузек.
Знай, что рыжий твой конь ожиревший
Жив, здоров и пасется на тучном лугу,
Ты, пришедший убить нас, узнай же,
Что коза и корова твои на лугу
Потучневшие, гладкие бродят.
Если хочешь, сейчас же тебе показать
И вернуть их немедленно можем.
Мы покажем тебе наш цветущий Алтай[2],
Ты тогда согласишься, чтоб вечно
Пасся скот твой на наших богатых лугах,
Может, сам ты здесь жить пожелаешь...»
— «Нет, пока не увижу глазами, — вовек
Не поверю я этим рассказам...»
Так решил Юскузек и с постели встает,
За волками идет из берлоги.

Что он видит? С могучих деревьев листва
И хвоя не спадают вовеки.

Всюду птицы веселые песни поют, —
Красота, — не расскажешь и в песне!..
Долго ходит, любуется наш Юскузек.
Чудеса! Настоящая сказка!..
И внимая чудесному пению птиц,
Думал так Юскузек удивленный:
— «Если б этот чудесный Алтай был моим,
Я бы жил здесь счастливым, свободным.
Я бы слушал прекрасное пение птиц
С увлечением, с радостью детской».
Видит: конь его рыжий в большом табуне
Ходит гладкий, блестящий, заплывший жиром.
С полным выменем сладкого молока
Ходит здесь в табуне и буренка.
С желтой шерстью единственная коза
В стаде коз на весёлом лугу пасется.
Потучнели корова с козой — не узнать!..
Волки так говорят Юскузеку:
— «Если хочешь ты скот свой к аилу угнать, —
Можешь гнать, мы его не задержим.
Ну, а, может, ты хочешь, чтоб скот твой гулял
Здесь, на пастбищах наших богатых,
То оставь, будет цел и здоров», — говорят
Волки так удивленному Юскузеку.
И сказал Юскузек им: — «Скоту моему,
Вижу, здешняя жизнь полюбилась.
Для меня-сироты, вижу, эти места
Будут родиной, радостным домом.
У меня ни отца и ни матери нет, —
Что стремиться мне в наши долины?
Не жалеете пастбищ скоту моему
И меня вы приняли, как друга.

Приютите, оставьте, я рад погостить
И домой торопиться не стану...»
Улыбаются волки. Довольны они,
Что пришелец их правильно понял...

Долго, коротко ль побыл в гостях Юскузек,
Но домой уходить все же надо.
Перед тем, как уйти, долго думает он —
Что с собой ему взять бы отсюда?
— «Может, взять себе хочешь семь рыжих коней?
Может, шуб тебе надо хороших?
Может, семь пар овец?.. Облюбуй и скажи»... —
Семь волков говорят Юскузеку.
Закололи барана. В большом казане
Мяса жирного вмиг наварили.
Словно белыми тучами, было вокруг
Мясо сладкое жиром покрыто.
Волки бережно под руки гостя берут
И заводят в большую берлогу.
Красным шелком украшены стены ее,
На кроватях богатых — медвежьи шкуры,
Густошерстные, черные... А в головах
Дорогие бобровые шкуры.
— «Выбирай, — говорят, — что захочешь. Не жаль
Ни мехов, ни вещей драгоценных».
Всё осматривал наш Юскузек, и глаза
Разболелись... Вдруг видит щенка он.
Желтошерстный, смешной, неуклюжий щенок
Юскузеку понравился очень.
И сказал он волкам:
— «Не ходил мой отец

В пышных шубах, в богатых нарядах,
Ни мехов мне не надо, ни блюд золотых,
Шуб бобровых нарядных не надо.
Ни овец, ни коров крутороги́х.
Подарите щенка желтошерстного мне.
Вам он, верно, не нужен. Отдайте.
Пусть он будет со мной. Пускай сироте
Будет другом надежным и верным».
Так сказал Юскузек и глядит по стенам,
Ожидая ответа хозяев.
А у тех изменяются лица. Они,
Погрустнев, отвернулись от Юскузека.
Незаметно смахнули слезинки... Видать, —
Жалко им со щенком расставаться.
Повернулись потом к Юскузеку и так
Говорят, улыбаясь сквозь слезы:
— «Что ж, бери... Нам для доброго друга не жаль.
Обещали мы дать — что запросишь...»
Так бормочут хозяева... Видно, что им
Очень жаль отдавать собачонка.
Но нельзя отказать...
Далеко, далеко
Проводили они Юскузека.

Вот идет Юскузек и ведет за собой
На аркане щенка небольшого.
Вот подножие Белой высокой горы,
Рядом плещется Белое море.
Через травы, овраги, хребты и ручьи
В свой аил Юскузек поспешает.
— «Одинокий, но все же в аиле родном

Буду жить я в знакомой долине...»
Так шептал Юскузек и домой поспешал
С похудавшим щенком желтошерстным.
Шел он день, шел другой. Пищи скудный запас
У него иссякать начинает.
Помрачнел Юскузек и подумал: — «Зачем
Брал я дохлую собаку!

Лучше взять бы семь рыжих коней да овец,
Взять бы мяса, толкана[3] и соли...»
Так шагает вперед наш герой, волоча
На аркане щенка-замухрышку.
Шел он, шел... Задрожали колени его,
И упал Юскузек, обессилев.
Полежал на траве... Отдышался... Схватил
Свой топор, на щенка замахнулся.
А глупышка приветливо машет хвостом,
Ноги лижет, доверчиво смотрит.
Задрожала рука... Пожалел Юскузек
Неповинную тварь... Не ударил.
Бросил наземь топор и погладил щенка,
Прошептав: — «Эх, и глупый я, глупый!..
Чем повинен он? Пищи моей ведь не с'ел,

Моей силы не взял он, несчастный.
Нет, уж вместе пойдем. Может, вместе умрем,
Может, радость нас встретит обоих».
После этого лег Юскузек и, обняв
Желтошерстного спутника, растянулся
На зеленой траве. Через миг захрапел,
Позабыв обо всем на свете...
А когда молодая зарделась заря,
Юскузек пробудился и видит:
На серебряных блюдах стоит перед ним
Пища вкусная, сладкая... — «Это откуда ж?...»
Нет ни конного следа вблизи. Не видать
На траве и следов пешехода.
Юскузеку, однако, не время гадать,
Он на пищу бросается жадно.
Накормил и щенка, и веселый опять
Пошагал, даже песню мурлычет.
Вот к родному аилу пришел сирота,
Высек искру огнивом и быстро
Распалил в очаге многорукий огонь,
Чай сварил в котелке закопченом.
Лег к огню и задумался снова о том,
О чем думал уже не однажды:
— «Как найти бы в долине соседей ему?
Может, где-нибудь есть и родные?»
Отдохнув, порешил на охоту пойти,
Чтоб промыслить себе пропитанье.
Взял он стрелы и лук, а собаку свою
Привязал на веревку в аиле.
Долго, долго ходил по горам Юскузек, —
Ни единого зверя не встретил.
В Белом море рыбачил он, — не повезло,

Ни единой не выловил рыбы.
Похудевший, голодный шагает в аил,
Горько думает: — «Ах, сирота я!..
Будь бы старая мать или старый отец, —
Был бы ласково встречен я ими».
— «А, — сказали бы, — сын наш любимый пришел, —
Отогрейся, покушай скорее!» —
«Ну, кому же я нужен? Лохматый щенок,
Может, с голоду сдох там в аиле.
Так и я — сирота одинокий — умру.
Кто оплачет меня?.. Похоронит?..»
Так шептал Юскузек — побледневший, худой, —
Опускаясь в родную долину.
И из черных — чернее смородины — глаз
Слезы крупные падали градом.
Вот в аил распахнул он тяжелую дверь
И стоит удивленный, глазам не веря:
На столе золотом разной пищи гора.
И очаг не потух... Что такое?
Не иначе — щенок это делает так.
Вот те на. Чудеса! Наваждение!..
Напитавшись обильной и вкусной едой,
Сладким сном Юскузек засыпает.

А на утро опять, взяв и стрелы и лук,
Юскузек из аила уходит.
Но идет он не в горы. На птиц и зверей
Он охотиться нынче не будет.
Нет, сегодня решил подсмотреть Юскузек —
Как вести себя будет щененок.

Может, это не пес, а Алмыс-Дилимис[4],
Ну-ка, я подсмотрю, разузнаю.
Отойдя от аила, за старым пеньком
Юскузек притаился и смотрит.
(А в стене-то аила имеется щель).
Ну, лежит Юскузек, затаившись.

Вдруг из щели аила блеснули лучи,
Дверь тяжелая скрипнула, — вышла
Из аила девица чудесной красы:
Краше месяца, солнца яснее!..
Обошла она бедный аил. Подняла
Руки... Щеки погладила... Снова
Внутрь аила вошла — вся в сиянье, в лучах...
Онемел Юскузек, пораженный.
Приподнялся и думает: — «Вот чудеса!
Ну, девица, тебя я поймаю!»
И, дырявые полы за пояс заткнув,
Словно вихрь, он в аил залетает.
Что же видит: с ведерком девица стоит
И валяется шкура щенячья.

Растерялась девица, не знает — как быть,
И лицо закрывает руками.
Обезумевший падает наш Юскузек
На колени пред чудо-девицей:
— «Свет очей моих! Сердца горячего кровь!
Ты послушай меня, золотая!
Вижу: мы рождены, чтобы вместе быть век.
Для чего же ты в шкуру щенячью
Красоту укрывала свою? Для чего
Обращалась щенком желтошерстным?..»
Так сказал Юскузек и услышал в ответ:
— «Дорогой мой! Не стой на коленях!
Коли так, то узнай мою тайну. Тебе
Расскажу, ничего не скрывая:

У могучего храброго богатыря
Дер-Кезера была я любимой
И единственной дочкой. Была я сестрой
Семерых своих братьев любимых,
Жили счастливо, дружно и весело мы,
Вдруг пришла в нашу землю война большая.
Шестьдесят лет с врагами отец воевал
И с конем своим рыже-чубарым
У подножия Белой высокой горы
Был убит наш родитель в бою неравном.
Чтоб врагу не поддаться, семь братьев моих
Обратились в волков, а сестра их —
Дер-Кезера могучего нежная дочь —
Стала желтым щенком неуклюжим».
Так девица поведала тайну свою
И с колен подняла Юскузека.

— «Дорогая моя! — говорит сирота,
Встав с колен перед красной девицей. —
Звери шерстью покрыты, а птицы пером[5],—
Человек же имеет имя.
Я хотел бы услышать как мать и отец
Называли тебя, золотая?»
Так красавице нежно сказал Юскузек
(Его круглое сердце любовью горело).
Отвечает девица: — «Ну, что же, узнай,
Как меня называли когда-то:
Дер-Кезера любимая дочь, свет очей,
Сердце, кровь, радость жизни, отрада.
А по имени звали —Алтын-Чачак[6].
Конь мой верный был светло-соловым».
Так ответила девушка и к сироте
Обращается также с вопросом:
— «А тебя как зовут? Кто родные твои?»
Юскузек отвечает печально:
— «У меня ни отца и ни матери нет,
Ни сестер и ни братьев отважных.
Вот ощупал себя, — кроме пары ушей
Ничего на себе не найду я.
Обернувшись, взгляну, — кроме тени моей,
Ничего за собой не увижу.
Кроме этого, нет у меня ничего.
Называюсь же я — Юскузеком».
Так сказал Юскузек и к девице с мольбой
Обращается он: — «Золотая!
Будь ты вместе со мною отныне на век,
Будь товарищем, другом, женою.
Будем жить, чтоб нужда и беда пополам,
Пополам чтоб и радость, и счастье!..»

Так вот встретились горькие две сироты,
Стали жить они счастливо вместе.

Жеребец, у которого шесть длинных кос
В гриве пышной и черной, как туча,
Жеребец, что водил шестьдесят табунов,
С табуном кобылиц потерялся.
По Алтаю разыскивать этот табун
По горам, по лугам и ущельям
На могучем, на чёрно-мухортом коне
Сам Караты-Кан выехал грозный.
Вот об'ехал Алтай он шесть раз и нигде
Не видать табуна. Вот всю землю
Он об'ехал семь раз, — нет нигде лошадей...
На высокую гору заехал.
Поглядел с высоты. У подножья горы,
Возле самого Белого моря,
Видит крышу аила... Как мозг спинной
Узкой лентой дымок вылетает.

Виден в щели аила чудесный свет.
— «Чей же это шалаш там?» — подумал
Богатырь — «Почему же он светится так?
Не горит ли? Под'еду поближе...»
Вот помчался к аилу злой Караты-Кан
И, под'ехав, кричит громогласно:
— «Эй, хозяин! Проснись! Погляди — твой аил...
Загорелся!..» От крика такого
Задрожала земля, закачались леса,
Взволновалось могучее море.
И от крика такого, не помня себя,
Юскузек выбегает с женою.
Вот и видят: на чёрно-мухортом коне
В черной шелковой шубе и в черной шапке,
В сапогах из сафьяна — Караты-Кан
Страшный, черный и звероподобный.
Задрожал Юскузек, будто жилы в ногах
Порвались... Побледнел и не в силах
Слова вымолвить, будто отнялся язык.
И жена, словно лист, задрожала.
А незванному гостю Алтын-Чачак
Полюбилась с единого взгляда.
Побледнела она, вся дрожит, на щеках,
Как заря, полыхает румянец.
Ярче месяца и светлей
Солнца кудри ее золотые.
И, ни слова не вымолвив, Караты-Кан
Дернул повод коня... Словно буря,
Улетел от аила за горный хребет
На коне своем чёрно-мухортом.

Хан приехал домой. Словно зверь зарычал
На раба Итбашту-Тенек-Ула[7]:
— «Эй, ты! Встань предо мной! Слушай
слово мое!
Тварь несчастная! Где запропал ты?..»
От звериного рыка дворец задрожал,
Мигом раб перед ханом явился.
На колени встает. Смотрит в землю... Дрожит...
Хан из белой сумы вынимает
Книгу белую, пишет большое письмо,
Посылает с рабом Юскузеку.
Хан писал:
— «Ты письмо мое с толком читай,
Если хочешь быть ханом великим,
Хочешь стать богачом, человеком большим,
То вступи ты со мной в состязанье:
Спрячься трижды, а я тебя буду искать,
После буду я прятаться трижды.
Если ты меня трижды отыщешь, тогда
Весь народ мой многоязыкий
Будет поддан тебе. Все мои табуны
Многочисленные, как травы,
Будут также твоими навек... Если я
Разыщу тебя трижды, — за это
Не владеющий даже и старым конем,
Не имеющий дохлой собаки,
Ты отдашь мне свою молодую жену,
С нею ты распростишься навеки.
Понял? Через три ночи и через три дня
Я приеду искать тебя, — спрячься».
Вот такую самара-бичик[8] написал
Грозный хан и с рабом посылает.

Темной ночью без сна и без отдыха днем
Скачет раб к сироте-Юскузеку.
Вот приехал и видит: у Белой горы,
На поляне у Белого моря
Черный дряхлый аил. Словно мозг спинной,
Узкой лентой дымок вылетает.
Раб заходит в аил и, жену увидав,
Позабыл, для чего он приехал.
Обалдевший, до вечера раб просидел,
Лишь потом, когда небо большое
Загорелось огнями бесчисленных звезд,
Вспомнил раб о письме Юскузеку.
(В это время уснула Алтын-Чачак).
Подал грамоту раб и уехал.
Юскузек не умеет читать[9]. Он жену
Будит нежно и ласково просит:
— «Дорогая моя! Прочитай-ка письмо.
Нам на радость оно иль на горе?
Прочитай, ничего от меня не таи!»
Так жену Юскузек умоляет.
Вот берет ту бумагу Алтын-Чачак,
Говорит Юскузеку: — «Ну, слушай.
Пишет хан:
«Ты письмо мое с толком читай...
Если хочешь быть ханом великим,
Хочешь стать богачом, человеком большим,
То вступи ты со мной в состязанье.
Спрячься трижды, а я тебя буду искать,
После я буду прятаться трижды.
Если ты меня трижды отыщешь, — тогда
Весь народ мой многоязыкий
Будет поддан тебе. Все мои табуны

Многочисленные, как травы,
Будут также твоими навек. Если я
Отыщу тебя трижды, — за это
Не владеющий даже и старым конем,
Не имеющий дохлой собаки,
Ты отдашь мне свою молодую жену,
С нею ты распростишься навеки.
Понял? Через три ночи и через три дня
Я приеду искать тебя, — спрячься».
— «Вот какое письмо грозный хан написал.
Понял?» — молвит жена Юскузеку.
Сирота от такого письма еле жив, —
Что тут делать? — не может придумать.
Шепчет бедный: — «Великий тот хан покорил
Все народы Алтая. Куда мне
С ним тягаться?.. Прощай, дорогая жена!
Нашу дружбу, любовь золотую
Хан проклятый разрубит поганым мечом...
Ах, зачем, сирота неразумный,
Брал тебя я? Уж лучше бы семь лошадей,
Шубы теплые взял я у братьев.
Что ж, простимся, родная... А прятаться я
Уж не буду совсем, — бесполезно».
Так шептал Юскузек, руку правую жал
У жены своей... Та возражает:
— «Нет, мой муж дорогой! И под шубой плохой
Может быть иногда молодец отважный.
Добрый конь может быть и под старым седлом...
Что же хана так сильно бояться?
Лучше надо подумать над тем, как его
Обмануть-провести, победить бы...»

Пролетели три дня и три ночи. И вот
Слышен топот, земля задрожала.
Это значит — на чёрно-мухортом коне
Злой Караты-Кан скачет к аилу,
Где сидит Юскузек, от испуга чуть жив,
Почернел, как чугун закопченый...
Слышен кашель злодея и лошади храп...
— «Ну, куда же ты спрячешься, милый?»
Говорит Юскузеку Алтын-Чачак....
Сирота отвечает: — «Под нары залезу...»
— «Ох, какой ты!..» — жена говорит и берет
Юскузека и, вмиг перебросив
С руки на руку, словно бы ниток моток
Или кожи клочок, — обращает
В золотое кольцо и, на палец надев,
К очагу на обрубок садится.
Входит хан. Начинает в аиле искать.
Все обшарил и возле аила.
Нет нигде Юскузека... Злой Караты-Кан
Сел вспотевший, усталый, сердитый.
Прохрипел тяжело: — «Где же ты, Юскузек?
Отзывайся! Искать я не в силах!..»
В это время жена Юскузека кольцо,
С пальца сняв, незаметно бросает
К ближней коновязи... И вот
Слышит хан — Юскузек отозвался.
— «Вот я здесь! Плохо ищите, мой дорогой!» —
Говорит Юскузек, усмехаясь.
Опечаленный хан уезжает домой,
Чтобы спрятаться от Юскузека.
Говорит Юскузеку жена: — «Где же ты
Будешь хана искать? Что надумал?

Как ты думаешь выиграть спор большой,
Чтобы стать победителем хана?..»
Говорит Юскузек: — «Дорогая жена!
Ничего я пока не придумал.
Если будет у ханской жены на руке
Золотое кольцо, тут и будет
Хан проклятый. Возьму я кольцо и тогда
Будет выигран спор...» — «Ах, чудак ты!» —
Говорит Юскузеку жена. — «Дорогóй!
Все не так-то уж просто!.. Запомни:
Как войдешь во дворец, то в переднем углу
Ты увидишь огромные сумы.
А в одной из сумин будут рядом лежать
Три напильника... Ты возьми средний,
Отойди, о железный треножник[10] потри, —
Превратится напильник в Караты-Кана...»
Так учила беднягу Алтын-Чачак,
Собирая в дорогу большую.

Долго-долго шагал Юскузек. Наконец,
Увидал он дворец преогромный.
Вот в большие ворота вошел. Во дворец
Входит с робостью. Смотрит повсюду.
Десять раз обошел весь дворец. Увидал
Три большие сумины в углу переднем.
Взял он средний напильник. Потер о треножник,
Крик услышал: «Не три, проклятущий!
Всю мне спину обжег!..»
И напильник тот вдруг
Превращается в Караты-Кана...
Первый выигран спор. И спешит Юскузек
В свой аил, чтобы спрятаться снова.
— «Ну, нашел?» — говорит Юскузеку жена,
У дверей его встретив с улыбкой.
— «А теперь от проклятого хана куда,
Муженёк мой, укрыться надумал?»
— «Да не знаю», — бормочет в ответ Юскузек,—
«Не придумал еще. В уголке я
Или в сучьях вблизи казана где-нибудь
Постараюсь укрыться от хана».
Время быстро летит. Вот уже и опять
Слышен топот, земля задрожала.
Это снова на черно-мухортом коне
Злой Караты-Кан скачет к аилу.
— «Ну, куда же, куда же укроюсь-то я?»
Юскузек, чуть не плача, бормочет.
Слышен кашель злодея и лошади храп,
А бедняжка еще не укрылся.
Весь аил обошел и никак не найдет
Безопасного места... Заплакал...
А злодей уж под'ехал. Алтын-Чачак

Юскузека схватила и мигом
Превратила в наперсток, надела его
И с шитьем на обрубок уселась.
И приехавший утром, злой Караты-Кан
Целый день проискал Юскузека.
Шестьдесят раз обшарил аил. Перерыл
Даже золу огнища, заглядывал в щели,
Нет нигде Юскузека. Усталый злодей
Сел у двери и, пот отирая,
Говорит: «Отзывайся, не буду искать.
Где же ты?..»
А жена в это время
Положила наперсток и вот, Юскузек
Отзывается Караты-Кану:
— «Плохо ищете, хан! Я сижу близ жены!»
Говорит сирота, усмехаясь...
Проигравший вторично, злой Караты-Кан
Разозленный, как чорт, уезжает,
Чтобы спрятаться снова. Алтын-Чачак
Говорит Юскузеку:
— «Ну, где же,
Дорогой мой, намерен ты хана искать,
Чтобы выиграть спор этот трудный?»
Отвечает ей муж:
— «Что ж, я снова возьму
Тот напильник, потру о железо
И опять закричит перепуганный хан», —
Говорит Юскузек, улыбаясь.
— «Ах, какой ты чудак!» — возражает жена, —
«Все не так-то уж просто... Запомни:
Когда в белый огромный дворец ты войдешь,
Осмотри все старательно, зорко.

На мужской половине дворца, на крючке
Будут два одинаковых лука.
Но один поновее чуть-чуть. Вот его
Ты возьми и скажи: — «Экий славный
Лук!» К колену сильнее прижми
И натягивай... Это и будет
Злой Караты-Кан...» Так поучала жена
Юскузека. И в путь проводила.

Долго-долго шагал Юскузек. Ввечеру
Увидал он дворец преогромный.
Вот в большие ворота вошел. Во дворец
Входит с робостью. Смотрит повсюду.
Десять раз обошел весь дворец. Обошел
Двадцать раз огневище большое.
Хана нет. Засмотревшись богатым дворцом,
Юскузек позабыл о наказе,
Что давала жена ему. Сел отдохнуть.
И тогда на мужской половине
Он заметил два лука и вспомнил наказ,
Что жена дорогая давала.
Вот подходит к стене и снимает с крючка
Лук, который новее... К колену
Прижимает... Натягивать начал... И вдруг
Слышит окрик проклятого хана:
— «Ой!.. Да что же ты это, собака?! Сдурел!!
Поломаешь мне спину!» И сразу
Лук красивый, висевший на белой стене,
Превращается в Караты-Кана.

После новой победы пришел Юскузек
В свой аил — ободренный, счастливый.
— «Ну, мой муж дорогой, а куда же теперь
Ты от хана укрыться надумал?» —
Говорит Юскузеку Алтын-Чачак.
Юскузек отвечает: — «Не знаю.
Где-нибудь за дровами, у казана
Или там, за суминой укроюсь...»
Время быстро летит. Вот уже и опять
Слышен топот, земля задрожала.
Это снова на черно-мухортом коне
Злой Караты-Кан скачет к аилу.
— «Ну, куда же, куда я укроюсь теперь?» —
Юскузек, чуть не плача, бормочет.
Слышен кашель злодея и лошади храп,
Юскузек же еще не укрылся.
По аилу он мечется и не найдет
Безопасного места... Заплакал...
А злодей-то под'ехал... Алтын-Чачак
Юскузека схватила и мигом

Превратила в прихватки для казана,
Сажей смазала, бросила в угол.
А приехавший утром Караты-Кан
Целый день проискал Юскузека.
Шестьдесят раз аил обошел, перерыл
Даже золу, заглядывал в щели...
Нет нигде Юскузека... Уставший злодей
Сел и, жирный свой пот отирая,
Говорит: «Отзывайся... Не буду искать.
Где же ты?» А жена в это время
Шевельнула прихватки, и вот, Юскузек
Отзывается Караты-Кану.
— «Плохо ищите, хан! Я сижу здесь в углу!» —
Говорит Юскузек, улыбаясь...
Проигравший и в третий раз, — Караты-Кан
Злой, как дьявол, домой уезжает,
Чтобы спрятаться снова... Алтын-Чачак
Говорит Юскузеку: — «Ну, где же,
Дорогой мой, намерен ты хана искать,
Чтобы выиграть спор этот трудный?»
Говорит Юскузек: — «Тот же самый лук
Натяну я опять...» — «Ах, чудак ты!» —
Восклицает жена — «Лук вчерашний искать
Бесполезно, мой милый. Запомни!
Хана нынче в дворце не ищи. Из дворца
Выходи ты во двор. Там увидишь
Три березы. Топор поострее возьми,
Подойди ты ко средней березе,
Приготовясь рубить ее... Караты-Кан
Завопит и об'явится сразу...»
Юскузека вот так поучала жена,
В путь-дорогу его собирая.

Долго-долго шагал Юскузек. Наконец
Увидал он дворец преогромный.
Вот в большие ворота вошел. Во дворец
Входит с робостью. Смотрит повсюду.
Десять раз обошел весь дворец. Двадцать раз
Обошел огневище большое.
Хана нет. Засмотревшись богатым дворцом,
Юскузек позабыл о наказе,
Что давала жена ему. Грустный во двор
Из дворца он выходит и тут-то
Увидал три березы. Широкий топор
Из-за пояса вынул и замахнулся
На березу в средине... Послышался крик:
— «Ой, да что ты! Сбесился, собака!
Ты меня перерубишь, со свету сживешь!
Чтоб ты сдох, непутевый!..» И сразу
Молодая березка с зеленой листвой
Превращается в Караты-Кана.

Спор проигран злодеем... но по добру
Хан проклятый сдаваться не хочет.
— «Это значит, что скот свой, который нельзя
Перечислить по масти, и многоязыкий
Мой народ Юскузеку я должен отдать?..
Нет! Дешевле его уничтожить!..»
Так подумал злодей и, как гром, загремел,
Зазвенел, как железо: — «А ну-ка, слушай!
Через три дня я буду в гостях у тебя,
Приготовься для встречи. В аиле
Золотые ковры расстели. Приготовь
Пищу вкусную. Сделай побольше
Араки из бычачьего молока,
Чтоб была она пьяной и сладкой.
А не сделаешь так, — я расправлюсь с тобой...»
Так наказывал хан Юскузеку.
И бедняжка печальный шагает домой,
Шепчет: — «Значит, теперь я погибну...»
Входит грустный в аил свой. Алтын-Чачак
Говорит ему: — «Чем, дорогой мой,
Опечален? О чем ты грустишь, — расскажи!
Может, хан тебя снова обидел?»
Юскузек отвечает: — «Проклятый тот хан
Не сумел обмануть меня в споре.
Разозленный теперь, чтоб меня извести,
Через три дня велел приготовить
Араку из бычачьего молока.
И аил золотыми коврами
Разукрасить!.. Теперь я погиб... И тебя,
Золотую мою, хан проклятый
Увезет в свой дворец... Что мне делать теперь?»
Так шептал Юскузек, чуть не плача.

— «Не горюй, муженек мой! Уж что-нибудь мы
Вновь придумаем... Дикого хана
Проведем... Постелю я помягче постель,
Завяжу тебе голову. И на постели
Ты лежи, как больной. Я уж буду сама
С грозным ханом вести разговоры».
Так сказала бедняжке Алтын-Чачак,
Уложила в постель, как больного,
Из аила ушла, близ дороги легла,
Поджидает злодея Караты-Кана...
Слышен топот тяжелый. Злой Караты-Кан
На коне своем чёрно-мухортом
В черной шапке, в сафьяновых сапогах
Едет, важно в седле развалившись.
Вздыбил конь, испугавшись Алтын-Чачак.
Хан едва удержался, рычит сердито:
— «Что ты пугалом возле дороги сидишь
Да проезжих пугаешь?..» — «Могучий
Повелитель наш!.. Мой муженек Юскузек
Разрешился сегодня вдруг сыном.
Я же здесь собираю траву ойнгот,
Чтоб укутать ребеночка...»
— «Дура!..
С'ешь ты голову своего отца![11]
Насмешила... Да где ж так бывало,
Чтоб рожали мужчины?!..» — «Могучий наш хан,
Правду молвить изволили... Не родится
От мужчины ребенок. Но как же тогда
Повеление ваше исполнить:
Приготовить из бычьего молока
Араки, — как велели вы мужу?..»
Так ответила хану Алтын-Чачак,

А сама улыбается... Хан свирепый
Не сумел ей ответить. Назад повернул.
На коне своем чёрно-мухортом
Ускакал разозлённый... Свой скот и народ
Юскузеку отдать не хотел он.
Возвратился в дворец свой. Письмо написал
И раба Итбашту-Тенек-Ула
Призывает: — «Несчастная тварь! Поскорей
Отправляйся с письмом к Юскузеку!..»
Темной ночью без сна и без отдыха днем
Скачет раб к сироте-Юскузеку.
Вот приехал... Заходит в аил... Отдает
Новый ханский приказ... И жена читает:
— «Далеко, там, где сходится небо с землей,
Возле самого синего моря,
Вырос тополь. На тополе этом гнездо, —
Друг мой Кан-Керэдэ проживает,
Другу этому в прошлые годы, давно
Подарил я яйцо золотое.
А сейчас, когда гибнет мой скот и народ
Погибает от голода, — надо
Мне вернуть то яйцо. С ним вернется в Алтай
Жизнь счастливая, светлая... Кто же,
Как не ты, мне сумеет его возвратить?
Только ты... Отправляйся скорее!..
Ну, а если не выполнишь этот наказ, —
Уничтожу!..»
От Караты-Кана
Вот такое письмо получил Юскузек.
Опечалился сильно. Не знает,
Как сумеет он выполнить строгий наказ.
Но жена говорит ему: — «Милый!

Не печалься. Мы выход сумеем найти
И проклятого Караты-Кана
Лишний раз мы во лжи уличим. Не горюй...»
Говорила жена Юскузеку.
Подала ему шелковых ниток клубок
И сказала: «Запомни, мой милый:
Куда будет катиться клубок, вот туда
И шагай поскорее... У моря

Будет тополь могучий. К нему подойди
И увидишь трехглавого змея.
Змея ты уничтожь и получишь яйцо...
До свиданья, мой милый... Запомнил?..»
Так учила бедняжку Алтын-Чачак...
Обнялись они, в правые щеки
Целовались. — «Через тридцать три года
Возвращусь я... Прощай... Не грусти...»
И пошел
За клубком своим к сердцу Алтая.

Вот идет Юскузек за клубком день и ночь
Ослабел. Натрудил свои ноги.

Перешел через горы, долины, леса,
Через речки, ручьи и болота.
Шел он в зимние дни сквозь буран и снега,
Шел он летом в жару и ненастье.
Вот и в сердце Алтая бедняк Юскузек,
Там, где сходится небо с землею.
На высокую гору усталый зашел,
Видит — море большое синеет.
А у самого синего моря стоит
Тополь толстый, большой, многорукий.
У его корневища на солнышке спит
Змей трехглавый — лоснящийся, жирный[12].
— «Но до этого дуба, — шептал Юскузек, —
Мне итти еще с месяц, не меньше,
Как пойду я усталый?.. И как мне застать
Спящим змея Алмыса, чтоб легче
Уничтожить?..» Так думает наш Юскузек,
Собирает последние силы
И шагает. Каленые стрелы и лук
Приготовил... Дорогу большую,
Ту, что надо бы в месяц, не раньше, пройти,

Он проходит в три дня. В это время
Змей поганый проснулся... И вот Юскузек
Натянул тетиву... И стрела полетела...:
Угодила поганому змею туда,
Где сходились три шеи. И сразу
Отрубила все три головы!.. Змей подох,
И на дереве радостно встрепенулись,
Замахали крылами, аж ветер подул, —
Два детеныша Кан-Керэдэ... Юскузеку
Говорят они: — «Нас, погибавших,
Ты опять оживил. Кто ты будешь, — скажи?
Залезай к нам в гнездо, не робея...»
Юскузек им ответил: — «Сюда я пришел
Поневоле, я послан насильно.
Если красную кровь не прольете мою,
Душу тонкую, волоса тоньше,
Не убьете, тогда только я покажусь», —
Юскузек отвечает, дрожа от страха.
— «Что ты, что ты, — за что нам тебя обижать?
Лезь!..» И старший птенец опускает
Свои крылья к земле, и по ним Юскузек
Залезает на тополь могучий.[13]
Мясом птиц и зверей угощают птенцы
Гостя редкого... Ждут — не дождутся
Мать с отцом... Вдруг почувствовал наш Юскузек,
Будто тепленьким ветром подуло.
— «Что за ветер?» — спросил Юскузек у птенцов.
Те ему отвечают: — «А это
Мать с отцом к своим детям любимым летят,
Будут здесь через месяц наверно.
А от взмахов их крыльев могучих подул
Этот ветер — порывистый, теплый...»

Дни идут... Ветер все горячей и сильней.
А потом начинается дождь горячий.
— «Что за дождик такой?» — говорит Юскузек.
Отвечают птенцы: — «Значит, скоро
Мать с отцом подлетят, это плачут они,
Вспоминая детей своих малых.
Они думают — нас уже с'ел теперь змей, —
Вот и плачут от горя... А слезы
Рассыпаются на землю теплым дождем», —
Так птенцы Юскузеку сказали.
И крылами они укрывают его,
И ласкают... Но вдруг потемнело,
Это крыльями солнце закрыли они —
Птицы Кан-Керэдэ, эти вещие птицы.
Сам отец в своих сильных и крепких когтях
Держит мясо семидесяти маралов,
Мать птенцов в своих сильных и крепких когтях
Держит мясо шестидесяти маралов,
Подлетают все ближе. А ветер сильней.
Вдруг послышался говор тревожный:
— «Это что же такое? Да в наших местах
Дух какой-то совсем нехороший...
Ну-ка, кто ты смельчак?.. Отвечай поскорей!
Покажись-ка!..» Птенцы отвечали:
— «Не гневитесь, родные! Взгляните-ка вниз,
Что там есть у корней...» Юскузека
Закрывают крылами плотней... В тот же миг
Птицы книзу спустились и видят
Змея лютого мертвым!.. Тотчас же они
Труп злодея порвали на части
И сбросали поганое мясо его
В море синее... Трижды спускались они

И вздымались. И вот от злодея
Не осталось и кожи поганой клочка,
Не осталось костей, чтоб собакам глодать, —
Все качается в море бурливом.
— «Умирающих, нас ты опять воскресил;
От врага-лиходея избавил.
Кто же будешь ты? Нам покажись поскорей!» —
Птицы вещие так говорили.
И детей своих видя живыми, они
Были счастливы так — не расскажешь песней.
Но птенцы говорят: — «Полетайте скорей
На молочное озеро... Искупайтесь.
А потом побывайте на Черной горе,
Окурите себя можжевелем.
Прилетите обратно, — на ноги свои
И на крылья железные цепи
(Не простые — тройные!..) наденьте, — тогда
Мы покажем вам нашего гостя».
Полетели на озеро птицы и там
Искупались. Потом окурились
Можжевелем душистым на Черной горе,
На Сюмер-Улан очень высокой.
Прилетели обратно, на ноги свои
И на крылья железные цепи
Намотали и ждут великана того,
Что избавил их семью от змея.
Показался тогда Юскузек[14]. Говорит:
— «Птицы вещие! Я не с разбоем
И совсем не по доброй охоте пришел
В царство ваше к далекому морю.
Хан, в котором нет крови такой, чтоб текла,
И души умирающей нет в котором,

Тот, что ездит на чёрно-мухортом коне, —
Он сюда Юскузека отправил.
Этот хан подарил золотое яйцо
Вам когда-то в минувшие годы.
А сейчас у него голодает народ,
Гибнет скот от какой-то болезни.
И просил он у вас золотое яйцо,
Чтоб его подержать в своем царстве.
Вас своими друзьями считает тот хан,
Верит — вы не откажете в просьбе...»
— «Милый гость наш! Мне голос твой что-то знаком.
Чей ты будешь? Уж это не тот ли
Старый друг — Юскузек-сирота? У него
На спине меж лопаток отметку
Я когда-то оставила когтем своим», —
Птица-мать говорит Юскузеку.
— «Верно, верно!.. Из пропасти черной тогда
Вы спасли меня, вещие птицы!..»
— «Значит, это наш старый приятель и друг?!»
Закричали тут птицы, и цепи
С них посыпались на землю, будто толкан...
Угощать они начали гостя
Мясом жирных маралов... — «Наш друг дорогой!»
Говорят Юскузеку: — «С Караты-Каном,
С тем, что ездит на чёрно-мухортом коне,
Дружбу мы никогда не водили.
Никогда не бывали в дворце у него
И яйца золотого не брали.
И когда посылал тебя Караты-Кан,
Он хотел, чтобы грозные птицы
Растерзали тебя. Он хотел тебе зла,

Отправляя к далекому морю.
Мы не тронем тебя. Буд спокоен, наш друг», —
Птицы вещие так говорили
Юскузеку. Ласкали любимых детей,
Укрывая большими крылами.
Отдохнул и насытился наш Юскузек
И друзьям говорит он: — «А что же
Я суровому хану от вас повезу,
Чтоб осталась здоровой и целой
Голова моя черная?» — «Милый наш друг!
Ты жестокого хана не бойся.
Головы своей черной пред ним не клони,
А скажи ему дерзко и прямо:
— «Если ты богатырь, то бороться давай!
Если меткий стрелок, то давай стреляться!» —
Вот как с ним разговаривай ты, — не страшись...»
Так наказывают Юскузеку
Птицы вещие. И на прощанье ему
По перу вырывают из крыльев.
— «Эти перья храни. Ты узнаешь по ним,
Как живем мы... Случится несчастье —
С перьев пух опадет, почернеют они.
Будем живы, здоровы — и перья
Будут ярко гореть!..» Взяв подарок такой,
Говорит Юскузек: — «Дорогие!
Что оставлю на память вам?.. Вот три стрелы, —
Я пущу их из верного лука,
Чтобы в тополь могучий воткнулись они
Возле самой курчавой вершины.
Если ржавчина стрелы покроет, — беда
Приключилась со мной, — так и знайте.
Если стрелы сияют в ночи, как луна,

Днем горят, словно солнце, — то в счастьи
Я живу и в здоровье... Прощайте теперь.
Будем вечно друзьями...» Обратно
Пошагал... Но сам Кан-Керэдэ
Надлетел, приподнял Юскузека
И на крыльях понес через горы, хребты...
Сирота даже струсил немного.
Еле жив, — он боится на землю взглянуть..

Путь, который пройти бы лишь в месяц,
Он в полдня пролетел... Вдруг коснулся земли,
Поглядел... В незнакомой долине
Он стоит на зеленой веселой траве,
И над ним — большекрылая птица.
Покружилась она и потом на восток
Через горы, хребты полетела.

Полы шубы за пояс заткнув, Юскузек
Поспешает в аил свой сердцеобразный.
А пройти еще много, еще далеко

Дорогая жена и очаг отцовский.
Днем и ночью идет Юскузек наш и вот
Видит он: у горы невысокой
В шалаше камышевом сидит старичок,
А в долине пасутся овечки.
Подошел Юскузек, говорит старику:
— «Чье здесь царство, — скажи-ка, почтенный!
Что за хан здесь владеет стадами, тобой,
Может, ты мне дорогу укажешь?»
Очень ласково так говорит Юскузек,
Рад, что встретил он душу живую.
Говорит старичок: — «Я считаюсь рабом
У могучего Караты-Кана.
У того, что на чёрно-мухортом коне
Ездит грозный... Давно уж в войну большую
Завоеван я в плен, пленный я человек...
Расскажи мне — чей ты и откуда?» —
Так, одетый в протертый дырявый дяргак[15],
Поседевший, беззубый, скуластый
Говорит сироте незнакомый пастух...
Юскузек отвечает: — «Почтенный!
У меня ни отца и ни матери нет,
Ни сестер и ни братьев отважных.
Словно круглая луковка, я одинок
За маралами долго гонялся.
И, от стана родного уйдя далеко,
Заблудился, брожу отощавший.
Может пустишь в шалаш отдохнуть? Может мне
Дашь поесть?..» Старичок отвечает:
— «Я пустить-то могу, только чем угощу?
Пищи нет у меня. И постели
Тоже нет у меня, — сплю на жесткой коре.

Может, лучше пройдешь ты немного.
За горой будет стойбище. Много людей
Там живет, — приютят и накормят.
Я кормлюсь из собачьего черепка,
Вши и черви меня заедают...»
Так сказал старичок, и из выцветших глаз
Слезы на пол ручьем побежали.
Юскузек все же входит в дырявый шалаш,
Старичок подает ему чашку
Молока и курут[16] прокопченый дает,
А потом на древесную кору
Гостя он уложил отдыхать. Юскузек,
Засыпая, услышал хозяйкин голос:
— «Непутевый! — ворчала она. — Для чего
Ты пустил к себе этого человека?
Он последнее выпил у нас молоко,
С'ел последний кусочек курута.
Чем мы будем кормиться неделю, пока
Хан не выдаст нам скудную пищу?
Сдохнем с голоду!..» — громко ругалась она
И в сердцах о полено стучала
Старой трубкой... Сказал старичок: — «Не кричи!
Проживем... Что ж, кусочком курута
Мы наелись бы? Чашкой одной молока
Утолили бы жажду? Ну, как же
Не помочь человеку? Наш милый сынок
Тоже с голоду умер несчастный.
Будь он жив — наша кровь — мы не жили бы так
По-собачьи во вшах и коростах,
Не терпели б тогда ни нужды, ни обид
От проклятого Караты-Кана.
Чем нам голодом жить, спать на жесткой коре,

Дергаком одеваясь дырявым,
Лучше нам умереть!..» Так пастух говорил
И с любовью глядел он на Юскузека.
Опустилась туманная ночь. Юскузек
Вышел к стаду. Большого барана —
Вожака всего стада — поймал, заколол,
Ободрал его быстро и мясо
Стал варить в чугуне на веселом огне,
Начал жарить баранью печонку...
— «Ну, теперь мы погибли!
Злой Караты-Кан
Уничтожит нас!.. Что ты наделал?!
Ну, хотя б заколол ты плохую овцу...
А зачем вожака?.. Мы погибли!..» —
Старики говорили так. К мясу они
Не притронулись — горем убиты.
Юскузек же, наевшись, ложится к огню
На лохматую шкуру баранью,
Чтоб лопатки погреть у огня и заснуть
После пищи обильной и вкусной.
А старушке не спится. Сидит на полу,
Курит трубку. Печальные думы
В голове ее старой... Взглянула она
На лопатки заснувшего гостя,
Увидала большое пятно и глазам
Не поверила... Вся задрожала:
— «Ведь пятно, как у сына!..
А вдруг это он —
Мой ребенок потерянный, милый?
Нет, не может быть этого... Как же сюда
В царство грозного Караты-Кана
Он попал бы? А вдруг это он?..» Старика

Тычет трубкой... Старик разозленный
Заворчал, пробудившись: — «Ты, старая тварь,
Для чего меня будишь?..» Сердитый
Поднимается дед, на старуху свою
Замахнулся, чуть-чуть не ударил.
— «Не ворчи, не дури! Посмотри-ка сюда,
На лопатки забредшего гостя.
Уж не сын ли потерянный наш? Может, он
Схоронить нас явился?..» — Старуха
Так шептала. По сморщенным дряблым щекам
Побежали горячие слезы.
И старик растерялся, что делать — не знал,
Гостя он разбудить не решался.
— «Свет очей наших! Сердца горячего кровь!
Уж не ты ли здесь — сын наш любимый?..»
Долго-долго будить не решались... Потом
Разбудили и спрашивать стали:
— «Чей, откуда ты, гость дорогой? Расскажи
Кто родные и где проживаешь?»
Юскузек говорит: — «Возле Белой горы,
На поляне у Белого моря,
Вырос я и живу. Рыжий конь у меня,
Есть коза и корова-буренка.
У меня ни отца и ни матери нет,
Ни сестер и ни братьев отважных,
Жил один я, людей никогда не видал...»
Говорит Юскузек, чуть не плача.
—«...Дорогое дитя наше! Ты наша кровь!
Наше тело, наш сын любимый!..
Мы — родные твои!..» — Говорят старики,
Плачут оба от радости. — «Милый!
Вот нашли мы тебя! Как мы любим тебя...

Но сказать мы должны, чтоб отсюда
Уходил ты скорее!.. Злой Караты-Кан
И тебя может сделать несчастным.
Он рабом тебя сделает... Ну, уходи,
Поскорее скрывайся отсюда!..
Пусть одни мы погибнем, а ты — наша кровь,
Как цветочек, цвети на родном Алтае.
В землю дикого хана вовек не кажись,
Мы ж умрем теперь счастливо... Сына,
Нашу кровь, перед смертью увидели мы,
Что нам надо?..» Вот так говорили
Старики. А сынка дорогого они
Целовали и гладили нежно.
Юскузек говорит им: — «Родные мои!..
Ой, как счастлив, что вас разыскал я!..
Вашу радость я буду покоить теперь,
Буду сыном послушным и нежным.
Но сначала я дикого хана найду,
Расплачусь с ним за наши обиды!..»
И, сказав это, наш Юскузек помрачнел,
Засверкали глаза его грозно...
Шесть баранов зарезал он в пищу родным
И, прощаясь, сказал: — «Если долго
Буду занят я делом труднейшим, тогда
Через тридцать лет встретимся снова.
А недолго, тогда, дорогие мои,
Через десять лет встречусь я с вами.
Обо мне не печальтесь, родные мои,
Злого Караты-Кана не бойтесь!..»
Так сказал Юскузек загрустившим родным,
Отправляясь в аил свой сердцеобразный...

Вот пошел он. Родные смотрели во след,
Утирая горючие слезы.

Наконец-то пришел Юскузек наш домой
К своей милой жене, — та жива, здорова,
Нежно встретила мужа она... Юскузек
Не идет к кровожадному Караты-Кану,
Чтоб сказать, как он выполнил строгий приказ.
Вот приехали ханские слуги,
Говорят Юскузеку: — «Наш хан повелел,
Чтоб яйцо золотое скорее
Ты привез во дворец. Не исполнишь приказ, —
Хан жестоко тебя покарает».
Но бедняк Юскузек не послушался слуг
И к проклятому хану не едет.
Разозлился тот. Словно змея зашипел,
Загремел будто гром, зазвенел железом.
Весь Алтай задрожал, когда выехал он
На коне своем чёрно-мухортом.
Там, откуда скакнет этот дьявольский конь,
Вмиг гора вырастает большая.
Где ударит копытом тот бешеный конь, —
Вырастает гора железная.
Плетью сильно ударит злой хан по реке
И река расступается сразу,
Горы хан разрубает тяжелым мечом,
Едет быстро, как дикая буря.
Вот под'ехал он к Белой высокой горе,
На поляне у Белого моря
Видит бедный аил он. Как мозг спинной,

Узкой лентой дымок над аилом.
Хан ударил коня и в долину, как вихрь,
Полетел он... Земля задрожала.
И рассыпался бедный аил... Закричал
Хан испуганному Юскузеку:
— «Эй, бродяга! Как смеешь не слушаться ты
Повелений моих? Почему ты
Не послал со слугой золотое яйцо?..
Я тебя запорю, как собаку!
От тебя не останется даже костей,
Чтобы псы их глодали. И кожи
Не оставлю клочка, чтоб иголку воткнуть!..»
Крикнул Караты-Кан, и большую
Плеть, которая свита из шкур девяти
Самых крупных быков, поднимает
Чуть не до неба... Облако плетью рассек,
Разогнал ею черные тучи.
И с размаху ударил он плетью его —
Юскузека-бедняжку... И что же?..
Юскузек наш не струсил. Он хану кричит:
— «Брось-ка шутки, собака! Запомни:
Добрый конь может быть и под бедным седлом,
Его удаль в поездке узнаешь.
Молодец может быть и под шубой плохой,
Поборовшись, — узнай его силу».
Протянул Юскузек свою руку и враз
Вырвал плеть у проклятого хана.
Через несколько гор перебросил ее,
И стоит перед ханом без страха.
В десять раз свирепее тот стал... И с коня
Он схватил Юскузека за шею,
Поднял к белому небу и крикнул: — «Пока

Не подох, — распростись-ка с женою!
Перед смертью на Белую гору взгляни,
Посмотри и на Белое море!»
Прокричав так, сбесившийся Караты-Кан
Юскузека о гору стальную
Ударяет с размаху... И что же?..
Юскузек невредим!.. И хватает вдруг он
Злого Караты-Кана за пояс.
Удивленный злодей свирепеет сильней
И кричит: — «Чтобы вошь Саргынчака
Состязалась со мной, победила меня, —
Так не будет!..» Опять Юскузека
Приподнял и с размаху ударил его
О долину чугунную... Что же?
Юскузек не погиб! Снова на ноги встал
И проклятого Караты-Кана
Он хватает за грудь... А поганый злодей
Юскузековы руки хватает,
Тянет в стороны, вырвать их хочет совсем...
Но и тут Юскузек не сдаётся!..
Вырвал руки, за пояс злодея схватил,
Продолжает с поганым бороться.
Там, где схватят друг друга, —
кусками летит
Мясо красное. Стукнутся если, —
Хлещет алая кровь на сырую траву.
А упрутся в высокие горы, —
Горы рушатся сразу! Дрожит вся земля,
Раскачалось могучее море!..
Проборолись семь лет и никто не упал.
Девять лет проборолись и всё напрасно!
На десятом году ослабел, наконец,

Злой Караты-Кан. Так Юскузеку
Говорит он: «Я всех на Алтае сильней.
Шестьдесят покорил я здесь ханов.
За горами Алтайскими я покорил
Еще семьдесят ханов... И как же
О тебе я не слышал? Откуда такой
Богатырь знаменитый явился?..

Пощади! Буду я пастухом у тебя,
Буду кротким рабом бессловесным.
Не пролей мою красную кровь... Пожалей,
Дай пожить на Алтае любимом!..»
Так молил Юскузека злой Караты-Кан...
Юскузек даже слушать не хочет.
Поднимает до синего неба врага,
Говорит: — «С кровожадным Караты-Каном
Много лет я боролся. Хотел он меня
Уничтожить, могилу мне вырыл.
И придется теперь самому ему лечь
В эту яму!.. А ну-ка, собака!
Погляди еще раз на Алтай. Помолись
Курбустану[18] и к смерти готовься!..»

Так сказал Юскузек и о горный хребет
Злого Караты-Кана ударил.
Разорвал пополам... И, как черный поток,
Кровь текла из поганого тела.
Туша хана и кости лежали горой.
Тут же рядом, в зеленой долине
Перерубленный на-трое острым мечом
Конь лежал его чёрно-мухортый.
Юскузек поджигает высокий дворец
Кровожадного Караты-Кана.
— «Пусть горит он семь лет!.. Не останется пусть
Ничего от проклятого гада!»
И расправившись с ханом, ложится бедняк,
Засыпает он сном богатырским...

Долго-коротко ль спал Юскузек, — наконец
Он проснулся, поднялся и видит:
Рыжий конь — его старый приятель — стоит,
Громким голосом ржет на поляне.
Он в узде золотой, а на гладкой спине
Дорогое седло. И в суминах
Богатырский наряд... Семь волков за конем
И жена к Юскузеку подходят.
Подвели Юскузеку коня. Самого
В богатырский наряд обрядили.
Нацепили оружие... Стал Юскузек
Великаном красивым, нарядным!
Между глаз у него до полсотни отар
Самых сытых овец поместится.
Меж лопаток его пятьдесят табунов
Лошадей поместиться могли бы.

Стал хозяином наш Юскузек-богатырь
Табунов, многочисленных, словно звезды.
Посылает послов, чтоб собрали народ.
Высотой с поднебесную гору
Мяса он наварил. Наварил араки[19]
Разливанное море большое.
Мать с отцом он от рабства избавил. Привез,
Нарядил в дорогие одежды.
Гости с'ехались. Пышный невиданный той[20]
Десять лет они шумно справляли.
Юскузека хвалили все. И молодым
Счастья-радости дружно желали:
— «Пусть никто не поборет тебя, Юскузек,
Пусть рождаются дети. И скот твой
Пусть плодится. Очаг твой в аиле
Никогда пусть не тухнет. Всех ханов земли
Мы с тобой уничтожим на веки...»
Так народ, словно ласточек стая, хвалу
Воздавал Юскузеку. И нежно
Все, кто руки имеют, ласкают его,
Гладят, словно бы сына родного.
— «Много лет кровожадный Караты-Кан
Мучил нас. От проклятого ига
Ты избавил нас. Слава тебе, Юскузек!..
Пусть народы родного Алтая
Твое милое имя услышат... Живи
С молодой женой — счастлив и весел!..»
Так кричал весь народ, веселясь... Молодцы
На чугунной долине боролись.
Больше сотни старейших комысчалар[21]
В комысы беспрестанно играли.
Пели песни певцы. А сказители тут

На Алтае
Среди гор,
Среди солнечных долин
Кочевали два человека,
Два соседа.
Одного звали Аргачи,
Другого — Кудюрчи.
Один сосед
Был баем среди народа,
Богачем среди богачей.
У того, кто имел
Двух коров в стаде,
Одного барана в хозяйстве,
Проклятый бай,
Надеясь на силу свою,
Последний скот забирал,
Малосильных людей
Своим нахальством побеждал.
Имел он много скота,
Но умом был небогат.

Так жил Кудюрчи
В просторном Алтае
В той же долине
Второй сосед кочевал.
Лишнего скота он
Не имел.
Табунов он
Не имел.
Никому ничего плохого
Не сделал,
Никому зла
Не причинил.
Словами не рассказать
О его бедности,
Песни не спеть
О его нужде.
От своего труда
Он питался,
От находчивого ума
Кормился.
У него был единственный белый бык.
Так жил на Алтае богатом
Бедняк Аргачи.

С жадными думами,
Злыми желаниями
Кудюрчи ездил и удивлялся:
— Как бестабунный Аргачи,
При помощи одной находчивости,
Пищу себе достает?
В один неизвестный день,
Чтобы посмотреть,
Как живет Аргачи, имеющий белого быка[1],
Кудюрчи бестолковый
К ветхому аилу[2] соседа
Под'ехал.
И Аргачи он спросил:
— У тебя нет скота,
Которого ты размножил бы.
У тебя нет богатства,
Которым ты аил свой наполнил бы.
У тебя нет собаки,
Которая лаем встречала бы гостей.
У тебя нет коня,
На которого узду надевают.
Ты имеешь только
Единственного быка.
Как же ты живешь,
Где ты пищу себе достаешь?
Самый бедный на Алтае богатом,
Аргачи, имеющий белого быка,
Соседу тихо ответил:
— Благодаря находчивости своей
Я живу шесть дней;
Благодаря уму своему
Я живу восемь дней!

Ничего не понял Кудюрчи.
На бурого быка он сел,
К своей юрте[3] поехал
Качая головой, удивлялся:
— Как это Аргачи,
Благодаря находчивости своей,
Шесть дней живет;
Благодаря уму своему,
Восемь дней живет?
Как бы тайну его узнать?
Что бы придумать?
Кудюрчи дома сидел,
Ночи не спал,
Ничего не придумал.

В один неизвестный день
Аргачи белого быка
Пастись на луг отпустил,
Сам к соседям пошел,
Пищу искать себе
Собрался.
С черными думами Кудюрчи
На бурого быка своего сел
К аилу соседа поехал.
Аргачи он дома не застал,
Из аила его вышел,
Белого быка убил.
Жене соседа сказал:
— Муж твой умом хвалился,
Находчивостью хвастался.
Если это так,

То быка он себе найдет.
А я на него посмотрю.
Кудюрчи домой
Уехал.
Аргачи от соседей
Вернулся,
Пищу для себя и жены
Привез.
Белого быка своего убитым
Нашел.
Жене своей сказал:
— От мертвого быка
Надо пользу получить.
От вонючей туши
Надо прибыль получить.
К хану Караты-Кану,
На Алтае богатом живущему,
Аргачи пешком пошел.
Перед Караты-Каном он стоял,
С просьбой такой к нему обращался:
— Знатный наш Караты-Кан,
К белым быкам вашим,
В долинах пасущимся,
Единственного
Белого быка моего
Пустить разрешите.
Грозный Караты-Кан
Так Аргачи ответил:
— Единственного быка твоего
Мои быки не с'едят.
От твоего быка
Стаду моему

Ничего плохого не будет.
К быкам, в долине пасущимся,
Белого быка своего пусти.
Аргачи Караты-Кана
Горячо благодарил.
Такие слова сказал:
— Быка пустить разрешив,
Ты для меня добро сделал.
Но, мой бык
На бегах призы получал.
По стоимости он
Двум простым быкам равен.
— Какой бы цены
Белый бык твой ни стоил,
На глазах моих пастухов
Никуда он не денется,
Всегда целым будет.
Так Караты-Кан бедняку ответил
Аргачи к быкам хана пошел,
Всех быков его собрал,
К месту, где лежал мертвый бык,
Целое стадо пригнал.

Один день и одну ночь
Ханское стадо возле туши держал.
Утром ханские пастухи пришли.
Аргачи их к убитому быку повел,
Показывая труп,
Сердито сказал:
— Свирепые быки Караты-Кана
Единственного белого быка моего
Рогами запороли.
Пастухов ханских ругая,
Аргачи с жалобой к хану пошел.
Перед Караты-Каном он встал,
Слова такие ему сказал:
— Ты мне говорил,
Что единственного быка моего
Твои быки никогда не с'едят,
В стаде твоем
Ничего плохого
С ним не случится.
Мой единственный бык
Двум быкам равен был.
И вот
Он твоими быками запорот.
Ничего не имеющий бедняк
Последнего быка лишился.
Что я буду делать?
Чем я буду питаться?
Грозный Караты-Кан
Плачущему Аргачи
Такие слова сказал:
— За единственным быком твоим
Пастухи мои не досмотрели.

Быки его на-смерть запороли.
Из больших стад моих,
Которым я счета не знаю,
Из числа быков моих,
Которых я по масти не помню,
Двух на выбор возьми.
Аргачи к ханским быкам,
В широкой долине пасущимся,
Быстро пошагал.
Двух пестрых быков
Из ханского стада выбрал.
На одного быка сел,
Второго в повод взял,
К своему аилу поехал.

На полпути
К своему аилу
Его сосед остановил.
С черными мыслями Кудюрчи
Такие вопросы ему задал:

— Больших быков
Где ты достал?
Сытых быков
Как ты присбрел?
Аргачи ему так ответил:
— Наш хан Караты-Кан
За одного дохлого быка
Двух живых быков дает.
Сытых быков своих
На трупы обменивает
И придачу приплачивает.
Ты, жадный человек,
Убив моего тощего быка,
Мне пользу принес, —
Вместо одного тощего быка
Я двух сытых быков приобрел.
Имеющий много скота,
Но умом небогатый,
Бай Кудюрчи
Бурого быка своего
Плетью ударил,
К юрте своей,
Как ветер, помчался.
С бурого быка он слез,
Ножом его зарезал.
Опояской он подпоясался,
Бурого быка на спину взвалил,
К Караты-Кану отправился.
В юрту его вошел,
Мертвого быка
К ногам хана бросил.
Караты-Кан смотрит

И удивляется,
У Кудюрчи спрашивает:
— Мертвого быка
Зачем ко мне притащил?
Кудюрчи хану отвечает:
— Народ наш говорит,
Что за одного дохлого быка
Ты двух сытых даешь;
Без всякой приплаты
Живых на мертвого
Променяваешь.
Караты-Кан вмиг рассвирепел,
Подобно небу
Загремел,
Подобно стали
Зазвенел,
И такие слова
Сказал:
— Ты, негодяй паршивый,
Надо мной смеяться вздумал,
Над ханом глумиться
Осмелился.
Разве может быть хан
Глупее тебя?
Я на всей земле
Таких глупых баев
Не видал,
Во всех долинах
Таких дураков
Не встречал.
Караты-Кан еще громче закричал,
Богатырей-палачей к себе позвал.

Глупого бая
Схватить велел,
До смерти пороть
Заставил.
Богатыри-палачи его взяли,
До смерти плетьми пороли --
Едва живого оставили.
Чтобы ему, как мертвецу,
Сороки глаза выклевали,
На болото его
Умирать бросили.
Кудюрчи там ожил.
Сесть он
Был не в силах.
На ноги подняться
Не мог.
Как ребенок-ползун
К своей юрте приполз.

С черными думами Кудюрчи
Много дней в постели
Пролежал.
Ненавистному бедняку Аргачи
Еще злее мстить решил.
Сам себе
Такие слова сказал:
— Под синим небом
Аргачи
Жить не будет.
Под золотым солнцем
Хитрец

Больше не появится.
Быков его
Уничтожу.
Аил его
Сотру.
На черного быка он сел,
К аилу Аргачи поехал.
На стойбище Аргачи он приехал,
Хозяина дома не застал.
Аргачи по Алтаю ездил,
Пищу себе искал.
Жену бедняка
Кудюрчи на улицу выгнал.
Берестяный аил
Со всех сторон поджег.
Когда аил, как заря,
Запылал,
Кудюрчи, злорадствуя, хозяйке
Сказал:
— Аргачи себя умным
Считает,
Находчивым себя
Называет.
Новый аил ему сделать
Ничего стоить не будет.
На черного быка он сел,
В юрту свою вернулся.
Аргачи, имеющий пестрых быков,
Пищу для себя и жены достал.
Домой он приехал,
Жену в слезах увидел.
На корнях лиственницы она сидела.

На месте аила
Уголь да зола лежали.
Посмотрев на золу и угли черные,
Аргачи жене своей сказал:
— От серой золы
Надо выгоду получить.
От черного угля
Надо прибыль получить.
Оставшийся от аила уголь
Вместе с золой собрал,
В две кожаные сумины ссыпал,
На пестрого быка своего навьючил.
В сторону стойбища Караты-Кана
Тихим шагом двинулся.
К ханскому стойбищу под'езжает.
Три дочери Караты-Кана
На высоком перевале его встречают.
Едущего на пестром быке,
С большими сумами, Аргачи
Все трое спрашивают:
— Куда ты поехал, Аргачи,
Какими сумами быков завьючил?
Куда ты путь свой держишь, Аргачи,
Что в твоих сумах лежит?
Умный с рождения,
Находчивый с детства,
Аргачи трем дочерям Караты-Кана,
Не задумываясь, так отвечает:
— К золоту и серебру отца вашего,
Знаменитого Караты-Кана,
Я свое золото и серебро везу,
Вместе положить хочу.

Услышав слова такие,
Три ханские дочери удивились,
Золото в сумах
Посмотреть захотели.
Аргачи они просили:
— Ты нас не бойся —
Сумы развяжи;
Девушек не остерегайся —
Золото посмотреть дай.
Аргачи, имеющий сумы большие,
Ханским дочерям так отвечал:
— Мое золото
Никому показывать нельзя.
— Мое серебро
Ни перед кем открывать нельзя.
Если посторонний на него посмотрит,
Оно в уголь и золу превратится.
Чтобы золото вам показать,
Я отца вашего спросить должен.
Когда он свое согласие даст,
Я сумы перед вами открою.
Три ханских дочери
Позади пестрых быков побежали,
Позади сум с золотом пошли.
В юрту отца своего Караты-Кана
Все трое вбежали,
С одной просьбой к отцу своему обратились:
— Пусть Аргачи нам золото покажет,
Сумы с серебром пусть откроет.
Выслушав просьбу трех дочерей,
Караты-Кан Аргачи сказал:
— В сумах твоих золото

Моим дочерям покажи;
Серебро твое
Перед ними открой.
Если в уголь и золу
Оно превратится, —
Твои сумы большие
Я своим золотом наполню,
Чистым серебром засыплю.
С большими сумами приехавший
Аргачи ханские слова выслушал
И смело на них ответил:
— Если твое обещание твердо,
Золото показать я согласен.
Устье сум он развязал,
Трем ханским дочерям
Свое золото и серебро открыл.
Три ханские дочери,
Взглянув на золото Аргачи,
Сильно удивились,
Понять ничего не могли.
Громкими голосами
Закричали,
Одна другую
Спрашивали:
— Разве золото черным бывает?
— Разве серебро серым бывает?
На сумы свои посмотрев,
Аргачи горько застонал.
На уголь и золу взглянув,
Бедняк громко заругался:
— Поганые негодницы!
Честным трудом добытое

Золото и серебро мое
Вы показать просили;
Единственное богатство мое
В уголь и золу превратили.
Это вы, негодницы, умышленно сделали,
Без серебра и золота меня оставили.
Знаменитому Караты-Кану
Совестно стало.
Обратно взять слово свое
Он не решился.
Из юрты своей выбежал,
Золото и серебро вынес.
Одну сумину Аргачи
Золотом наполнил,
Другую сумину большую
Под серебро занял.
Быка своего завьючил,
На пестром быке
К же'не своей поехал.

С черными думами Кудюрчи
Бурого быка оседлал,
Посмотреть на жизнь Аргачи
К стойбищу соседа приехал.
На знакомое место смотрит,
Своим глазам не верит.
Аргачи
Новый лиственничный аил
Успел себе построить.
У жаркого очага он сидит.
Кучу золота и серебра

Пересчитывает.
С завистью на него взглянув,
Кудюрчи строго спросил:
— Полные сумы золота и серебра
В какой долине ты взял?
Аргачи ему спокойно ответил:
— Ты, ненавидя меня, Кудюрчи,
Сжег мой гнилой аил,
Этим ты для меня, бедняка,
Большое добро сделал.
Я все угли и золу собрал,
К знаменитому Караты-Кану,
Сумы завьючив, поехал.
У богатого хана угли и золу
На серебро и золото обменял.
С тяжелыми сумами
Домой вернулся.
С черными думами Кудюрчи
Слова эти слушал;
Глядя на золото соседа,
Зависть в себе разжигал.
Из аила он быстро вышел,
На бурого быка своего сел,
Плетью о семи концах бил,
К стойбищу своему спешил.
К теплой юрте под'ехал,
Жену свою в долину выгнал.
Выбросил шубы дорогие,
Юрту с трех сторон поджег.
Когда огонь на землю
Лег,
Дым на небо

Улетел,
Кудюрчи уголь и золу
Собрал,
Две сумы набил,
На бурого быка
Повьючил.
К Караты-Кану поехал.
Сумы с углем и золой
К Караты-Кану привез,
В ханскую юрту втащил,
Весь уголь и золу сразу
На дорогие ковры высыпал.
Громким голосом начальника
Караты-Кану в лицо сказал:
— Уголь и золу я тебе привез.
Обмен сейчас же начнем.
Золото и серебро
Поскорее мне давай.
Уголь и золу увидев,

Караты-Кан рассвирепел.
Как небо
Загремел,
Как сталь
Зазвенел.
Имеющего большие табуны,
Но умом небогатого, Кудюрчи
Он последними словами
Ругать стал.
— Из сильных баев,
На Алтае живущих,
Ты самый пустоголовый.
Юрту мою
Углем загрязнил,
Ковры мои
Золой засыпал.
Меня, хана твоего,
Худыми словами оскорбил.
И, стыда не имея,
Какое-то золото требуешь.
Молодцов-палачей он позвал,
Им глупца растянуть приказал,
До смерти пороть заставил.
Молодцы-палачи его схватили,
До смерти плетьми пороли.
Чуть живого оставив,
На бурого быка его
Лицом к хвосту посадили.
От ханского стойбища
Быка прогнали.

Кудюрчи много дней и ночей
В постели пролежал,
Болезнь свою долго
Побороть не мог.
На Аргачи он еще больше
Злился,
Отомстить ему жестоко
Собирался.
Сам себе говорил:
— Если Аргачи не уничтожу,
Имени моего
На земле не будет.
Много дней и ночей
В горах и долинах
Алтая богатого
С черными думами Кудюрчи
Бедного соседа искал.
Нигде застать его не мог.
Аргачи по Алтаю ездил,
Пищу для себя и жены промышлял.
Кудюрчи к аилу соседа под'ехал,
Жену его убил.
На свое стойбище с радостью
Возвратился.
Подобно зверю убитому,
Жена бедного Аргачи
В холодном жилье лежала.
Аргачи домой пищу привез,
Над мертвой женой день и ночь сидел,
Как птица у разоренного гнезда,
Горевал.
Сам себя спрашивал:

— Где мне выход
Искать?
Как мертвую жену
Живой заменить?
Мертвую жену свою
На быка он повьючил,
Вещи свои собрал,
На второго быка повьючил.
К стойбищу знатного Караты-Кана
На пестрых быках прикочевал.
Недалеко от ханской юрты
Вьюки с быков снял.
К Караты-Кану с просьбой пошел.
— Грозный хан-повелитель!
Вблизи владений твоих
Аил мне поставить разреши.
В соседи к себе
Меня, бедняка, прими.
Знатный Караты-Кан
Бедняку сказал:
— Оттого, что ты
Вблизи от меня поселишься,
Ничего плохого не будет.
Оттого, что ты
Послушным соседом станешь,
Польза мне, хану, будет.
Аргачи берестяный аил свой
Вблизи юрты хана поставил.
Рядом с очагом
Кол в землю вбил.
Мертвую жену свою
К колу посадил.

Козьих жил ей в руки дал.
Сам к хану-соседу пошел.
Три ханские дочери
Дымящийся аил увидели,
Новых соседей
Навестить захотели.
К жене бедняка
В гости собрались.
Аргачи ханских дочерей остановил,
Строгим голосом предостерег:
— У моей бедной жены
В голове мозг болит.
Когда на нее посторонние смотрят,
Она очень боится.
В тот миг испугаться может:
Быстрой смертью умрет.
В аил мой, девицы,
Не ходите,
На жену мою
Глаз не подымайте.
Трем ханским дочерям
Соседку посмотреть хотелось.
К бедному Аргачи они
С просьбой обратились.
Разговор их услышав,
Сам Караты-Кан сказал:
— Зря ты, Аргачи, упираешься,
Любимых дочерей моих
В аил свой не пускаешь.
Соседку-жену девушкам молодым
Почему не показываешь?
Если она от одного взгляда умрет,

Тебе, бедняку, убытка не будет.
Из трех дочерей моих любую
Себе в жены возьмешь.
Три ханские дочери
В аил пошли.
Новую соседку свою
Посмотреть побежали.
Сам Аргачи у хана остался.
Не прошло много времени,
Три испуганных девушки
В ханскую юрту ворвались,
Отцу своему такие слова
Сказали:
— Жена Аргачи
У огня сидела,
Из козьих жил
Нитки сучила.
Нас троих
В аиле своем не приметила.
Мы к ней подбежали,
Нитки посмотреть хотели:

От испуга большого
Она сразу повалилась,
Быстрой смертью умерла.
— Черное проклятье вам!
Любимую жену мою,
Которая много лет
Неразлучным другом мне была,
Вы, негодницы, умертвили,
Меня, горемыку, среди народа
Круглым сиротой оставили.
На глазах самого хана
Аргачи волосы на себе рвал.
Горькими слезами плакал.
Караты-Кан над бедным соседом
Вдруг сжалился,
Слова такие
Ему сказал:
— Перестань плакать, Аргачи.
Горе большое случилось,
Но ты, умный сосед мой,
Горькие слезы не лей.
Из беды большой
Выход скоро найдем.
Стрела, пущенная из лука,
Обратно к стрелку
Не возвращается.
Слово, сказанное в народ,
Обратно к хану
Не возвращается[4].
Самая младшая дочь моя,
Красотой своей на луну похожая,
Пусть женой твоей будет.

Той[5] поскорее с ней справляйте,
Дружно и весело живите.
Услышав слова такие,
Аргачи с ханом согласился.
Веселый той он собрал,
Богатое приданое получил.
Кошемную юрту себе поставил.
Ханским зятем стал.
Теперь он досыта ел,
В хорошие шубы одевался.
С красивой молодой женой
Весело поживал.

С черными думами Кудюрчи
По всему Алтаю рыскал,
В широкой солнечной долине
Кошемную юрту заметил.
Жажду свою утолить
К новой юрте под'ехал.
С Аргачи он снова встретился,
Богатству его удивился.
Ненасытными глазами своими
На молодую жену его посмотрел, —
От зависти едва не умер.
У Аргачи сквозь зубы спросил:
— Такую красавицу жену
Где ты взял?
Такую хорошую юрту
Где ты достал?
Аргачи спокойно ответил:
— Сердцем злой человек

Мою старуху убил,
Мне, бедняку,
Добро сделал.
Знатный Караты-Кан
Красавиц дочерей
На мертвых баб[6] обменивает.
Свою мертвую жену
Я на ханскую дочь обменял.
Имеющий большие табуны,
Но умом небогатый,
Кудюрчи к своей юрте
Быстро поскакал.
Жену свою на-смерть убил.
На черного быка повьючил,
К Караты-Кану поехал.
На ханском стойбище
Мертвую жену на себя взвалил,
В юрту хана вошел.
К ногам его
Мертвое тело бросил.
Женский труп увидев,
Караты-Кан удивленно спросил:
— Мертвую жену свою
Зачем сюда привез?
Кудюрчи хану сказал:
— Я в народе слышал,
Что хан трупы принимает,
На девушек, дочерей своих,
Мертвых баб выменивает.
Я труп на обмен привез.
За дочерью вашей приехал.
Услышав слова такие,

Хан вмиг рассвирепел.
Как свинец
Посинел,
Как туча
Почернел.
Грозно закричал:
— Таких глупых баев
Я отроду не видал.
Смердящий труп
Скорее убирайте.
Жадного бая
Вмиг уничтожьте.
Труп его
Из Алтая выбросьте,
Богатыри-палачи
Жадного бая
Схватили,
До полусмерти палками
Били.
Еле живым оставили.
Вместе с мертвой женой его
На бурого быка повьючили.

Из солнечного Алтая
Быка прогнали.

Много дней и ночей
С черными думами Кудюрчи
От ханских побоев отлеживался,
Изломанные кости свои
Сращивал.
Аргачи он
Все больше ненавидел.
Для последней схватки
Силу копил.
Семь дней и семь ночей
По всему Алтаю его искал.
На берегу большой реки поймал.
Руки ему арканом связал.
Нагло спросил:
— Неумирающий человек,
От какой смерти
Умереть желаешь?
Аргачи спокойно
Ему сказал:
— На месте,
Где семь дорог
В одну дорогу
Сходятся,
Жаркий огонь
Разведи.
Из густого леса,
Где семь кустов
Стелются,

Сухой можжевельник
Принеси.
На костре меня
Сожги.
Я, бессмертный человек,
На том костре умру.
Сильный и жестокий Кудюрчи,
Как тушу барана тяжелую,
На себя Аргачи взвалил.
К месту,
Где семь дорог
В одну дорогу сходятся,
Связанного притащил.
Четыре березовых кола
В твердую землю вбил.
Как верблюда покорного,
Аргачи на них растянул.
Крепкими арканами
К кольям привязал.
Сам в густой лес
За сухим можжевельником

Быстро поехал.
Чтобы от арканов освободиться,
Аргачи в себе силы не находил;
Чтобы онемевшими суставами пошевелить,
В теле своем проворства не находил.
Страдал он, на колья подвешенный.
Из верховьев ближней реки
Звонкая песня долетела.
Незнакомый голос
К Аргачи приближался.
На вороном коне — иноходце,
В черную шелковую шубу одетый,
В черные сафьяновые сапоги обутый,
Черную барашковую шапку носящий,
Сын знатного хана Караты-Кана
К Аргачи близко под'ехал.
На лицо его внимательно посмотрел.
Сын знатного Караты-Кана
На правый глаз кривым был.
Аргачи свой правый глаз закрыл,
Кривым прикинулся.
Сын Караты-Кана спросил:
— Что плохого
Ты сделал?
Какое преступление
Ты совершил?
С такой редкой жестокостью
За что тебя наказали?
Аргачи сыну ханскому
Спокойно ответил:
— Чтобы глаз себе вылечить,
Я на большой дороге

На кольях растянут.
Чтобы кривым больше не быть,
Семь дней у семи дорог
На острых кольях висеть буду.
Потерянный глаз мой
Опять здоровым вернется,
В десять раз острее будет.
Мудрые люди меня научили,
Умные люди так посоветовали.
Спокойные слова услышав,
Ханский сын Аргачи сказал:
— Твои года
К старости приближаются,
Твоя жизнь
К концу подходит.
Ты одним глазом
Обойдешься.
Кривым до смерти
Доживешь.
Я — ханский сын,
Молод и холост,
Мне с одним глазом
Жить нельзя.
Целебное место
Мне уступить
Ты обязан.
Ханскому сыну кривому
Аргачи прискорбно ответил:
— Силе твоей
Я должен подчиниться.
Начальнику своему
Я обязан покориться.

С коня своего
Скорее слезай.
С кольев меня
Снимай.
На мое место ложись.
Глаз скорее лечи.
Семь дней минует,
Семь ночей пройдет,
Твой правый глаз,
В детстве вытекший,
Ночной звездой загорится,
Орлиную зоркость получит.
Я три дня провисел
И то правый глаз мой
Видеть начал.
Молодой ханский сын
С вороного иноходца слез,
За ближнюю сосну его привязал.
Аргачи он быстро освободил.
Шубу из черного шелка
Снял.
Сапоги из черного сафьяна
Сдернул.
Шапку из черного барашка
Сбросил.
Сам в рваную одежду бедняка
Вмиг оделся.
Аргачи ханского сына
К четырем острым кольям
Крепкими арканами привязал.
Умный Аргачи одежду ханского сына
На себя вмиг надел.

Опояской из черного шелка
Туго подпоясался.
На вороного иноходца вскочил.
С веселыми песнями
В свой аил поехал.
Кудюрчи из густого леса вернулся,
Сухой можжевельник
Под связанного человека положил.
Со всех сторон поджег.
Жарким пламенем костер запылал.
Сын хана Караты-Кана
Со стоном закричал:
— Что ты... что ты делаешь?
Я — сын самого хана.
Ты меня не убивай.
Тело мое молодое
На костре не сжигай.
Властитель нескольких долин
Жалобно упрашивать стал.
Кудюрчи на него
Зло закричал:
— А-а, собака подлая!
Ханским сыном
Называть себя осмелился.
Кудюрчи злой
Красные щеки свои,
Как меха, надул,
Веселое пламя
Раздувать стал.
Сухого можжевельника
В костер добавил.
Черный дым выше облаков

В синее небо поднялся.
Жаркое пламя выше Алтая
Столбом взлетело.
Сын Караты-Кана сгорел.
Углей от него не осталось.
Золу и легкий пепел
Кудюрчи по ветру развеял.
Сам себя развеселил:
— Неумирающего Аргачи
Я вмиг умертвил.
Чего давно хотел,
То сегодня совершил.
Обрадованный Кудюрчи
К стойбищу своему поехал.

В теплой юрте Кудюрчи
Спокойно сидеть не мог.
Ненасытная жадность
Сердце бая стиснула.
В груди его
Злость не улеглась.
Юрту спаленного соседа
Кудюрчи ограбить задумал.
К ненавистному стойбищу
Быстро поехал.
У коновязи соседа
Вороного иноходца увидел.
Седло на коне
Серебром украшено.
Узда и подфея
Золотом осыпаны.

Трем поколениям не износить,
Семи поколеньям не изорвать.
Жадный Кудюрчи удивился.
Осторожно в юрту зашел.
За веселым огнем,
На почетной шкуре,
В шубу из черного шелка
Одетый,
В сапоги из черного сафьяна
Обутый,
Черной шелковой опояской
Подпоясанный,
Бедняк Аргачи сидел.
Никогда не трусивший,
Кудюрчи не на шутку испугался.
Ничему не удивлявшийся,
Кудюрчи сильно удивился.
Робко спросил:
— Почтенный Аргачи!
Откуда ты явился?
На месте,
Где семь больших дорог
В одну дорогу сходятся,
На большом костре,
С которого не возвращаются,
Я тебя сжег.
Как ты живым
Опять стал?
Аргачи ему спокойно ответил:
— Ты меня на огне сжег,
Большую пользу мне сделал.
Я встретил своего отца,

Давно умершего.
Для меня родной отец
Вороного иноходца,
Чтобы я ездить мог,
Дорогую одежду,
Чтобы мне нарядным быть,
Давно приготовил.
Сына своего
Старик поджидал.
Подарки у отца я взял,
Домой быстро вернулся.
Твоего отца родного
Я там встретил.
Он давно тебя ждет.
Иноходца рыжего,
Шубу, красным шелком крытую,
Красные сапоги сафьяновые,
Красную опояску шелковую,
Дорогую шапку лисью —
Для тебя давно приготовил,
Любимого своего
Встречать собрался.
К умному соседу,
Которого терпеть не мог,
К бедному человеку,
Которого зло ненавидел,
Кудюрчи с просьбой обратился:
— Аргачи, мой дорогой!
На костре меня сожги.
К отцу своему тороплюсь.
Коня дорогого, шубу богатую
Поскорее взять хочу.

Аргачи на просьбу его
Так ответил:
— Твое желание исполню.
Сжечь тебя могу.
У любящего отца твоего
Богатое наследство получишь.
Молодой рыжий конь,
Которого отец для тебя приготовил,
Лучше моего коня.
Шуба, крытая красным шелком,
Которую отец для тебя сшил,
Лучше моей шубы.
Как на востоке луна,
Шелковая шуба блестит.
Шапка из лисьих лап,
Как солнце лучами, сияет.
Кисть из крученого шелка
Утренней зарей горит.
Сапоги из красного сафьяна,
Подобно углям в большом костре,
Днем и ночью блестят.
Если дня не пропустишь,
Дорогое наследство получишь.
В ту одежду оденешься,
С веселыми песнями
По Алтаю поедешь.
Жадные глаза Кудюрчи,
Как звезды,
Загорелись.
Лицо его,
Как заря,
Запылало.

К месту,
Где семь дорог
В одну дорогу
Сходятся,
Он заторопился.
Аргачи на вороном иноходце
Едва за пешим угнался.
Четыре березовых кола
В землю вбить заставил.
За руки и ноги к кольям
Крепкими арканами привязал.
В густой лес
За можжевельником не поехал.
В соседних сухих кустах
Тальника быстро наломал.
Под Кудюрчи большой костер
В один миг развел.
Когда костер весело запылал,
Кудюрчи громко кричать стал:
— Черная беда надо мной!..
Аргачи, меня пожалей!
К отцу своему
Я не поеду,
Коня и шубу у него
Брать не буду.
Огонь
Потуши.
Головешки
Разбросай.
Жадный Кудюрчи стонал,
Соседа своего упрашивал.
Аргачи ему не отвечал,

Дров в костер добавлял.
К буйному огню
На девять сажен
Подойти нельзя было.
Возле жаркого пламени
Стонов Кудюрчи
Не было слышно.
На большом костре Кудюрчи
В золу и пепел сгорел.
Так бешеный бай
Уничтожен был.
— Гордость его
Погасла.
Путь кровопийцы
Оборвался.
Награбленное добро
Народу досталось.
Потомство его
На посмешище осталось.
Слова такие проговорив,
Аргачи на коня своего
Сел.
К стойбищу своему
Уехал.
И сейчас на Алтае цветущем
Живет он счастливо.

Литературный перевод *А. Л. Коптелова*

БОРО-ЧУДА

Жил в урочище Адышту
Боро-Чуда маленький.
Возле аилов чужих бродил,
Кости обглоданные сбирал,
Мальчик голодноглазый...

За чашку щей жиденьких
Долгих шесть дней работал,
За ветхую шубу овчинную
Два года бродил за стадом,
На деревянный тайак[1] опираясь,
Боро-Чуда
Сиротливый мальчик.

Думы его, как тучи, мрачны,
Как пасмурный день, тоскливы.
Байских овец он в горах пасет,
Пищи не видит неделями.
Ноги его совсем ослабели,
Подламываются, как тростинки,
А руки веток таловых тоньше.

Игры байских детей увидев —
Г'орько бедный малыш заплачет,
На сытых, веселых глянет, —
Из глаз его слезы льются,
Светлые слезы горя
Бездомного сироты...

На пастбищах байских овец пася,
Боро-Чуда скитается
Печальный и одинокий.
Песню жалобную поет:

«Желтого, желтого солнца
Время заката близится.
Желтыми потрохами
С шерстью овечьей вместе,
Бедному мне пастушонку
Ужинать доведется...

Красное, красное солнце
Скоро за горы скроется,
Мне, сироте бездомному,
Жалкой едой насытиться
Время опять пришло...»

Жизнь свою несчастливую
Детским умом обдумав,
Боро-Чуда пастушонок
Счастье искать решился,
В горы уйти скитаться.
Байских овец покинув,
Вдаль без оглядки мчался,

Байской страшась погони...
От ненавистного удаляясь,
Бежал по горам и долинам,
Дыханья не переводя.

Шесть урочищ он миновал,
Шесть хребтов перевалил,
В долине пламя пожара увидел.
Зеленые, молодые
В пожаре деревья гибнут,
Пепел и дым летит.
В средине долины белой
Нетронутая пожаром,
Пламенем окруженная,
Зеленая ель стоит...

«Если огонь жадный
Я потушу вокруг,
Если из пламени жаркого
Зеленую ель спасу, —
Плохо ли это будет?
Хоть и дерево, все же
И дереву жить охота,
И в дереве есть душа...»

Так сказав,
К одинокой ели
Боро-Чуда приблизился,
Огонь притоптал ногами,
Наверх поглядел
И видит:
По сучьям еловым вьется

Близкую смерть почуяв,
Рот от жары разинув,
Испуганная змея,
Не зная куда деваться,
С сучка на сучок мечется,
Глазами пощады просит.

«Если из пламени жадного
Змею ядовитую выручу,
Плохо ли это будет?
Хоть и змея, а душу
Может она имеет?!»

Так сказав, на коек березовый
Боро-Чуда подцепил змею,
Пламенем опаленную,
И потихоньку кинул
Неподалеку, в прохладу,
Куда не дошел огонь...

И снова в дорогу пустился.
Шел до захода солнца.
На перевал поднялся,
Прилег отдохнуть и уснул...

Утром встает и видит —
Змеи его окружили.
Путь продолжать он хочет,
Змеи ноги опутали,
Шага шагнуть не дали.
Боро-Чуда подивился:

«Если худое задумали,
Меня почему не жалят?
Если добра желают,
Путь зачем преградили?»

Долго он, долго думал, —
С места сойти не смея.
К нему змея подползает,
Держит во рту яичко,
К Боро-Чуда потянулась,
Будто отдать желает...

Боро-Чуда догадался,
Шапку свою подставил,
Змея отвернула голову,
Яичко не опустила.

Полу шубы подставил,
Змея глазами блеснула —
Яичко не положила.
Боро-Чуда не обиделся,

За голенищем обутка рваного
Укромное гнездышко показал —
Змея яичко туда не кинула,
Как дерево, кверху тянется...

Думал Боро-Чуда, думал, —
На землю опустился,
К небу лицом улегся,
Рот широко раскрыл.
Черным телом мелькнула
Обрадованная змея,
Яичко змеиное кинула
В рот малыша раскрытый.

Боро-Чуда удивленный
Змеиную речь услышал,
Змеиный язык вдруг понял,
Как человечью речь:

«Единственного детеныша
От гибели верной спас ты,
Маленький добрый мальчик,
В сердце своем носящий
Жалость и доброту.
Услуги твоей не забуду,
Добро твое буду помнить,
Счастливой и долговечной
Сделаю жизнь твою.

Ходи по горам Алтая,
В долинах живи цветущих,
Народом своим любимый!

Из шустрых коней выбрав
Самого быстроходного, —
Как ветер, по свету мчись!

Из сладкой еды выбирая
Самую сладкую пищу, —
Красивым и сытым будь!

Широкоплечие великаны
Плечи твои не охватят —
Будь силачем могучим!
Скуластые краснобаи
Словами тебя не осилят —
Красноречивым и мудрым будь!

Язык зверей и деревьев,
Песни птиц перелетных,
На всей земле обитающих, —
Будут тебе понятны,
Как человечьи речи!..
На всей земле заимеешь
Семьдесят семь друзей!..»

Так змея говорила
Та, что яичко змеиное
Боро-Чуде подарила,
В рот его положив.

Многие змеи, радуясь,
Боро-Чуду восхваляли,
Сколько змей поклялися
Друзьями верными быть!

«За этой горой недавно
Хан один кочевал.
Из стад, каргане подобных,
Один жеребенок саврасый
От кобылиц отбился.
В болоте увяз, лежит.
Левый глаз жеребенку
Выклевать мне хотелось,
Левым передним копытом
Меня лягнул жеребенок, —
Еле от смерти спасся!..
Два дня пройдет, ворочуся,
Саврасый в болоте сдохнет,
Выклюю оба глаза!..»

Черный ворон проклекотал,
Черными крыльями прогудел.
Боро-Чуда, его выслушав,
Не останавливаясь идет,
Зеленой травы не топчет,
Цветы стороной обходит...

Гору высокую перевалил,
В низину сошел. Не видно
Болоту конца и краю, —
С небом оно слилось.

Голос саврасого жеребенка
Издалека доносится:
«Кто от смерти меня избавит,
Выручит из беды?

Спасителя милого буду
В трех поколеньях славить,
Четыре века благодарить...
Для рук его сильных —
Крыльями стану!
Для ног его быстрых —
Обувью вечной!
Другом-товарищем
Вечно буду!..»

Ржанию жеребенка
Боро-Чуда внимает,
В болотную тину входит,
На голос его идет,
Удары копыт его слышит.

До жеребенка добрался —
Вынес его из трясины,
На стройные ноги поставил,
Речь жеребенка слушает:

«Ай-Кан, хозяин богатый,
Увидев, как я провалился,
Рукой на меня махнул,
На пастухов разорался:

— «Стоит ли с ним возиться,
С маленьким жеребенком,
Пусть подыхает бессильный —
Стада мои не убудут!
Только бы удалося
Скот остальной переправить,

Шести моим поколеньям
Шерсти и мяса хватит!» —

Так мой хозяин богатый
Кричал пастухам. Со стадами
Дальше откочевал,
В болоте меня оставил...
Бедному жеребенку
Верный товарищ нашелся,
Другом моим ты будешь,
Дружба навеки свяжет,
Если умрем, — пусть кости
Наши положат вместе,
Радостно жить будем, —
Наши две жизни, как реки
В реку одну сольем!»

Так жеребенок саврасый,
От радости задыхаясь,
Боро-Чуде рассказывал,
Зеленой травы верхушки
Бархатными губами
Со стебельков срывал.

Боро-Чуда, ласковый,
Саврасого жеребенка
Ремнем обратал за шею,
С собой в поводу повел,
Стали они друзьями.

День и ночь с жеребенком
Боро-Чуда шагает.

Многие горы перевалил,
Во многих урочищах побывал,
В долину пришел.
И видит
Лиственницу развилистую
Старую, в пять обхватов.
У основания дерева
Серого ястреба видит.
Сизые птички вьются,
Над ястребом стоном стонут,
Стервятника проклинают:

«Детеныша нашего милого,
Птенчика беззащитного,
Жадный подлец пожирает, —
По ветру пух летит.
Чтоб потроха твои лопнули,
Чтобы брюшина твоя раздулась,
Чтобы род твой погиб проклятый,
Чтоб твой детеныш, не вылетая,
В гнезде бы погиб птенцом!..»

Сизые птички плачут,
Над лиственницей порхают,
Росою их слезы падают,
Дождиком светлым льются.

Боро-Чуда, их выслушав,
Стрелы и лук готовит,
К серому ястребу крадется,
В круглую голову целясь.

В глаз ястребиный стрелу пустил, —
Замертво пал стервятник,
Меткой стрелой сраженный...
Сизые птички стаями
Над Боро-Чудой вьются,
Радуются, поют:

«Ястреба с хищным клювом,
С когтями гнутыми, острыми,
Меткой стрелой сразившему,
Маленькому стрелку
Слава и уваженье!..

Ястребу, нас терзавшему,
Гибель пришла наконец-то,
Пусть и гнездо ястребиное
Гибнет и разрушается!..
Маленького охотника благодарим!

Пущенная тобою
Стрела не минует цели,

Хищников поражая!..
Слово, тобою сказанное, —
Пусть справедливым будет!»

Сколько звонкоголосых
Боро-Чуду расхваливают,
Песни о нем поют,
На крылышках по Алтаю
Славу его разносят.

Звено

Дни и ночи шагая,
Через урочища переправляясь,
Саврасого жеребенка
Боро-Чуда ведет...
Как горное эхо, доносится,
До слуха его долетает
Горестный и тоскливый
Козла молодого голос:

«Синий волк гонится
За мной, молодым, красивым,
Синий волк настигает,
Стройного, нежнотелого,
Хочет меня сожрать!..

Отец мой уже не в силах
С синим волком сразиться,
У братьев моих красивых
Силы нехватит выручить, —
Гибель моя близка!..

Сочно-зеленой, отборной,
Видно, травы не кушать,
По синим горам Алтая
Весело не гулять, —
Смерть моя приближается!..

Волк на меня накинется,
Синие жилы из тела
Зубами порвет и вытянет,
Синий кал из желудка вытрясет,
— Так и погибну я!»

Стройный козленок мчится,
Уши прижав от страха,
Из сил выбиваясь, скачет,
О помощи умоляет.
Синий волк, настигая,
Грозно рычит козленку:

«Теперь не уйдешь, наверное,
Подлый козел, от волка,
Двух логов перебежать не дам,
Тонкую твою шею,
Как волос, перекушу!..

Две горы невысоких
Перевалить не успеешь,
Красной крови твоей напьюсь,
По синим горам разбрызгаю!»

Синий волк за козленком мчится,
Кровью глаза набухли,

С губ его пена падает,
Слюна с языка течет.

Чутко насторожился
Боро-Чуда, услышав
Жалобный крик козленка,
Синего волка вой.

Лук он с плеча снимает,
Стрелу поперек кладет,
Синего волка завидев,
Он тетиву спускает, —
Падает волк сраженный,
Стрелой наповал убитый!..
Увидев это, козленок
Обрадовался, подпрыгнул
Выше горы высокой,
Боро-Чуду восхваляя:

«Пусть стрела твоя меткая
Без добычи не воротится,
На землю не падет.
Слово, тобою сказанное,

Пусть справедливым будет —
Великим и мудрым будь!..

От смерти меня избавив, —
Вечно живущим будь!
Из гибели близкой выручив, —
Будь великаном, сильным,
Смелым, непобедимым!..»

Обрадованный козленок
Боро-Чуду расхваливал,
А сам в раздолье Алтая
Привольно пастись ускакал...

Дни и ночи сменялись...
Боро-Чуда неустанный
Саврасого жеребенка
На поводу ведет.

Много урочищ они миновали,
Многие горы перевалили.
На скалы синие поднялись,
Выше снегов и леса.

Боро-Чуда с вершины
Кругом поглядел и видит, —
В урочище недалеком
Рядом стоят три аила.

Возле аилов этих
Три собаки уселись,

В три голоса звонко лают,
Между собой говорят:

«Мой хозяин
Скупее дьявола,
Гость не заедет
В его аил...
Скряга такой для гостя
Скотину колоть не станет,
Обглоданной кости не бросит
Вечно голодной мне.
Брожу у чужих аилов,
Пищу себе добывая,
За каждую косточку круглую
Шкуру мою худую
Другие собаки рвут,
Люди словами злыми
За каждый кусок ругают,
А то и пинка дадут!..»

Жалобно так завывала
Перед аилом крайним

Собака, тощая телом.
Ей от другого аила
Вторая собака тоже
Жалобно говорит:

«Скряга хозяин редко
Скотину для гостя колет...
Если барана зарежет,
Кости его обгложет,
Досуха их вываривает.
Твердый мосол бросит, —
Досыта не наешься,
С голоду не подохнешь,
Да ругань хозяина слушай, —
Горькая жизнь моя!..»

Перед аилом средним,
Сытая и довольная,
Подругам своим голодным
Третья собака лает:

«Аил мой красивей ваших,
Ваших аилов богаче,
У коновязей хозяйских
Кони всегда привязаны,
В аиле моем красивом
Гости не переводятся...
Для каждого гостя хозяин
Барана жирного колет,
Костей у порога жирных
Вдоволь всегда валяется...
Сегодня гости приедут, —

Свежее мясо будет.
Бараньего курдюка я
Сегодня опять отведаю, —
Весело мне живется!..»

У сытой собаки шерстка
На круглой спине лоснится,
Голос собаки звонок —
Довольна она житьем...

Речи собак послушав,
Боро-Чуда в долину
С высокой горы спустился,
В средний аил вошел.

Возле огня уселся,
Новости рассказал.
О жизни хозяев аила
Учтиво он расспросил.

«Дряхлый старик заходит
В аил гостевать — убыток
Хозяевам гость приносит.
Пищу с'едает даром...

Войдет молодой и сильный —
В работе помочь не откажется,
Рады такому гостю, —
Его угостить не жалко...

Ременную вязку, висящую
Вон на крючке, возьми-ка,

Острый топор, лежащий
Вон у порога, возьми-ка,
Дров наруби, сходи!»

Хозяйка аила лукавая,
Так малышу сказав,
Чашку чегеня[3] кислого
Полную налила,
Боро-Чуду угостила,
Дров принести заставив.

К вечеру день склонился.
Хозяин аила приехал,
Новые гости приехали,
Два тажаура араки
С собою в аил внесли,
Громко разговорились...

Жирнейшего из баранов
Хозяин для них зарезал,
Потчует их, угощает
Мясом и жиром бараньим.

Один из гостей приезжих
К Боро-Чуде обратился:

«Хоть ты и рос бездомным,
Возле чужих аилов,
Хоть и бродил у порогов,
Пищу себе выпрашивая, —

Все-таки ты из моего рода,
Сестрой моею рожденный,
Племянником мне доводишься,
Видно, тебя угостить придется.

Спинку баранью возьми, отведай,
Мою доброту и хозяина славного
Помни, не забывай...»

Так говоря, кидает
Боро-Чуде удивленному
Спинку баранью, гость,
Дядей себя назвавший...

Боро-Чуда несмело
Мясо ко рту подносит,
Отведать еще не успел,
На землю мясо упало,
Собака в аил вбежала,
Мясо зубами схватила,
Боро-Чуда не успел нагнуться, —
Собаки и след простыл.

Гости над ним смеются,
Собаку хитрую хвалят,
Сытые и довольные
Араку хмельную пьют...

Тут Адыш-бай узкоглазый,
Хозяин аила богатого,
С гостями переглянувшись,
Боро-Чуде говорит:

«Хороший ты, видно, парень!
Единственного жеребенка
К моим табунам, к кобылам
На пастбище отпусти.

Умный ты, видно, парень!
Ко мне пастухом наймися,
Ходи за моими стадами,
Дорого заплачу!

Коня-бегуна не надо ли
Из табунов отборных,
Расшитую шубу с лисьим
Воротником не надо ли,
Все, что захочешь, — дам!»

Так, выбирая слова красивые,
Лукавый бай уговаривал,
Ласково и тихонько
Боро-Чуде шептал,
Многое обещая.

Боро-Чуда маленький
Хитрому баю поверил,
Байских овец отары
Снова пасти нанялся...

Три года зимой и летом,
Сквозь зимнюю стужу и вьюги,
Под летним дождем и градом,
Боро-Чуда трудился,
Байских овец пася.

Байскому слóву веря,
Вслед за стадами ездит,
Песни поет, скучая...
Так его дни текли...

Однажды гонит отары
Бора-Чуда в урочище,
За каждой овцой наблюдая,
Отсталых торопит. И видит —

Черный ягненок маленький,
Тощий, с паленой шерстью,
От стада отстав, хромает,
Совсем ослабел, шатается.

«В кого такой уродился». —
Овцы его ругают. —
«Подлый какой-то выродок,
Вечно за стадом тащится,
Ноги его не носят,
Совсем, негодяй, раскис!..»

Овцы его ругают,
Толкая и так, и этак,
Маленького беднягу
С ног ослабевших валят,
Через него шагают.

Черный ягненок плачет,
На ругань и на побои
Одно и то ж говорит:

«В моем животе маленьком
Тыщи овец таскаю,
А в ваших пустых утробах
Всего по одной овце...
Если б вы это знали,
Не стали б меня бранить».

Черный ягненок, охая,
Прихрамывая, тащился,
От горя-горького плакал:

«От Адыш-бая уйти бы,
От глаз его хитрых скрыться,
В Алтае свободно жить...»

Так говорил ягненок,
Черный с паленой шерстью.
Боро-Чуда его слышал,
Задумался, не поняв.

Саврасый его жеребенок
Резвится в высоких травах,

От радости ржет и скачет,
За Боро-Чудою ходит,
Ласкается, звонким голосом
Советы ему дает:

«От Адыш-бая уйти бы,
Да только подумать надо,
Как бы хищного не прогневить,
Как от злого освободиться».

Боро-Чуда, задумываясь,
Выхода не находит,
У жеребенка саврасого
Совета доброго просит.
Ему жеребенок ответ дает:

«Когда ты к реке пригонишь
Байских овец отары,
Их через мост берестяный
Перегонять не будешь.
Против аила байского,
На том берегу стоящего,
У места, где воду черпают,
Стадо останови,
Через реку Кечкелу
На байский берег овечек
Возьми и перекидай.

Тогда Адыш-бай, увидев
Силу твою, испугается,
Избавиться поспешит,
Снова хитрить попробует,

Будет сулить награду,
«Чего бы желал ты?» — спросит...
Ты Адыш-баю ответишь:
«Маленького ягненка,
Тощего, опаленного,
От стада всегда отстающего, —
В награду за труд возьму,

Ящичек деревянный,
С крышкою обгорелой,
В углу аила запрятанный,
В награду за труд возьму».

Так ты ответишь баю,
От слова не отступая,
Этой награды требуй,
От прочего откажись...»

Так жеребенок саврасый
Боро-Чуде советует,
Вокруг пастушонка скачет,
Передним копытом играя,
Задним легко ступает,
Иноходью бежит,

Воды на спине не расплещет
Боро-Чуды жеребенок,
Масти саврасо-белой,
Маленький, сытый конь...

К быстрой реке Кечкелу
Стадо они пригнали,
К мостику берестяному
Овечек не подпустили,
К глубокому омуту гонят,
Где черпают воду люди.

Овцы вперед рванулись,
Боро-Чуда их ловит,
В горсть забирая, кидает
Через реку Кечкелу
Прямо на байский берег!

Хоть бы одну искалечил,
Шерсть на одной измял бы! —
Целехоньки все остались,
Здоровые, невредимые,
По выгону разбрелись, —
Зеленую травку щиплют...

Боро-Чуда садится
На жеребенка саврасого,
В брод через реку скачет
Вода в реке поднялася
Выше вершин деревьев
А Боро-Чуда, стременами
Быстрой струи не касаясь,
Через реку Кечкелу
Мигом перемахнул!..

Стоит Адыш-бай, дивится,
Ноги под ним подломились,
От удивленья и страха
На землю он присел:

«Алтайский Шулмус[1] должно быть
В этого парня вселился,
Злые духи, наверное,
Силой его наделили!..

Пусть-ка подальше едет
От моего аила,
Язык мой присох к гортани,
Сказать ничего не могу!»

Так Адыш-бай испуганный
В аиле своем метался,
Вскакивал и садился,
Места не находил...

Боро-Чуда спешился,
Через порог шагнул,
Бай на почетное место
Садит его, как гостя,
Ласково говорит:

«Калак-кокый! Здравствуй,
Боро-Чуда любезный!
Обещанную награду
Я тебе приготовил.
Три года овечек пас ты,
Обещанное заслужил, —
Полностью все получишь!
Чего пожелаешь, любезный, —
Не поскуплюсь, отдам!..
Коней из моих табунов не надо ль,
Из стада овец отборных,
Шубу ль с лисьим воротником, —
Все, не утаивая, проси,
Садись на коня любого,
В любую сторону поезжай!..»

Так Адыш-бай лукавый
Боро-Чуду сговаривал,
Сладкой и жирной пищей
Мальчика угощал...

«Табун лошадей не надо,
Стада овечьего, шубы,
Богатств твоего аила
Мне, Адыш-бай, не надо.

Ящичек деревянный
С крышкою обгорелой,
В переднем углу запрятанный,
В награду за труд возьму.

В отарах многоголовых
Тощий, с паленой шерстью
Черный ягненок пасется, —
В придачу его отдай!..

Прочих богатств не надо,
Буду доволен этим!..»

Так Адыш-баю ответил
Боро-Чуда, смущаясь,
Взоры в землю потупив,
От слова не отступает...

Бай с женою переглянулись,
На Боро-Чуду поглядев,
Засмеялись,

В угол взглянув,
Заплакали,
Между собой зашептались:

«Не отдадим», — сказать бы, —
Боро-Чуда обидится,
Богатыря прогневаешь —
Горя не оберешься...

«Все отдадим» — сказать бы...
Ягненка совсем не жалко,
Да ящичек деревянный
Больше всего им жаль.

«Наше родное семя
В ящичке том запрятано,
Наша плоть, родовая
В ящичке том хранится.

Вернется ли к нам обратно,
Когда мы совсем состаримся,
Байскому роду нашему
Помощь какую окажет ли?!..»

Бай с женою задумались,
Выхода не нашли,
Боро-Чуде ответили:

— «Нечего, видно, делать, —
Три года на нас работал,
Три года ходил за стадами,
Славным работником был.

Обещанное получишь —
Запрошенное возьми.
Садись на коня саврасого,
В обширный Алтай с богатством
Весело возвращайся!..»

Ящичек обгорелый,
Вдали от огня стоявший

В переднем углу аила,
Жалея, в руках подержали,
Боро-Чуде вручили.

Ягненка черного, тощего
В стаде своем поймали,
Посмеиваясь, отдали..

Боро-Чуда, не медля,
Ящичек деревянный,
Ягненка с паленой шерстью
На жеребенка навьючил.

На деревянный тайақ опираясь,
Глаза устремив к вершинам,
Где солнце утрами восходит, —
Пошел от аила прочь...

А бай с женою остались
У своего аила,
Горести не скрывая,
От злости они заплакали...

К синим алтайским вершинам,
Где солнце утрами всходит,
Боро-Чуда добрался,
И здесь отдохнуть решил.

Из веток таловых устроил
Ладный шалаш, а возле

Из сучьев сухих кедровых
Жаркий костер развел.

Ягненка угнал пастися
К солончаковому яру.
Саврасого жеребенка
На луговину пустил...

Ящичек деревянный
В передний угол аила
Вдали от огня поставил.
Кошму постелив, улегся
И до утра проспал...

Когда поднялося солнце
Из-за вершин алтайских, —
От сладкого сна пробудившись,
Боро-Чуда встает.

Глянул кругом и видит —
Шалаш из таловых веток,
В котором спал беспробудно, —

Будто сгорев, исчез...
На месте его появился
Золотом разукрашенный,
Шестиугольный, белый,
Из кошм узорных аил.

Внутри аила богатства
Грудами понавалены,
Стол золотой посредине
С шестью золочеными ножками.
Пища мясная и сладкая
Горой на столе лежит.
Шелковые постели
Шестью рядами разостланы,
Как лунное небо, занавес
Шелком переливается...

Нет никого в аиле.
Боро-Чуда, оглядываясь,
Стоит один посредине,
Дивится, глазам не веря:

«Во сне это, что ли, снится?
Откуда взялось богатство,
Какой богатырь так скоро
Белый дворец поставил,
Золотом разукрасил?!
На улицу надо выйти, —
Может от сна проснуся?..»

Боро-Чуда выходит,
Глянул кругом и видит:

На солóнчаковых взгорьях,
Где пасся ягненок черный,
Отары овец пасутся,
На пастбища не вмещаясь.

Вокруг аила коровы
Прямо кишмя-кишат.
В телятниках огороженных
Игривых телят полно...

Боро-Чуда, удивляясь,
Саврасого жеребенка
Глазами ищет и видит,
И снова глазам не верит, —

Масти саврасо-белой
Конь тонконогий, стройный,
Хозяина дожидаясь,
Землю копытом роет,
Шея дугой изогнулась,
Кольцами грива вьется,
Жиром бока заплыли,
От гривы до крупа желоб...

Боро-Чуда не верит,
Глаза протирая, спрашивает:

«Или в стране я сна нахожусь
И не могу проснуться?
Или чудо такое
За ночь произошло?!..»

Снова в аил он входит.
Ящичек обгорелый,
В переднем углу лежавший,
В руки берет.
Ударив,
Крышку с него срывает —
И новое чудо видит:

Подобна луне полнолицей
Девица вышла оттуда,
Брови ее, как радуги,
Глаза — черемуха спелая,

Одежда, расшитая золотом,
Шелком переливается,
Пуговицы золотые,
Как солнце, сияют,
Серебряные пуговицы,
Как луны и звезды, светят.

Боро-Чуде улыбнулась,
Ласково поглядела...
Хозяйкой в аиле стала,
Боро-Чуде женою.

Как муж и жена они породнились,
Радостно и счастливо
Начали жить вдвоем...

Боро-Чуда однажды
В аиле своем богатом

Стрелы и лук налаживал,
Разные думы думал...

Возле порога аила,
На шкуре, женой разостланной
Кислый творог сушился, —
Желтая ааρчи.

Птички сюда слетелись, —
Пара серењких птичек,
Зобы набивая, торопятся,
Между собою ссорятся,
Самке самец щебечет:

«Надо скорей насытиться,
Обеими лапками ройся, —
Хозяйка аила скупая,
Каждый день ааρчи не сушит,
Каждый день угощать не будет...»

Сердито на самку щебечет
Серењкий воробей,
А сам, обеими лапками
Творог разгребая, клюет...

Боро-Чуда, наблюдая
Хлопоты серых птичек,
Их щебетанье слыша,
Весело рассмеялся.

Жена его рассердилась,
Со злыми словами накинулась:

«Худое, однако, думаешь,
Если один смеешься.
Видать, надо мной смеешься,
Если не говоришь...»

Покоя ему не давала,
Боро-Чуду расспрашивая,
На месте ей не сиделось.
Все по аилу бегала.

«Милая моя женушка,
Не над тобой смеюся,
Жизнь свою прошлую вспомнив,
От радости рассмеялся...»

Так Боро-Чуда ответив,
Злую жену ласкает,
Не гневаться умоляет,
Про птичек не говорит...

Мирно с женой поживает
Боро-Чуда. Однажды,
Сев на коня, поехал

На пастбища недалекие,
Чтоб на стада взглянуть...

Лесом он едет и видит —
На ветке зеленого дерева,
Сук к земле пригибая,

Кукушка сидит, кукует,
Жалобно так поет;

Красивая, звонкогорлая,
Через лога летает,
Снова на ель садится,
Громче прежнего плачет:

«Трем поколеньям народа,
Всем племенам Алтая
Я куковала звонко,
Старый и малый, люди,
Слушали и любили

Голос мой... А теперь —
Голосом Салтан-Кана
Бедный народ очарован...
Обмана его не зная,
К дворцу его собираясь,
Люди, как стаи ласточек,
На гибель свою летят.

Худое им хан готовит, —
Мужчинам, года которых
За тридцать перевалили,
Женщинам, если за тридцать,
Годы их перелетели,

Злой Салтан-Кан задумал
Черненым мечом из стали
Головы отрубить...

Горе мне бедной, горе!
Кто теперь слушать будет
В густом лесу разносившийся,
В северной стороне звучавший, —
Голос красивый мой,
Если народ погибнет?..
Кто хвалить меня будет,
Если людей не станет?..

Есть ли среди живущих
Такая могучая сила,
Есть ли на белом свете
Такая твердая воля, —
Чтобы народ несчастный

От ханского зла избавить,
От гибели сохранить?!»

С ветки на ветку порхая,
С ели на ель летая,
Певунья-кукушка плачет,
Вещая беду народам.

Боро-Чуда, услышав
Голос кукушки вещей,
На жеребца саврасого
Мигом вскочил, помчался.
Народы Салтан-Кана
Боро-Чуда об'езжает,
О злой затее Салтана
Народам он говорит:

«Не на веселый праздник
Вас Салтан-Кан скликает.
Злое задумал дело
Этот свирепый хан.

Под черным мечом из стали
Черные головы ваши
На землю упадут.
Красную кровь народа
Хан проливать задумал, —
Вот для чего сзывает...
Обманом вас обольстив!..

Черный народ, подымайся
Все, как один, вставайте, —
Хану не сдобровать!..
Жилище его разрушим,
Чтоб навсегда избавиться,
В руки его не попасть, —
Все, как один, вставайте!..»

Так на коне саврасом
Боро-Чуда носился,
Слово кукушки вещей
Народам передавал.

Подобно ласточьим стаям
Народы снялись со стойбищ,
На призыв Салтан-Кана
Из гор и долин спешат,
Дворец его белоснежный,
Шестидесятиугольный
Толпами окружили,
Возле дверей столпились...

Море араки выпили, —
Пьяными зашатались,
Вечно полуголодные
Горы мяса поели,
Насытились по горло...

Хан Салтан-Кан свирепый,
Отроду грозный владыка,

Меч из стали черненой
В правую руку схватив,
К народу идет из аила,
Голос его гремит:

«Мужчины всего народа
Старше тридцатилетних,
Женщины пожилые
Старше тридцатилетних, —
По правую руку встаньте,
Направо все отделитесь!
Женщины и мужчины
Моложе тридцатилетних, —
По левую руку встаньте,
Налево все соберитесь!..»

Так Салтан-Кан пред народом
Голосом загремел —
Земля под ногами вздрогнула,
Шатнулись Алтая горы.

Бедный народ, как стая
Ласточек, встрепенулся,
Направо одни отделились,
Другие налево встали.

Хан Салтан-Кан свирепый,
Отроду злой владыка,
Черным мечом замахнулся,
За облака задевая,
Белые молнии высек.

Направо махнул мечом —
Десятая часть народа
По правую руку хана
Замертво повалилась,
Головы раскатились,
Кровь пролилась рекой.

Хан Салтан-Кан могучий,
Отроду злой убийца,
Меч, обагренный кровью,
По синим махнувши тучам,
Над головами занес.
Но слышит с горы высокой
Голос от гнева звонкий:

«Эй, Салтан-Кан, убийца,
Есть ли закон, который
Невинных людей позволил,
Как скот, стадами губить?

Если себя считаешь
Из молодцов — молодчиной,
Если из ханов грозных
Прославился самым грозным, —

С равными молодцами,
С равными палачами
Сражайся, единоборствуй!

Стрелять тебе захотелось —
Меткостью с ними тягайся,

Силой похвастать надо —
С ними померяй силу!

Бедный народ не трогай,
Как скот, его не губи,
Кровью народа бедного,
По прихоти ханской, напрасно
Землю не поливай!..»

С черной горы раздался
Голос этот могучий,
С вершины горы высокой
Эти слова Салтану
Боро-Чуда кричал...

С высокой горы, прицелясь,
В правую грудь Салтана
Боро-Чуда пускает
Стрелу, омытую кровью...

Меч, к облакам поднятый,
Хан не успел обрушить,
Меткой стрелой пронзенный,
Замертво на земь рухнул...

Морем черная кровь его
Хлынула, разливаясь,
Горой обгорелой кости
В алтайских горах легли.
Так он лежал, сраженный,
Грозный владыка-хан...

Как стаи ласточек, люди
Радовались, веселились,
Как будто луна и солнце
Сразу взошли над Алтаем,
Спины народ разогнул, и сразу
Силу в руках почуял...
Плечи и грудь расправил.
Ханское тело и кости,
Пальцем большим отмеривая,
Резали и бросали
Воронам на с'еденье.

Черную кровь Салтана,
Ложками отмеряя,
Каждый, его проклиная,
По сторонам разбрызгивал...

Шестидесятиугольный
Белый дворец разрушили,
Реку огня пустили,
Чтоб он шесть лет горел,
Шесть зим бы не потухал...

Боро-Чуду хвалили
Тысячами голосов:

«От гибели нас избавив,
Солнце для нас открыл,
От гнета освободивший,
Веселье и волю дал!..

Головы наши отныне
Уму твоему вручаем,

Трем поколеньям народа
Три века вождем ты будь!..

Четыре века желаем,
Чтобы ты с нами жил,
Наш богатырь прославленный,
Имя тебе даем:

«Боро-Чуда могучий,
На скакуне саврасом
Ездящий», — так отныне
Будешь в народе зваться!..»

Как стаи ласточек, зашумели
Народы всего Алтая,
Слава Боро-Чуды гремела
По всем горам и долинам...

Люди к Боро-Чуде кинулись,
Под руки подхватили,
С коня его бережно сняли,
Под руки повели.

Боро-Чуда могучий,
На бело-саврасом коне ездящий,
Стал вожаком народа,
Прославленным и любимым.

Повел за собой народы,
Пастбища выбирая,
Сытым скотом, конями
Всех бедняков наделяя,

Возле лесов и рек поселил.
Народ по Алтаю рассеяв,
К жене своей возвратился,
Снова стал поживать...

Боро-Чуда, богатырь могучий,
Однажды в аиле своем сидел.
Глянул на женскую половину —
Пару мышей увидел.

Мышонки — самец и самка,
Запах молочный чуя,
Вокруг котелка шныряют,
Между собою ссорятся:

«Первым ты в чугунок полезешь», —
Самка пищала серая.

«Силы твоей не хватит
Меня, мужика, держать,
Уж лучше первой ты полезай,
Напейся, я тебя подержу». —
Серый мыш отвечает самке.

Самка в котел спустилась,
Самец за хвост ее держит,
Вылезла и умылась —
Досыта напилась...

Серый мыш в котелок спустился,
Мышка за хвост его держит,

Лапками упираясь,
Никак удержать не может.

Свалился в котел мышонок,
Не выбравшись, захлебнулся.
Серая мышка плачет,
Вокруг котелка суетится.

«Погиб старичок мой милый,
Как проживу вдовой...»

Боро-Чуда, подслушав
Весь разговор мышиный,
Не выдержал, рассмеялся.
Жена на него накинулась:

«Что ты, лукавый, думаешь,
Над кем ты опять смеешься?!
Не надо мной ли, хитрый,
Злые насмешки строишь?
Сколько уж раз смеялся,
А не сказал, над чем...
Снова теперь смеешься...

Не буду терпеть позора,
Лучше к отцу, Адыш-баю,
Лучше к матери возвращусь,
Чем для насмешек обидных
С тобою в аиле жить!..»
Долго она ругалась,
Уйти собралась из аила.
Боро-Чуда опечалился,
Правду сказать решил:

«Подруга моя хорошая,
Жена моя дорогая,
Нельзя мне клятвы не нарушая,
Тайну свою открыть...

Раз на меня ты сердишься,
Видно, сказать придется.

На всей земле я имею
Семьдесят семь друзей,
В горах и долинах Алтая
Многих друзей имею,
От этих друзей за услугу
Дар получил великий —
С птицами и зверями,
С деревьями и цветами
На их языках разговаривать,
Речи их понимать!..»

Только успел промолвить
Боро-Чуда про это, —

Дара тотчас лишился,
Говор зверей и растений
Слышать он перестал!

С одной человечьей речью
С этого дня остался
Боро-Чуда прославленный,
Среди народа любимый,
Долгие годы жить...

Литературный перевод
Александра Смердова

ТЕМИР-БЕКО

Семидесяти народам земли
Покойно жить недававший,
Шестьдесят народов Алтая
Безвинно замучивший,
Угоняющий с пастбищ скот,
И народы с разных полян
Забирающий в тяжкий плен,
Ездящий на черно-бархатном коне,
Богатырь, медноплечий Деек-Беко
Проживал в горах.

Вместе с ним, медноплечим Деек-Беко,
Цепной собаке подобный,
О народе не думающий,
Красную кровь народа проливающий,
Ездящий на бело-сером коне,
Ак-Беко жил свинцовоплечий.

— «Не течет в наших жилах горячая кровь, —
Мы без крови созданы.

Нас нельзя умертвить, задушить нельзя, —
Мы без душ созданы.
Нам дорогу не может никто преградить, —
Нет нигде смельчака такого,
Нас, за плечи схвативши, к земле прижать, —
Нет нигде силача такого...»

Так вот Ак-Беко и Деек-Беко,
Ногами земли не касаясь,
На конях горделиво раз'езжая,
Говорили хвастливо между собой.
Весь народ трудовой впал в большую нужду,
Из тяжелой и рабской жизни
Выход стали народы искать.

— «Под токумом лошадь стоит, —
Как о беге ее узнаешь?
В рваной шубе мужчина спокойно стоит, —
Как о силе его узнаешь?
Нашу темную жизнь осветить
Неужели средь нас не найдется
Богатырь? Неужели Деек-Беко
Победить сын народа не сможет?
Он родится ж когда-нибудь!..»

Так
Говорили народы с надеждой.

Новосибирская Областная
Библиотека
№ 335886.

«Сыргачи»

Сказка записана в 1935 г. Литературный перевод (по подстрочнику) — А. Смердова.

Сыргачи — имя героини, происходит от слова сырга — серьга. Сыргачи — делающая серьги.

«Протекала Балыкту — река»...—рыбная река, т.-е. река, богатая рыбой.

«Человек по имени Каамдучи». Каамду — выдра. Каамдучи— охотник на выдру. Имя как бы подчеркивает, что отец Сыргачи был хорошим охотником.

«Ердене, жена любимая»... Ердене — случайно найденная вещь, приносящая счастье. Жена Каамдучи принесла ему радость — родила дочку-умницу.

«Притащить вязанку дров». Алтайцы не заготовляли дров, а всякий раз доставляли их в жилище столько, сколько нужно на 1-2 дня. В одних районах Алтая топливо доставляли на лошадях — волоком, в других — таскали вязанками. Это можно видеть кое-где еще и теперь.

«И в архытах закисая был всегда чегень приятный и сушилась аарчи». Обычно чегень приготовляют и хранят в больших кожаных мешках — архытах. Только в Эликмонарском аймаке чегень держат в деревянных бадьях. Аарчи — творог, оставшийся после выгонки араки (самогонки), которую приготовляют из чегеня. Из этого творога делают сыр—курут.

«На плечо озык свой вскинув». Озык — палка с железным острием, которой выкапывают корни кандыка.

«На горах кандык копала, рыла сладкую сарану»... Многие семьи бедняков до революции поддерживали свое существование корнями этих растений. Корни кандыка сушили, заготовляли впрок. Кандык варили в молоке.

«Денильдей — меня зовут». Денильдей — слабоумая. Эта слабоумая могла существовать только за счет чужого труда, в данном случае за счет грабежа бедняков.

«А моя Агаш-Сокы»... — деревянная ступа, в которой толкут ячмень для толкана.

«Голову твою седую отсеку, к ногам приставлю»... — угроза, очень часто встречающаяся в алтайских сказках.

«Двух собак — тайгылов злых»... Слово тайгылы означает, что эти собаки молодые и гривастые, сказочные.

«В деревянную колодку шею тонкую ее зажмите»... До са-

мой революции зайсаны заковывали непокорных в деревянные колодки.

«Ташаур вина поставив»... — кожаный мешок араки.

«Камнем птиц набьешь сколь надо»... Обычный способ охоты алтайских богатырей. Так охотился на гусей богатырь Сартакпай.

«Как цветок росла малютка»... Любимое сравнение. На Алтае часто девушкам дают имя — Цветок (чечек).

„Юскузек"

Сказку «Юскузек» П. В. Кучияк в детстве и юности много раз слышал от сказительницы, по имени Баргаа, которая была его бабушкой со стороны отца. Спустя много лет после смерти бабушки, Кучияк осенью 1935 г. по памяти дал письменный текст этой сказки.

Баргаа была дочерью Шунека из сеока (рода) Тодош. Младший сын Шунека по имени Шонкор (дед Кучияка со стороны матери) также был известным на Алтае сказителем.

На русский язык сказка переведена Вас. Непомнящих.

Юскузек в переводе на русский язык означает—сиротинушка.

1. «Рваной шубы два вытертые рукава мне подушку всегда заменяют», — оборот речи, часто встречающийся в ойротских народных сказках.

2. «Мы покажем тебе, наш цветущий Алтай...» — В сказках слово «Алтай» стало нарицательным, как бы синонимом слов: страна, край.

3. Толкан приготовляется из ячменя. Поджаренный в казане (котле) ячмень очищается от половы, затем растирается камнями. Толкан подсыпают в чашки с чаем.

4. Алмыс-дилимис — ползучий чорт.

5. «Звери шерстью покрыты, а птицы пером, человек же имеет имя», — старая алтайская пословица.

6. Алтын-Чачак — золотая кисточка.

7. Итбашту-Тенек-ул—имеющий собачью голову, дураковатый парень. Своих рабов и батраков ханы-баи часто называли унизительно обидными именами.

8. Самара-бичик — письмо или приказ, написанный на дереве или камне.

9. До революции на Алтае было всего 6 проц. грамотного населения. Грамотными были русские кулаки да попы, алтайские баи и зайсаны (родовые старшины, князьки).

9. Треножник — железный круг на трех ножках, на котором крепляется казан (котел) над костром.

11. «С'ешь ты голову своего отца» — ругательство, встречающееся почти исключительно в сказках.

12. Эпизод, часто встречающийся в алтайских сказках.

13. В других сказках — богатырь Кускун по крылу птенца переходит через море.

14. Описание аналогичных встреч есть в ряде других сказок.

15. Дяргак — старая, голая шуба.

16. Курут, — сыр, приготовленный из творога, оставшегося после выгонки араки (самогонки из квашеного молока).

17. Вошь сыргынчака — ругательство.

18. Обычно слову «курбустан» предшествует слово «уч», что означает «три курбустана» — высшее божество у шаманистов.

19. Той — свадьба, пиршество.

20. Комыс — миниатюрный губно-зубной музыкальный инструмент. Комысчалары — музыканты, играющие на комысах.

«Аргачи и Кудюрчи»

Сказка «Аргачи и Кудюрчи» записана в 1935 г. в урочище Кулады, Онгудайского аймака. Подстрочный перевод отредактирован А. Коптеловым.

Творцы этой сказки, как видно, ставили своей целью хлестко высмеять бая, которого бесконечная жадность привела на костер. Перед нами законченный тип стяжателя. В этом ценность сказки.

Имя хана Караты-Кана очень часто встречается в алтайских народных сказках. Обычно, это—злой, вероломный, мстительный человек, разбогатевший на грабеже своего народа.

В сказке «Аргачи и Кудюрчи» о хане говорится, как о человеке, выполняющем все свои обещания. Несомненно, в первых вариантах этой сказки бедняк Аргачи получал быков, золото и молодую жену не потому, что хан выполнял свои обещания. Бедняк получал все это «благодаря уму своему». Таков основной замысел сказки. Но под звуки двухструнного топшура сказители часто пели сказки в стойбищах зайсанов (родовых старшин, князьков). В угоду богатым и власть имущим слушателям, придворные сказители внесли в сказку свои поправки, т.-е. сложили строки о том, что Караты-Кан честно выполняет свои обещания. Но основной замысел первоначальных авторов — высмеять баев и ханов — ясно виден и в обрисовке

Караты-Кана: хан так же глуп, как бай Кудюрчи. Вдумчивый слушатель, несомненно, должен был сделать такой вывод:

— Умница Аргачи уничтожил бая. С таким же успехом он закончит борьбу с самим ханом.

В сказке «Аргачи и Кудюрчи» нарисовано не особенно богатое стойбище хана. Караты-Кан живет еще в войлочной юрте. В других сказках хан, разбогатевший на грабеже трудового народа, живет уже в золотом дворце.

Сказка эта известна не только в урочищах Онгудайского аймака, но и в других районах Ойротии. Свидетельством тому являются варианты (менее полные, чем наш вариант), записанные в нескольких местах.

В «Аносском сборнике», составленном Н. Я. Никифоровым под редакцией Г. Н. Потанина (Омск, 1915 г.), помещена сказка «Аргачи и Кучечи» (Кудюрчи?), в которой есть эпизоды, похожие на отдельные эпизоды из сказки «Аргачи и Кудюрчи». Сказка опубликованная Никифоровым, начинается встречей Аргачи с курмесами (души умерших, злые духи), которые хотят взять душу дочери Тас-хана, невесты Караты-Кана. Аргачи пытается спасти девушку, но потом курмесам все же удается взять ее душу. На земле остается больное тело девушки. Вскоре, «благодаря уму своему», Аргачи отнимает у курмесов похищенную душу и возвращает телу. Тогда хан отдает свою дочь за него замуж. Караты-Кан мстит смельчаку, приказывает сжечь его, но вместо него на костре так же, как и в сказке «Аргачи и Кудюрчи», оказывается ханский сын. Потом у Аргачи умирает жена. Тогда он прибегает к той же хитрости, что и в нашей сказке, и женится на дочери Караты-Кана. На этом сказка «Аргачи и Кучечи» заканчивается. Ни эпизодов с быками, ни эпизодов с аилом и юртой там нет. Не только нет сцены сжигания Кучечи, но это имя во всей сказке даже не упомянуто. Читатель недоумевает, почему же имя Кучечи стоит в заголовке? Сказка написана таким стилем:

«...Аргачи еще заранее прищурил один глаз. Он отвечает: «Лежу, чтобы вылечить глаз». «Разве это помогает?» — спрашивает сын Караты-Кана. — «Как же». «Так дай я на твое место лягу; у меня (тоже) глаз кривой». «Если отдашь мне своего вороного иноходца и черную лисью шапку, то, пожалуй, уступлю тебе свое место». Сын Караты-Кана отдал коня и шапку и лег вместо Аргачи и был сожжен своими слугами».

Это не запись сказки, а краткий пересказ ее содержания.

Таким образом сказка «Аргачи и Кудюрчи» является наибо-

79